



Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Почему не Эванс?



ЭКСМО

Annotation

«Почему не Эванс?» – таковы были предсмертные слова таинственного незнакомца, обнаруженного сыном викария Бобби Джонсом во время игры в гольф. Молодому человеку на пару с юной леди Фрэнсес Деруэнт придется заняться расследованием этого загадочного убийства.

- [Агата Кристи](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)

- [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Агата Кристи
Почему не Эванс?

Глава 1

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Бобби Джонс положил свой мяч на метку для первого удара, слегка подался назад, неторопливо отвел клюшку и с молниеносной быстротой нанес удар. Вы думаете, мяч полетел прямо, подскочил над специально сделанной песчаной канавкой и приземлился там, откуда его можно было загнать ударом клюшки на зеленую лужайку вокруг четырнадцатой лунки? Не тут-то было! Клюшка царапнула по верху мяча, он медленно покатился по земле и застрял в песчаной канавке.

Не было и пылкой толпы, которая ахнула бы от страха. Единственный свидетель этого промаха ничуть не удивился, и это вполне объяснимо: удар-то нанес не родившийся в Штатах мастер этой игры, а всего лишь четвертый сын викария из Марчболта, небольшого городка на побережье Уэльса.

Бобби издал откровенно неприличное восклицание. Это был добродушный с виду молодой человек лет двадцати восьми. Даже лучший друг вряд ли назвал бы его симпатичным, но лицо у него было очень располагающим, а карие глаза смотрели преданно, будто глаза честной собаки.

– День ото дня я играю все хуже и хуже, – удрученно пробормотал он.

– Вы торопитесь, – заметил его партнер.

Доктор Томас был мужчиной средних лет, седовласый, с бодрым красным лицом. Сам он никогда не размахивался изо всех сил. Нанося короткие прямые удары по центру мяча, он обычно одолевал тех, кто играл пусть и более зрелищно, но с ошибками.

Бобби в ярости накинута на свой мяч с ниббликом^[1]. Удар у него вышел только с третьей попытки. Мяч лег неподалеку от зеленой лужайки, куда доктор Томас добрался двумя точными ударами клюшкой с железным наконечником.

– Лунка ваша, – сказал Бобби.

Они направились к следующей метке. Первым бил доктор, удар у него вышел красивый, прямой, но мяч улетел недалеко. Бобби вздохнул, поставил свой мяч, поправил его, долго перекалывал в руке клюшку, отступил, будто деревянный, назад, закрыл глаза, поднял голову, втянул правое плечо – словом, сделал все, чего ему делать не следовало, и мяч,

рассекая воздух, полетел по самой середине поля. Бобби глубоко и удовлетворенно вздохнул. Хорошо знакомая всем досада игрока в гольф сменилась не менее знакомым выражением восторга.

– Теперь я знаю, в чем я портачил, – простодушно заявил Бобби. Мастерский удар клюшкой с железной головкой, легкий удар по самому краешку мяча другой клюшкой, и Бобби загнал в лунку верный мяч. Он сделал на удар меньше положенного, и доктор Томас потерял очко. Полный уверенности в себе, Бобби подошел к шестнадцатой метке. Он снова сделал все, чего делать не следовало бы, но на сей раз никакого чуда не произошло. Получился страшный, великолепный, можно сказать сверхъестественный срез! Мяч заметался какими-то ломаными зигзагами.

– Если бы вышел прямой, вот было бы здорово! – сказал доктор Томас.

– Если бы, – с горечью ответил Бобби. – Эй, мне послышался какой-то крик. Надеюсь, мяч ни в кого не угодил.

Он повернулся направо и стал всматриваться, видно было плохо. Солнце садилось, и, глядя прямо на него, трудно было различить что-либо достаточно отчетливо. Да и с моря поднималась легкая дымка. В двух-трех сотнях ярдов от них был обрыв.

– Там проходит тропинка, – сказал Бобби. – Только вряд ли мяч мог туда долететь. И все-таки мне показалось, что я слышал крик. А вы?

Но доктор ничего не слышал. Бобби пошел поискать мяч. Нашел он его не без труда, но сыграть им было невозможно: тот зарылся в куст утесника. Бобби попробовал пару раз ударить по нему, потом поднял и крикнул партнеру, что сдает лунку.

Доктор подошел к нему, потому что следующая метка была у самого обрыва. Семнадцатая всегда нагоняла на Бобби безотчетный страх. Здесь надо было пробить мяч над расщелиной. Расстояние, по сути, было не такое уж большое, но бездна внизу всегда отвлекала его внимание. Они пересекли тропинку, которая вела от моря в глубь суши слева от них, огибая самый край утеса. Доктор взял клюшку с железной головкой, и его мяч приземлился на противоположном краю расщелины. Бобби глубоко вздохнул и нанес удар. Мяч стремительно понесся вперед и скрылся за краем пропасти.

– И каждый раз, черт побери, я делаю одну и ту же ошибку, черт побери! – с горечью сказал Бобби. Он подошел к краю пропасти и заглянул в нее. Далеко внизу сверкало море. Обрыв был крут только сверху, а потом переходил в пологий склон и мягко спускался к воде. Бобби медленно пошел по краю. Он знал одно местечко, где без особого труда можно было спуститься вниз. Так делали мальчики, обслуживающие игроков в гольф:

они спрыгивали вниз и вскоре, запыхавшиеся, но ликующие, появлялись вновь с улетевшим мячом в руках. Внезапно Бобби замер и позвал своего партнера:

– Послушайте, доктор, идите-ка сюда. Что это там такое, как вы думаете?

Доктор затаил дыхание.

– Боже, – сказал он, – кто-то сорвался с утеса. Мы должны спуститься к нему.

Бок о бок двое мужчин спустились со скалы, более спортивный Бобби помогал доктору. Наконец они добрались до зловеще темневшей бесформенной груды. Это оказался мужчина лет сорока, он еще дышал, хотя и был без сознания. Доктор осмотрел его, потрогал руки и ноги, пощупал пульс, прикрыл ему веки. Опустившись на колени, он завершил осмотр и взглянул на Бобби. Тот стоял рядом, его тошнило. Доктор медленно покачал головой.

– Ничего не поделаешь, – сказал он. – Его песенка спета, бедняга. У него сломан хребет. Видимо, он не знал этой тропы и шагнул вниз, когда сгустился туман. Сколько раз я говорил в ратуше, что здесь нужно поставить ограду. – Он поднялся и добавил: – Я схожу за помощью. Договорюсь, чтобы тело подняли наверх. Того и гляди стемнеет. Вы побудете здесь?

Бобби кивнул.

– Я полагаю, ему уже ничем не поможешь? – спросил он.

Доктор покачал головой.

– Ничем. Уже скоро: пульс быстро слабеет. Он протянет еще самое большее минут двадцать. Вполне возможно, перед смертью сознание вернется к нему, а может, и нет. И все же...

– Пожалуй, я останусь, – быстро сказал Бобби. – Идите. У вас нет никакого лекарства на тот случай, если он очнется?

Доктор покачал головой.

– Ему будет совсем не больно, – сказал он и, повернувшись, стал быстро взбираться по обрыву. Бобби наблюдал за ним, пока тот, помахав рукой, не скрылся за гребнем, Бобби сделал пару шагов по узкому карнизу, уселся на каменный выступ и закурил сигарету. Он был потрясен. До сих пор ему не приходилось сталкиваться с болезнью или смертью.

Вот ведь невезуха! Ясный вечер, и вдруг с моря наплывает туман. Один неверный шаг, и жизни конец. Да еще такой здоровый с виду мужчина. Наверное, ни одного дня в жизни не болел. Залившая лицо смертельная бледность не могла скрыть густой темный загар. Человек, который

проводил жизнь на свежем воздухе, возможно, за границей. Бобби внимательнее вгляделся в его лицо: выющиеся каштановые волосы, чуть тронутые сединой на висках, крупный нос, волевой подбородок, полуоткрытые губы обнажали белые зубы. Широкие плечи и красивые жилистые руки. Ноги изогнулись под невыносимым углом. Бобби вздрогнул и перевел взгляд на лицо. Привлекательное лицо – живое, решительное, умное. Вероятно, подумал он, глаза у него синие.

И тут глаза открылись.

Они и впрямь были синими, темно-синими. Они смотрели прямо на Бобби. В них не было никакой растерянности, они оставались ясными, и взгляд был вполне осмысленный. Глаза внимательно смотрели на парня и одновременно, казалось, о чем-то вопрошали. Бобби быстро встал и направился к мужчине. Не успел он подойти, как тот заговорил. И голос был не слабым, а звучал четко и громко.

– Почему не Эванс? – произнес он. И вдруг по телу мужчины пробежала мелкая судорога, веки сомкнулись, челюсть отвисла.

Человек умер.

Глава 2

НЕМНОГО ОБ ОТЦАХ

Бобби опустился рядом с ним на колени, но сомнений не было: человек мертв. Последнее мгновенное просветление, этот неожиданный вопрос – и конец.

Как бы оправдываясь, Бобби сунул руку в карман умершего и, вытащив шелковый платок, почтительно накрыл им лицо. Это все, что он мог сделать. Тут он заметил, что вместе с платком вытащил из кармана еще что-то. Это оказалась какая-то фотография, и, кладя ее на место, Бобби взглянул на запечатленное на ней лицо. Это было женское лицо, такое, которое странным образом западает в память. Она казалась почти девушкой, наверняка ей не было и тридцати. И не сама ее красота завладела воображением Бобби, а эта ее неотвязность, способность запоминаться навсегда. Такое лицо не забудешь, подумалось молодому человеку. Он осторожно и с почтением положил фотографию в карман, из которого она выпала, затем снова уселся на камень и стал ждать возвращения доктора.

Время тянулось очень медленно, во всяком случае, так казалось ждущему парню. И тут он вдруг вспомнил: он же обещал отцу сыграть на органе во время вечерней службы в шесть часов, а было уже без десяти! Естественно, отец сделает скидку на обстоятельства, но все равно Бобби жалел, что не попросил доктора сообщить отцу. Преподобный Томас Джонс был человеком исключительно нервным, причем волновался преимущественно по пустякам, а от волнения у него расстраивалось пищеварение, и он испытывал страшные муки. Бобби хоть и считал отца жалким старым ослом, но очень любил его. Преподобный же Томас, в свою очередь, считал четвертого сына жалким юным ослом и, уступая Бобби в терпимости, все пытался как-то перевоспитать молодого человека.

«Бедный старикан, – подумал Бобби. – Он будет рвать и метать. Он не будет знать, начинать службу или нет. Он изведется до того, что у него заболит живот, и тогда он не сможет поужинать. У него же не хватит ума понять, что я бы его не подвел, если б мог этого избежать. А, все равно, какое это имеет значение? Но он никогда не поймет. У всех, кому за пятьдесят, не осталось здравого смысла, они изводят себя до смерти по сущим пустякам. Наверное, их не так воспитывали, и теперь они ничего не могут с собой поделать. Бедный старый папочка, ума у него как у куренка!»

Он сидел и думал об отце со смешанным чувством любви и раздражения. Жизнь дома казалась ему одной непрерывной жертвой, приносимой в угоду представлениям его отца. А мистеру Джонсу она виделась непрерывной жертвой с его стороны. Жертвой, неверно понятой и принимаемой молодым человеком как должное. Вот так могут разниться представления об одном и том же предмете.

Как долго нет доктора – целую вечность! Пора бы ему уже давно вернуться. Бобби встал и угрюмо зашагал взад-вперед. Тут он услышал над головой какой-то звук и поднял глаза, благодаря Бога, что помощь подоспела и его услуги больше не нужны.

Но оказалось, что это не доктор, а какой-то незнакомый Бобби мужчина в брюках для гольфа.

– Послушайте, – сказал вновь прибывший, – случилось что-нибудь? Несчастье? Могу я чем-нибудь помочь?

Высокий мужчина с приятным тенором. Бобби видел его не очень четко, так как сумерки быстро сгущались. Он принялся объяснять, что произошло, а незнакомец по ходу объяснения издавал испуганные охи и ахи.

– Могу я что-то сделать? – спросил он. – Позвать на помощь или что-нибудь такое?

Бобби объяснил, что подмога уже идет, и спросил, не видит ли незнакомец признаков ее приближения.

– Пока никого нет.

– Видите ли, – продолжал Бобби, – у меня в шесть часов дело.

– А вам не хочется уходить.

– Да, не хочется, – признался Бобби. – То есть бедняга мертв и все такое, и разумеется, сделать ничего нельзя, но все равно... – Он умолк, обнаружив, как обычно, что ему сложно облечь сложные чувства в слова. Но его собеседник, казалось, все понял.

– Я знаю, – сказал он. – Послушайте, я сейчас спущусь, если, конечно, разгляжу дорогу, и побуду здесь, пока не придут эти ребята.

– Ах, что вы говорите? – с благодарностью воскликнул Бобби. – Видите ли, речь идет о моем отце. Человек он неплохой, но вечно расстраивается. Вам видно? Чуть левее, теперь вправо, вот так. И не трудно ведь совсем, а?

Он ободрял незнакомца и направлял его, пока двое мужчин не оказались лицом к лицу на узкой площадке. Пришельцу было лет тридцать пять. У него было несколько безвольное лицо, которому, казалось, недостает монокля и усиков.

– Я нездешний, – объяснил он. – Кстати, моя фамилия Бэссингтон-ффренч. Приехал присмотреть себе дом. Послушайте, надо же такому случиться. Вероятно, упал с утеса?

Бобби кивнул.

– Поднялся легкий туман, – объяснил он. – Тут опасный отрезок тропинки. Ну, пока. Большое спасибо. Я должен спешить. Очень любезно с вашей стороны.

– Ну что вы, – запротестовал Бэссингтон-ффренч. – Любой на моем месте поступил бы точно так же. Нельзя же оставить беднягу лежать. Я хочу сказать, это было бы как-то неприлично.

Бобби взобрался по крутой тропке, помахал сверху рукой и пустился бегом. Чтобы сэкономить время, он перемахнул через стену церковного двора, вместо того чтобы огибать ее по дороге и входить в ворота. За всем этим с глубоким неодобрением наблюдал из окна ризницы викарий. Было уже пять минут седьмого, но колокол продолжал звонить. Объяснения и взаимные упреки были отложены до окончания службы. Запыхавшись, Бобби опустил на свое сиденье и принялся манипулировать регистрами органа. По ассоциации он заиграл похоронный марш Шопена.

После службы, скорее с горя, нежели в гневе, как он это выразительно подчеркнул, викарий дал сыну нагоняй.

– Коль уж ты не можешь сделать что-то как следует, дорогой мой Бобби, – заговорил он, – лучше уж вовсе не делать. Я знаю, что у тебя и всех твоих молодых дружков, похоже, и понятия нет о времени, но есть Некто, которого нельзя заставлять ждать. Ты сам по собственному почину вызвался играть на органе. Я тебя не принуждал. И вдруг ты малодушно предпочел какую-то там забаву...

Бобби решил, что, пожалуй, лучше уж подать голос сразу, пока отца не занесло слишком далеко.

– Прости, пап, – бодро и беспечно сказал он, как говорил всегда, независимо от предмета беседы. – На этот раз я не виноват. Я стоял на страже над трупом.

– Ты что?

– Стоял на страже над одним бедолагой, который сорвался с утеса. Ты знаешь то место, где расщелина у семнадцатой метки? С моря поднялся туман, а он, должно быть, не заметил обрыва и шагнул вниз.

– О небо! – вскричал викарий. – Какая трагедия! И что же, он так на месте и умер?

– Нет. Он был без сознания. Умер он уже после ухода доктора Томаса. Но, разумеется, я счел своим долгом остаться там. Просто не мог уйти,

бросив его. А тут подошел какой-то парень, так что я передал ему обязанности главного плакальщика, а сам во весь дух помчался сюда.

Викарий вздохнул.

– Ах, дорогой мой Бобби, – сказал он. – Неужели ничто не в состоянии поколебать твое бездушие? Оно причиняет мне неизъяснимое горе. Ты только что лицом к лицу столкнулся со смертью, а сам отпускаешь шуточки по этому поводу! Смерть совершенно тебя не трогает. Ваше поколение обращает в шутку все самое серьезное, самое святое.

Бобби переминался с ноги на ногу. Что ж, коль отец не понимает даже, что ты шутишь лишь потому, что тебе плохо, значит, он и вовсе ничего не понимает. Разве такое объяснишь? Когда рядом смерть и горе, нельзя падать духом. А впрочем, чего от него ждать? Все, кому за пятьдесят, ничего не понимают. У них чертовски странные взгляды. «Наверное, это все война, – подумал верный сын. – Она их так скрутила, что теперь уж не распрямиться». Ему было и неловко за отца, и жаль его.

– Прости, пап, – сказал он, красноречивым взглядом давая понять, что они никогда не найдут общего языка. Викарию было жаль сына: тот выглядел смущенным. Мальчик и понятия не имеет, насколько серьезная штука жизнь. Даже само его извинение прозвучало чересчур дерзко и легковесно.

Они направились к дому викария, причем каждый прилагал огромные усилия, чтобы найти оправдания другому. Викарий думал: «Интересно, когда же Бобби наконец чем-нибудь займется?»

А Бобби думал: «Интересно, сколько мне еще торчать тут?»

И все же они очень любили друг друга.

Глава 3

В ПОЕЗДЕ

Бобби и думать не думал, чем обернется для него это приключение. Наутро он отправился в Лондон, чтобы повидать приятеля, который намеревался открыть гараж и считал, что участие Бобби в этом предприятии может оказаться весьма полезным.

Обсудив все дела и придя к соглашению с Бэджером, Бобби два дня спустя сел в поезд, отправлявшийся в половине двенадцатого. Сесть-то он сел, да чуть было не опоздал. Он прибыл на вокзал Паддингтон, когда стрелки часов показывали 11.28, пустился бегом по туннелю, выскочил на платформу № 3, когда поезд уже тронулся, и прыгнул в первый попавшийся вагон, не обращая внимания на возмущенные протесты проводников и носильщиков у себя за спиной.

Резко распахнув дверь, он упал на четвереньки, но тут же встал, а проворный носильщик быстро захлопнул за ним дверь, и Бобби обнаружил, что стоит в купе и смотрит на его единственного пассажира.

Вагон оказался первого класса, и в углу купе, лицом по ходу поезда, сидела и курила сигарету темноволосая девушка в красной юбке, коротком зеленом жакете и блестящем голубом берете. Несмотря на отдаленное сходство с обезьянкой шарманщика (у нее были продолговатые печальные темные глаза и сморщенное личико), она определенно была хороша собой.

Бобби начал было оправдываться, но тут же осекся.

– Господи, это ты, Фрэнки! – вскричал он. – Не видел тебя целую вечность.

– Ну, и я тебя столько же. Садись, поболтаем.

Бобби усмехнулся.

– У меня билет другого цвета.

– Неважно, – великодушно изрекла Фрэнки. – Я уплачу за тебя разницу.

– При мысли об этом моя мужская гордость начинает бунтовать. Разве я могу допустить, чтобы за меня платила дама?

– Это почти все, на что мы нынче способны, – заявила Фрэнки.

– Я сам уплачу разницу, – героически сказал Бобби, когда в дверях появилась дородная фигура в синем.

– Предоставь это мне. – Фрэнки снисходительно улыбнулась

проводнику, который, приложив руку к козырьку, взял у нее билет и прокомпостировал его. – Мистер Джонс только что зашел поболтать со мной. Это ничего?

– Ничего страшного, ваша милость. Я полагаю, джентльмен здесь надолго не задержится. – Проводник вежливо кашлянул и многозначительно добавил: – Я снова загляну после Бристоля.

– Вот чего можно добиться улыбкой, – заметил Бобби, когда проводник ушел. Леди Фрэнсес Деруэнт задумчиво покачала головой.

– По-моему, улыбка здесь ни при чем, – сказала она. – Скорее, тут дело в привычке отца давать всем по пять шиллингов на чай, куда бы он ни ехал.

– Я думал, ты навсегда оставила Уэльс, Фрэнки.

Фрэнсес вздохнула.

– Дорогой мой, сам знаешь, как в жизни бывает. Знаешь, какими закоснелыми могут быть предки. Да еще ватагу им трудно принимать в их возрасте, да заняться нечем, да поговорить порой не с кем. Люди теперь не хотят просто приехать и пожить в сельской местности! Они заявляют, что, мол, экономят и не могут далеко ездить. Что же там делать девушке, спрашивается?

Бобби сокрушенно покачал головой, соглашаясь с нею.

– Однако после вечеринки, на которую я попала вчера, – продолжала Фрэнки, – я решила, что даже дома не может быть хуже.

– И что же было не так с вечеринкой?

– Все было не так. Она напоминала любую другую вечеринку, только было еще хуже. Собирались в «Савое» к половине девятого, но некоторые заявили в четверть десятого, и, разумеется, все все перепутали, пристали к другим компаниям. Но часам к десяти мы рассортировались и пообедали, а потом отправились в «Марионетт» – ходили слухи, что на него совершат налет, но ничего не случилось, и там была скука смертная. Мы чуткок выпили, после чего поехали в «Буллринг», но там оказалось еще скучнее, и тогда мы пошли в одну кофейню, а оттуда – в рыбную, а потом решили, что поедем на завтрак к дядюшке Анжелы, поглядим, не шокирует ли его наше появление, но это его не шокировало, просто ему было скучно, а затем мы вроде как с позором разъехались по домам. Честно, Бобби, ну что тут хорошего?

– Да уж, – сказал Бобби, подавляя приступ зависти.

Даже в минуты безрассудства он не допускал и мысли, что сможет стать членом клубов «Марионетт» или «Буллринг».

У них с Фрэнки сложились своеобразные отношения. В детстве он и его братья играли с детьми из Замка. Теперь, став взрослыми, они редко

встречались. А когда виделись, по-прежнему называли друг друга по имени. В тех редких случаях, когда Фрэнки навещала дом, Бобби и его братья ходили играть с ней в теннис. Но Фрэнки и ее братьев в дом викария не приглашали. Подразумевалось, что вряд ли им там будет весело. С другой стороны, в теннисе всегда нужны партнеры. Вероятно, несмотря на то что они обращались друг к другу по имени, не обходилось без некоторой скованности. Деруэнты, наверное, держались чуточку дружелюбнее, чем надо, словно желая показать, что «мы точно такие же, как вы». Джонсы же, напротив, были немного официозны, будто не намеревались претендовать на более тесную дружбу, чем та, которую им предлагали. У двух семейств не было теперь ничего общего, кроме некоторых детских воспоминаний. Однако Бобби очень нравилась Фрэнки, и ему всегда было приятно ее видеть в тех редких случаях, когда судьба сводила их вместе.

– Я так от всего устала, – сказала Фрэнки скучающим тоном. – А ты?

– Да нет, похоже, не устал, – поразмыслив, ответил Бобби.

– Дорогой мой, как здорово, – заявила девушка.

– Я не хочу сказать, что я пай-мальчик, – объяснил Бобби, не желая, чтобы его неправильно поняли. – Сам не перевариваю праведников.

Фрэнки содрогнулась, услышав это словечко.

– Я знаю, – пробормотала она. – Они ужасны.

Они сочувственно переглянулись.

– Кстати, – сказала вдруг Фрэнки, – что это там говорят про человека, который сверзился с утеса?

– Его нашли мы с доктором Томасом, – отвечал Бобби. – Откуда ты об этом узнала, Фрэнки?

– Из газет. Вот, смотри. – Она показала пальцем на небольшую заметку под заголовком: «Несчастный случай в морском тумане со смертельным исходом. Жертву трагедии в Марчболте опознали вчера вечером по фотографии, которая оказалась в кармане покойного. Это было фото миссис Лео Кеймен. С миссис Кеймен сразу же связались и доставили ее в Марчболт, где она опознала в усопшем своего брата, Алекса Причарда. Мистер Причард недавно возвратился из Сиамы. Его не было в Англии десять лет, и он совершал туристический поход. Дознание состоится завтра в Марчболте».

Бобби вновь увидел мысленным взором это странное незабываемое лицо с фотографии.

– Наверное, мне придется давать показания на дознании, – сказал он.

– Вот здорово! Я приду послушать.

– Не думаю, что это будет увлекательно, – возразил Бобби. – Понимаешь, мы ведь просто нашли его, и все.

– Он был мертвый?

– Нет еще. Умер он четверть часа спустя. Я сидел с ним один. – Он помолчал.

– Мрак! – произнесла Фрэнки, явив то мгновенное понимание, которого так недоставало отцу Бобби.

– Разумеется, он не чувствовал ничего...

– Да.

– Но все равно... понимаешь, он казался полным жизни, этот человек, и вдруг такой ужасный конец – шагнул с обрыва в каком-то дурацком тумане.

– Я понимаю тебя, – сочувственно произнесла Фрэнки и спросила чуть погодя: – Ты видел эту его сестрицу?

– Нет, я два дня провел в городе. Надо было повидать одного дружка по поводу гаража, который мы собираемся открыть. Ты его помнишь: Бэджер Биден.

– Помню?

– Конечно, помнишь. Должна помнить. Он еще косит.

Фрэнки сморщила брови.

– Грохнулся с пони, когда мы были малышами, – продолжал Бобби. – Голова застряла в грязи, и нам пришлось вытаскивать его за ноги.

– О-о, – протянула Фрэнки, вспоминая. – Теперь я знаю, о ком ты. Он еще заикался.

– Он и сейчас заикается, – с гордостью сказал Бобби.

– Это не у него была птицеферма? – поинтересовалась Фрэнки. – Она еще прогорела.

– Совершенно верно.

– А затем он пошел в маклерскую контору, откуда его через месяц вышибли.

– Вот-вот.

– А потом его отправили в Австралию, но он оттуда вернулся.

– Да.

– Бобби, – сказала Фрэнки, – я надеюсь, ты не собираешься вкладывать деньги в его предприятие?

– У меня их попросту нет, – ответил Бобби.

– И то слава богу! – воскликнула Фрэнки.

– Естественно, – продолжал Бобби, – Бэджер пытался заполучить кого-нибудь, кто мог бы вложить капитал. Но это не так легко, как может

показаться.

– Когда оглянешься вокруг, с трудом верится, что у людей вообще есть здравый смысл. А вот поди ж ты, есть, – заметила Фрэнки. Наконец до Бобби дошло, что она хочет сказать.

– Послушай, Фрэнки, – заспорил он, – Бэджер – один из лучших, один из самых лучших людей.

– Они все такие.

– Кто?

– Те, кто едут в Австралию и возвращаются. Где он раздобыл денег, чтобы начать дело?

– То ли тетка померла, то ли еще кто, и ему достался гараж на шесть машин с тремя комнатами над гаражом, а его старики выложили сотню наличными на покупку подержанных автомобилей. Ты бы удивилась, узнав, какие выгодные сделки можно проворачивать со старыми машинами.

– Я как-то купила одну, – сказала Фрэнки. – Это для меня большая тема. Давай не будем об этом. Зачем тебе понадобилось уходить с флота? Тебя ведь не выгнали, правда? В твоём-то возрасте.

Бобби покраснел.

– Зрение, – угрюмо ответил он.

– Мне помнится, у тебя всегда было неважно с глазами.

– Да. Но мне удалось прорваться. Затем служба за границей, яркий свет, который их и доконал. Так что... ну... пришлось уйти.

– Грустно, – пробормотала Фрэнки, глядя в окно.

– И все равно жалко, – не удержался Бобби. – Зрение у меня на самом деле неплохое, говорят, ухудшения не будет. Я мог бы служить хоть сто лет.

– На вид глаза как глаза, – сказала Фрэнки.

– Так что, как видишь, – сказал Бобби, – я присоединяюсь к Бэджеру.

Фрэнки кивнула. Проводник открыл дверь и объявил:

– Ленч, первая смена.

– Попробуем? – предложила Фрэнки.

Они пошли в вагон-ресторан.

Когда должен был появиться контролер, Бобби предпринял временное тактическое отступление.

– Зачем ему терзаться муками совести? – сказал он. Но Фрэнки заявила, что у контролеров, по ее убеждению, совести нет.

Шел уже шестой час, когда они добрались до Сайлхэма, служившего станцией для Марчболта.

– Меня встречает машина, – сказала Фрэнки. – Я тебя подброшу.

– Спасибо. Не надо хоть будет тащить эту заразу две мили. – Он

неприятно пнул ногой свой чемодан.

– Три мили, не две, – поправила Фрэнки.

– Две, если пойти по тропе через площадку для гольфа.

– Ту, где...

– Да, где сорвался этот парень.

– Я полагаю, его никто не толкнул, а? – спросила Фрэнки, протягивая служанке свой дорожный несессер.

– Толкнул?! Боже милосердный, конечно нет. А что?

– Просто тогда было бы гораздо интереснее, ведь правда? – ответила Фрэнки.

Глава 4

ДОЗНАНИЕ

Дознание по делу Алекса Причарда проводилось на другой день. Доктор Томас дал показания относительно обнаружения тела.

– Жизнь еще не покинула его? – спросил судебный следователь.

– Нет, он еще дышал. Не было, однако, никакой надежды на выживание. У него... – Тут доктор перешел на чисто медицинский язык, и судебный врач поспешил на помощь присяжным:

– Попросту говоря, у него был перелом позвоночника?

– Если вам угодно выразиться так, – с грустью сказал доктор Томас. Он поведал, как ушел за подмогой, оставив умиравшего на попечение Бобби.

– Ну а каково ваше мнение о причинах несчастья, доктор?

– Я бы сказал, что, по всей вероятности, он неосторожно шагнул в пропасть. С моря поднимался туман, а именно в этом месте тропинка резко поворачивает в глубь суши. Из-за тумана погибший, видимо, не заметил опасности и пошел прямо, а в этом случае достаточно сделать два шага, чтобы сорваться.

– Не было никаких признаков насилия? Увечий, которые могли быть нанесены кем-то посторонним?

– Я лишь могу сказать, что все имеющиеся повреждения можно объяснить ударом тела о камни внизу. Высота там шестьдесят футов.

– Остается вопрос самоубийства.

– Это, разумеется, вполне возможно. Случайно ли погибший сорвался с утеса или сам бросился вниз, об этом я ничего сказать не могу.

Следующим вызвали Роберта Джонса.

Бобби объяснил, что он играл в гольф с доктором и срезал мяч в сторону моря. В это время поднимался туман, видимость была плохая. Ему показалось, что он услышал крик, и у него на миг мелькнула мысль, что пущенный им мяч мог попасть в человека, идущего по тропинке. Он решил, однако, что так далеко мяч вряд ли залетел бы.

– Вы нашли мяч?

– Да, он не долетел до тропинки ярдов сто.

Затем он рассказал, как они начали играть от следующей метки и как он сам забил мяч в пропасть. Тут судебный следователь прервал Бобби,

поскольку его показания лишь повторяли бы рассказ доктора. Он, однако, подробно расспросил его о крике, который Бобби услышал или думал, что услышал.

– Это был обыкновенный крик.

– Зов на помощь?

– О нет. Всего лишь обычный крик, вы знаете. Правду сказать, я даже не был до конца уверен, что слышал его.

– Может быть, кричали от испуга?

– Это уже ближе, – с облегчением ответил Бобби. – Нечто вроде звука, который может издать человек, если в него неожиданно попадет мяч.

– Или если он сделает шаг в никуда, думая, что идет по тропинке?

– Да.

Когда Бобби рассказал, как мужчина умер минут через пять после ухода доктора за помощью, его пытка кончилась. Следовательно уже и самому не терпелось закрыть дело как совершенно ясное. Он вызвал миссис Лео Кеймен.

Разочарование было таким глубоким, что Бобби даже ахнул. Куда девалось то лицо с фотографии, нечаянно извлеченной из кармана покойного? Фотографы – худшие из льстецов, с неприязнью подумал Бобби. Тот снимок был, вероятно, сделан много лет назад, но все равно с трудом верилось, что чарующая большею частью красавица могла превратиться в эту вульгарную дамочку с выщипанными бровями и явно крашеными волосами. Время, подумал вдруг Бобби, ужасная штука. Как, например, будет выглядеть Фрэнки через двадцать лет? Он содрогнулся.

Тем временем Амелия Кеймен, проживающая в доме № 17 на Сент-Леонардс-Гарденз в Паддингтоне, давала показания.

Усопший был ее единственным братом, Александром Причардом. В последний раз она видела его за день до трагедии, когда он объявил о своем намерении отправиться в одиночный турпоход по Уэльсу. Ее брат недавно вернулся с Востока.

– Он выглядел нормальным и бодрым?

– О да, Алекс всегда был весел.

– Насколько вам известно, у него не было никаких странных мыслей?

– О! Я уверена, что нет. Ему не терпелось отправиться в этот поход.

– Не было ли у него в последнее время денежных затруднений или каких-либо иных неурядиц?

– Ну, право, не могу сказать, – отвечала миссис Кеймен. – Видите ли, он только что вернулся, а до этого я не видела его десять лет. Писать же он был не любитель. Но он водил меня по театрам и на завтраки в Лондоне и

сделал мне два-три подарка, поэтому не думаю, чтобы он нуждался. Он был в таком хорошем настроении, что, по-моему, и другие затруднения маловероятны.

– Чем занимался ваш брат, миссис Кеймен?

Этот вопрос, казалось, несколько озадачил женщину.

– Э... точно не знаю. Геологоразведка, вот как он это называл. Он очень редко бывал в Англии.

– Вы не знаете, была ли причина, по которой он мог бы лишиться себя жизни?

– О нет! И я не могу поверить, что он это сделал. Скорее всего, это несчастный случай.

– Как вы объясните, что у вашего брата не было при себе никакого багажа, даже рюкзака?

– Он не любил таскать рюкзак. Он собирался отправлять посылки через день. Одну, с простынями и парой носков, он отослал накануне отъезда, только адресовал ее в Дербишир вместо Денбишира, и она прибыла сюда лишь сегодня.

– Ага! Это проясняет один весьма любопытный момент.

Миссис Кеймен продолжала объяснять, как с ней связались через фотографов, чья фамилия стояла на снимке, который носил при себе ее брат. Она приехала с мужем в Марчболт и сразу же опознала в погибшем своего брата.

С этими словами она громко шмыгнула носом и заревела. Следователь как мог утешил ее и отпустил. Затем он обратился к присяжным. Их задача заключалась в том, чтобы определить, как умер этот человек. К счастью, дело представлялось предельно простым. Ничто не наводило на мысль, что мистер Причард был встревожен или удручен либо пребывал в таком состоянии, что мог лишиться себя жизни. Напротив, он был в добром здравии и хорошем расположении духа и с нетерпением ждал отпуска. К несчастью, когда с моря поднимается туман, тропка у вершины утеса становится опасной, и, возможно, они согласятся с ним, если он заявит, что долее с этим мириться нельзя.

Вердикт присяжных не заставил себя ждать.

– Мы находим, что смерть наступила в результате несчастного случая, и желаем вынести частное определение о том, что местному муниципалитету надлежит незамедлительно принять меры и обнести забором или оградой со стороны моря тот отрезок тропинки, где он огибает пропасть...

Следователь кивком головы выразил свое одобрение.

Дознание закончилось.

Глава 5

МИСТЕР И МИССИС КЕЙМЕН

Вернувшись в дом викария примерно полчаса спустя, Бобби обнаружил, что для него история со смертью Алекса Причарда еще не кончилась. Ему сообщили о приходе четы Кейменов, которые ждут его в кабинете отца. Бобби отправился туда и увидел, что викарий без всякого удовольствия мужественно ведет беседу, приличествующую случаю.

– Ага, – с явным облегчением сказал он, – вот и Бобби.

Мистер Кеймен встал и пошел навстречу молодому человеку, протягивая руку. Это был огромный краснолицый мужчина, державшийся внешне дружелюбно. Однако дружелюбие это никак не вязалось с холодным взглядом бегающих глаз. Что касается миссис Кеймен, то, хотя ее, грубо говоря, можно было счесть привлекательной, сейчас в ней почти не было сходства с той ее фотографией, а от задумчивого выражения лица не осталось и следа. По сути дела, размышлял Бобби, вряд ли ее узнал бы кто-то другой.

– Я приехал с женой, – сказал мистер Кеймен, крепко, до боли пожимая Бобби руку. – Просто не мог отпустить ее одну, знаете ли. Амелия, естественно, расстроена.

Миссис Кеймен шмыгнула носом.

– Мы пришли повидать вас, – продолжал мистер Кеймен. – Видите ли, брат моей бедной жены умер, можно сказать, у вас на руках. Естественно, ей хотелось бы знать все, что вы можете рассказать о последних минутах его жизни.

– Ну разумеется, – с несчастным видом сказал Бобби. – Разумеется. – Он нервно улыбнулся и тут же уловил вздох отца – вздох христианского смирения.

– Бедный Алекс, – простонала миссис Кеймен, прикладывая к глазам платок. – Бедный, бедный Алекс.

– Да уж, – сказал Бобби. – Мрак, да и только.

Он неловко заерзал.

– Понимаете, – сказала миссис Кеймен, с надеждой глядя на Бобби, – если он произнес какие-то последние слова или оставил сообщение, я, естественно, хочу об этом знать.

– Ну еще бы, – согласился Бобби. – Только он, собственно, ничего не

сказал.

– Вообще ничего? – Миссис Кеймен, казалось, разочарована и не верит ему. Бобби почувствовал себя виноватым.

– Нет, ну... собственно, вообще ничего.

– Так-то оно лучше всего, – мрачно заявил мистер Кеймен. – Отойти в беспамятстве, без боли... Господи, да ты должна смотреть на это как на благо, Амелия.

– Наверное, да, – сказала миссис Кеймен. – Вы думаете, ему не было больно?

– Я в этом уверен, – ответил Бобби.

Миссис Кеймен глубоко вздохнула.

– Что ж, спасибо и на этом. Я-то, правду сказать, надеялась, что он оставил сообщение, но теперь вижу, что так, как есть, даже лучше. Бедный Алекс. Он так любил проводить время на свежем воздухе.

– Правда? – спросил Бобби. Ему вспомнилось бронзовое от загара лицо, темно-синие глаза. Привлекательная личность этот Алекс Причард. Даже на грани смерти. Странно, что он приходится братом миссис Кеймен и свояком мистеру Кеймену. Он был достоин лучшего, считал Бобби.

– Разумеется, мы вам очень признательны, – сказала миссис Кеймен.

– О, ничего, – ответил Бобби. – Я хочу сказать... ну... больше я ничего не мог сделать. – Он беспомощно барахтался в словах.

– Мы этого не забудем, – сказал мистер Кеймен.

Бобби еще раз испытал железное рукопожатие. Миссис Кеймен протянула ему вялую руку. Его отец простился с ними, и Бобби проводил Кейменов до парадной двери.

– А чем вы занимаетесь, молодой человек? – поинтересовался Кеймен. – Приехали домой в отпуск или как?

– В основном я занимаюсь поисками занятия, – промямлил Бобби. – Я служил на флоте.

– Тяжелые времена... тяжелые сейчас времена, – сказал мистер Кеймен, качая головой. – Ну, желаю вам удачи, разумеется.

– Большое вам спасибо, – вежливо ответил Бобби.

Он смотрел, как они уходят по заросшей сорняками подъездной аллее. Парень вконец приуныл. В голове царил кавардак путаных мыслей. Фотография... лицо девушки с широко поставленными глазами и пышными волосами... И вот десять или пятнадцать лет спустя миссис Кеймен, размалеванная, с выщипанными бровями. Широко поставленные глаза утонули в складках кожи и превратились в пороссячьи глазки, а волосы были густо покрашены хной. Невинность молодости испарилась без следа.

Какая жалость! И все, наверное, из-за того, что она вышла замуж за этого здоровенного прохвоста Кеймена. Выйди она за кого-нибудь другого, может, и не постарела бы так безобразно и скоро. Седина в волосах, а на бледном гладком лице – все те же широко поставленные глаза... А впрочем, какая разница? Бобби вздохнул и покачал головой.

– Это худшее, что приносит брак, – пробормотал он.

– Что ты сказал?

Бобби очнулся от своих дум и увидел тихонько подошедшую Фрэнки.

– Привет, – буркнул он.

– Привет. Почему брак? И чей?

– Я рассуждал отвлеченно, – сказал Бобби.

– То есть?

– О разрушительных последствиях брака.

– И кто же подвергся разрушению?

Бобби все объяснил, но Фрэнки с ним не согласилась:

– Вздор. Эта женщина в точности как на фотографии.

– Когда ты ее видела? Ты была на дознании?

– Разумеется, была. А ты как думал? Тут же почти нечего делать.

Дознание – это настоящая манна небесная. Я так волновалась, что аж зубы свело. Конечно, лучше бы это было таинственное отравление, чтобы выступал лаборант-химик и все такое, но нельзя привередничать. Надо довольствоваться нехитрыми развлечениями, выпадающими на нашу долю. Я до самого конца надеялась, что кто-нибудь заподозрит неладное, но все оказалось чуть ли не до прискорбия просто.

– До чего же ты кровожадная, Фрэнки.

– Я знаю. Это, вероятно, атавизм, или как его? А ты как думаешь? Я уверена, что во мне много атавизмов, или как их? В школе меня прозвали Обезьянней Мордой.

– А обезьянам нравятся убийства? – спросил Бобби.

– Ты спрашиваешь, как корреспондент воскресной газеты.

– Ты знаешь, – сказал Бобби, возвращаясь к первоначальной теме, – я не согласен с тобой относительно миссис Кеймен. На фотографии она славная.

– Подретушировали, только и всего, – отрезала Фрэнки.

– Ну, значит, так подретушировали, что мать родная не узнает.

– Ты слепой, – сказала Фрэнки. – Фотограф сделал все, на что способно искусство светописы, но все равно снимок вышел гадкий.

– Совершенно с тобой не согласен, – холодно возразил Бобби. – Да и вообще, где ты его видела?

– В местной газете «Вечернее эхо».

– Возможно, его некачественно напечатали.

– По-моему, ты совсем спятил, – сердито сказала Фрэнки. – И все из-за какой-то размалеванной затасканной сучки – да, да, я сказала: сучки – вроде этой Кеймен.

– Фрэнки, – сказал Бобби, – ты меня удивляешь. Да еще на подъездной аллее возле дома священнослужителя. Почти святое место, можно сказать.

– Сам виноват, нечего было глупости говорить.

Наступило молчание, потом Фрэнки вдруг остыла, злость ее прошла.

– Что и впрямь смешно, – сказала она, – так это ссориться из-за какой-то чертовой бабы. Я пришла предложить тебе партию в гольф. Ты как?

– Ладно, шеф, – радостно согласился Бобби.

Они пошли рядышком, болтая о том, как подрезать мяч или довести до совершенства «стружащий» удар, которым мяч загоняют на зеленую лужайку вокруг лунки.

Недавняя трагедия совершенно вылетела у Бобби из головы. Но, загнав мяч в одиннадцатую лунку и «поделив» ее с соперницей, он вдруг вскрикнул.

– Что случилось? – встревожилась Фрэнки.

– Ничего. Просто я кое-что вспомнил.

– Что же?

– Ну, эти люди, Кеймены, они приходили и спрашивали, не сказал ли тот парень чего перед смертью, и я ответил, что нет.

– Ну и что?

– А теперь я вспомнил, что сказал.

– Что-то ты сегодня утром не очень сообразителен, право. И что же он сказал? – с любопытством спросила Фрэнки.

– Он сказал: «Почему не Эванс?»

– Странно. И ничего больше?

– Да. Он открыл глаза, сказал это – совершенно неожиданно – и умер, бедняга.

– Ну, – сказала Фрэнки, поразмыслив, – я считаю, что тебе не стоит переживать. Это пустяки.

– Ну разумеется. И все же я жалею, что не упомянул об этом. Понимаешь, я сказал, что он вообще ничего не говорил.

– В принципе, это одно и то же, – сказала Фрэнки. – То есть он не говорил ничего вроде: «Скажите Глэдис, что я всегда любил ее», или: «Завещание лежит в бюро орехового дерева», или каких-нибудь других соответствующих случаю Последних Слов, которые можно встретить в

книгах.

– Ты считаешь, не стоит писать им об этом?

– Я бы не стала. Это не суть важно.

– Пожалуй, ты права, – сказал Бобби и с новыми силами занялся игрой.

Но это дело не шло у него из головы. Пустячок, а свербит где-то. Бобби было неуютно. Фрэнки наверняка рассудила все правильно и разумно: все это ерунда. Но совесть продолжала потихоньку грызть его. Ведь он заявил, что усопший ничего не сказал перед смертью, а это была неправда. Может, это банально и глупо, но Бобби испытывал неловкость.

Наконец тем же вечером, поддавшись порыву, он сел и написал мистеру Кеймену:

«Уважаемый мистер Кеймен, я сейчас вспомнил, что ваш свояк действительно сказал кое-что перед смертью. По-моему, точные его слова были: «Почему не Эванс?» Приношу свои извинения за то, что не упомянул об этом утром, но в то время я не придавал значения этим словам, вследствие чего, наверное, они и вылетели у меня из головы. С уважением Роберт Джонс».

Через день он получил ответ.

«Дорогой мистер Джонс, – писал Кеймен. – Ваше письмо от 6-го сего месяца получил. Большое спасибо, что с такой точностью повторили последние слова моего свояка, несмотря на их тривиальный характер. Однако моя жена надеялась, что ее брат, возможно, оставил ей какое-нибудь последнее сообщение. Тем не менее спасибо за вашу совесть. С уважением Лео Кеймен».

Бобби почувствовал себя оплеванным.

Глава 6

КОНЕЦ ПИКНИКА

На другой день Бобби получил письмо совершенно иного характера: «Все устроено, старина, – писал Бэджер как курица лапой, что нисколько не делало чести той дорогой частной школе, в которой он получил образование. – Вчера за 15 фунтов приобрел пять машин – «Остин», два «Морриса» и пару «Роверов». Сейчас они не на ходу, но, я думаю, мы сумеем их как следует подштопать. Черт побери, машина, в конце концов, она машина и есть. Лишь бы довезла без поломки покупателя до дому, на большее никто и не рассчитывает. Я думал открыть гараж на следующей неделе в понедельник, и я полагаюсь на тебя, так что смотри меня не подведи, ладно? Должен сказать, старая тетушка Кэрри оказалась молодчиной. Я однажды разбил окно ее дряхлому соседу, который грубо обращался с ее кошками, из-за чего она очень переживала. Присылала мне по пятерке на каждое Рождество, а теперь вот это. Мы непременно преуспеем. Это дело – верняк! Я хочу сказать, машина, в конце концов, есть машина. Их можно брать почти задаром. Чуток подкрасить, а дурак, он ведь больше ни на что и не смотрит. Дело пойдет блестяще. Смотри не забудь. В понедельник через неделю. Всегда твой Бэджер».

Бобби сообщил отцу, что в понедельник на следующей неделе едет в Лондон и приступает к работе. Рассказ об этой работе не вызвал у викария ничего похожего на воодушевление. Надо сказать, что в прошлом ему доводилось встречаться с Бэджером Биденем. Он просто прочел Бобби пространное нравоучение о том, что надо избегать опрометчивых обещаний. Поскольку он не был специалистом ни в денежных делах, ни в предпринимательстве, его советы в техническом плане были туманны, но в их смысле нельзя было ошибиться.

В среду на той же неделе Бобби получил еще одно письмо. Адрес был написан каким-то наклонным иностранным почерком, а содержание письма несколько удивило молодого человека. Письмо пришло от фирмы Энрикеса и Далло в Буэнос-Айресе. Коротко говоря, в нем фирма предлагала Бобби работу с окладом тысяча фунтов в год.

Минуту или две молодому человеку казалось, что это сон. Тысяча в год. Он перечитал письмо более внимательно. Там упоминалось, что они предпочитают человека, служившего на флоте. Говорилось, что Бобби

порекомендовал один человек (кто именно, неизвестно), что соглашаться надо немедленно и что Бобби должен быть готов отправиться в Буэнос-Айрес в течение недели.

– Ну, черт меня дери, – произнес Бобби, в несколько неудачной форме давая выход своим чувствам.

– Бобби!

– Прости, пап. Я забыл, что ты здесь.

Мистер Джонс прокашлялся.

– Я хотел бы напомнить тебе...

Бобби чувствовал, что этого процесса – обычно долгого – надо избежать любой ценой. Он добился своей цели простым заявлением:

– Кто-то предложил мне тысячу в год.

Викарий так и остался сидеть с раскрытым ртом, лишившись дара речи.

«Слава богу, отвлек его», – с удовлетворением подумал Бобби.

– Дорогой мой Бобби, правильно ли я тебя понял? Кто-то предложил тебе тысячу в год? Тысячу?

– Да, пап, – сказал Бобби. – Вот так вот: одним ударом – и в лунку.

– Этого не может быть, – сказал викарий.

Бобби не обидело это откровенное неверие. Его оценка собственных способностей в деньгах мало расходилась с оценкой отца.

– Они, должно быть, набитые дураки, – чистосердечно сказал он.

– Кто... э... эти люди?

Бобби протянул ему письмо. Викарий, шаря рукой в поисках очков, подозрительно разглядывал его.

– Весьма удивительно, – сказал он наконец. – Весьма удивительно.

– Безумцы, – заметил Бобби.

– Ах, мой мальчик, – сказал викарий, – в конце концов, великое это дело – быть англичанином. Честность – вот наша марка. Флот разнес этот идеал по всему свету. Слово англичанина! Эта южноамериканская фирма ценит молодого человека, честность которого будет непоколебима и в преданности которого его работодатели могут быть уверены. Можно всегда надеяться, что англичанин будет вести честную игру...

– Как в крикете, – вставил Бобби.

Викарий с сомнением посмотрел на сына. У него самого вертелась на языке эта удачная фраза, но в голосе Бобби сквозила такая искренность.

Однако внешне молодой человек выглядел совершенно серьезным.

– И все равно, пап, почему я?

– То есть?

– В Англии полно англичан, – пояснил Бобби. – Здоровых и честных парней. Почему же именно я?

– Возможно, тебя рекомендовал твой бывший командир...

– Да, вероятно, так, – с сомнением сказал Бобби. – Впрочем, все равно это не имеет значения, поскольку я не могу согласиться на эту работу.

– Не можешь согласиться? Дорогой мой мальчик, что ты хочешь этим сказать?

– Ну, понимаешь, я ведь уже договорился с Бэджером.

– С Бэджером? Бэджером Биденем? Вздор, мой дорогой мальчик. А это серьезное дело.

– Это нелегко, согласен.

– Любой детский договор с молодым Биденем не имеет значения.

– Для меня имеет.

– Молодой Биден совершенно безответственный. Он уже, насколько я знаю, явился причиной значительных расходов и серьезных тревог для своих родителей.

– Ему страшно не везло. Бэджер чертовски доверчив.

– Везло, не везло. По-моему, этот человек сроду пальцем о палец не ударил.

– Вздор, пап. Господи, да он, бывало, вставал в пять утра, чтобы кормить этих мерзопакостных цыплят. Не его же вина, что на них на всех напал этот руп, или круп, или что там еще.

– Я никогда не одобрял эту затею с гаражом. Заурядная блажь. Ты должен отказаться от нее.

– Не могу, сэр, я обещал. Не могу подвести старину Бэджера. Он на меня рассчитывает.

Спор продолжался. Викарий, предубежденный против Бэджера, был просто не в состоянии рассматривать любое обещание, данное этому молодому человеку, как обязательство. Он считал Бобби упрямым, вознамерившимся любой ценой вести праздную жизнь в обществе едва ли не худшего из всех возможных компаньонов. Бобби, в свою очередь, без особой оригинальности твердил, что он «не может подвести старину Бэджера».

Наконец викарий в гневе вышел из комнаты, а Бобби тотчас же сел и написал в фирму Энрикеса и Далло, отклонив их предложение. Сделал он это со вздохом. Тут он упускал шанс, который вряд ли когда-нибудь повторится. Но другого выхода он не видел. В тот же день на поле для гольфа он поделился своими трудностями с Фрэнки. Она внимательно его выслушала.

– Тебе пришлось бы уехать в Южную Америку?

– Да.

– И ты бы радовался этому?

– Да, а почему бы и нет?

Фрэнки вздохнула.

– Во всяком случае, – решительно сказала она, – я считаю, что ты поступил правильно.

– Ты хочешь сказать, по отношению к Бэджеру?

– Да.

– Не мог же я подвести старую птаха, правда?

– Да, но смотри, чтобы эта старая птаха, как ты его называешь, не подвела тебя.

– О, я буду начеку. Во всяком случае, ничего страшного со мной не произойдет: никакого имущества и активов у меня нет.

– Это, должно быть, здорово, – сказала Фрэнки.

– Почему?

– Даже и не знаю. Просто это, по-моему, мило и бесшабашно. Впрочем, если подумать, ведь и у меня не так много имущества и активов. Я хочу сказать, что отец выдает мне содержание и у меня много домов, где я могу жить, масса одежды, служанок, каких-то ужасных фамильных драгоценностей и какой угодно кредит в магазинах. Только, по сути, это все семья. Это не я.

– Нет, и все же... – Бобби умолк.

– О, я знаю, это не одно и то же.

– Да, – сказал Бобби, – это не одно и то же. – Он вдруг ощутил страшную подавленность. Они молча дошли до следующей метки.

– Я завтра еду в город, – сказала Фрэнки, когда Бобби положил мяч для первого удара.

– Завтра? О-о... А я хотел пригласить тебя на пикник.

– Я бы с удовольствием, но все уже расписано. Понимаешь, у отца опять разыгралась подагра.

– Тебе надо ухаживать за ним, – сказал Бобби.

– Он не любит, когда за ним ухаживают, ему это страшно досаждают. Ему больше по душе второй лакей. Тот ему сочувствует и не перечит, когда в него швыряют разные вещи и обзывают чертовым дурнем.

Бобби зацепил мяч поверху, и тот лениво закатился в песчаную канавку.

– Не везет, – сказала Фрэнки, нанесла удар, и ее мяч перелетел через канавку. – Кстати, – заметила она, – мы могли бы кое-что сделать в Лондоне

вместе. Ты скоро приедешь?

– В понедельник, но... ну... все это нехорошо, правда?

– Что ты хочешь сказать? Что нехорошо?

– Ну, я имею в виду, что большую часть времени буду работать механиком. Я хочу сказать...

– Даже если это и так, – сказала Фрэнки, – я полагаю, ты все равно в состоянии прийти на вечеринку с коктейлями и надраться, как любой из моих друзей.

Бобби только покачал головой.

– Тогда, если ты предпочитаешь, я устрою вечеринку с пивом и сосисками, – ободряюще сказала Фрэнки.

– Ах, послушай, Фрэнки, какой смысл? Я хочу сказать, что твоя компания не похожа на мою, и нечего мне лезть туда.

– Уверяю тебя, что компания у меня весьма разношерстная.

– Ты делаешь вид, что не понимаешь.

– Можешь привести Бэджера, если хочешь. Вот и будет тебе приятель.

– Ты относишься к Бэджеру с предубеждением.

– Смею сказать, это из-за заикания. Люди, которые заикаются, заражают этим и меня.

– Послушай, Фрэнки, это бесполезно, сама знаешь. Пока мы здесь, все нормально. Делать особенно нечего, и, наверное, со мной тебе лучше, чем одной. То есть ты всегда очень любезна и все такое, и я тебе благодарен. Но что я для тебя? Так, пустое место, вот я о чем.

– Когда закончишь изливать свой комплекс неполноценности, – холодно сказала Фрэнки, – может быть, попробуешь выбить мяч из канавки ниббликом, а не короткой клюшкой?

– Я что... о черт! – Он сунул короткую клюшку в сумку и вытащил нибблик. Фрэнки со злорадством наблюдала, как он бил по мячу пять раз кряду. Вокруг них поднялось облако песчаной пыли.

– Лунка твоя, – сказал Бобби, поднимая мяч.

– Пожалуй, да, – согласилась Фрэнки. – А значит, и вся партия.

– Сыграем напоследок?

– Да нет, наверное, у меня много дел.

Они молча добрались до здания клуба.

– Ну, – сказала Фрэнки, – до свидания, мой дорогой. Было восхитительно попользоваться тобой. Как-нибудь снова буду здесь и увижу тебя, если не подвернется ничего лучшего.

– Послушай, Фрэнки...

– Возможно, ты снизойдешь до вечеринки со мной. По-моему,

перламутровые запонки можно задешево купить у Вулворта.

– Фрэнки...

Она завела мотор «Бентли», и слова Бобби потонули в шуме. Фрэнки укатила, махнув ему рукой.

– Тьфу, черт! – прочувствованно выругался Бобби. По его мнению, Фрэнки вела себя возмутительно. Может быть, он не очень тактично выразился, но ведь, черт побери, он же сказал истинную правду. Впрочем, возможно, не надо облекать ее в слова.

Следующие три дня показались ему бесконечно долгими. У викария болело горло, поэтому, когда он вообще разговаривал, ему приходилось шептать. Говорил он очень мало и откровенно терпел присутствие своего четвертого сына, как подобает христианину. Раз или два он цитировал Шекспира: что-то о зубе змеи и все такое...

В субботу Бобби почувствовал, что не в силах долее терпеть напряженную атмосферу в доме. Он попросил миссис Робертс, которая вместе с мужем вела хозяйство викария, приготовить ему бутерброды и, приложив к ним бутылку пива, купленную в Марчболте, в одиночку отправился на пикник. Он жутко скучал по Фрэнки эти последние несколько дней. Эти старики были невыносимы, они долдонили одно и то же...

Бобби растянулся на насыпи, поросшей папоротником-орляком, размышляя, что лучше: то ли сначала перекусить, а потом вздремнуть, то ли сначала вздремнуть, а потом перекусить. Пока он раздумывал, дело решилось само собой: он незаметно уснул.

Когда он проснулся, было половина четвертого. Бобби усмехнулся, подумав, что отец не одобрит такого времяпрепровождения. Хорошая прогулка по окрестностям миль эдак на двенадцать – вот дело, достойное молодого человека. Она подводила к хорошо известной формуле: «А теперь, пожалуй, я заработал свой ленч».

«Идиотизм, – подумал Бобби. – Зачем зарабатывать ленч, совершая такую долгую прогулку, если тебе этого не особенно хочется? В чем ее прелесть? Если она доставляет тебе удовольствие, тогда это чистое потворство собственным желаниям, а если нет – так ты дурак, что совершаешь ее!»

После чего он накинудся на свой незаработанный ленч и с аппетитом съел его. Удовлетворенно вздохнув, он откупорил бутылку пива. Необычайно горькое пиво, но определенно освежающее.

Он снова лег, зашвырнув пустую бутылку в куст вереска. Праздно развалясь, он чувствовал себя как Бог. Весь мир у его ног. Это всего лишь

фраза, но какая приятная. Он может горы своротить, стоит только захотеть!
У него в голове роились великие прожектёры и смелые замыслы.

Потом ему опять захотелось спать. Подкралось забытие.

Он уснул... Тяжелым, вызывающим оцепенение сном...

Глава 7

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Фрэнки подогнала свой огромный зеленый «Бентли» к бордюру у большого старинного здания, на дверях которого было написано «Больница Святого Асафа», выскочила из машины и, повернувшись, взяла пышный букет лилий. Затем позвонила. Дверь открыла женщина в халате сиделки.

– Могу я видеть мистера Джонса? – спросила Фрэнки.

Взгляд сиделки с живым интересом скользнул по девушке, «Бентли» и лилиям.

– Как о вас доложить?

– Леди Фрэнсес Деруэнт.

Сиделка вся затрепетала от восторга. Пациент вырос в ее глазах на целую голову. Она провела Фрэнки по лестнице в комнату на втором этаже.

– К вам гость, мистер Джонс. Угадайте-ка кто? Такой приятный сюрприз!

И все это бодреньким тоном, обычным для лечебных учреждений.

– Вот те на. – Бобби был ошеломлен. – Да это же Фрэнки!

– Привет, Бобби, я принесла всего лишь цветы. От них немножко веет кладбищем, но выбор был очень ограничен.

– Ах, леди Фрэнсес, – сказала сиделка, – очень милые цветы. Давайте я поставлю их в воду.

Она вышла из палаты. Фрэнки села на стул, явно предназначенный для посетителей.

– Ну-с, Бобби, – сказала она, – что все это значит?

– Эх, и не спрашивай, – отвечал Бобби. – Я здесь – настоящая сенсация. Восемь гранов морфия. Обо мне собираются написать в «Ланцете» и «БМЖ».

– А что такое «БМЖ»? – поинтересовалась Фрэнки.

– «Британский медицинский журнал».

– Ясно. Дуй дальше. Выдай еще парочку трескучих сокращений.

– Да знаешь ли ты, моя девочка, что полгрانا – это уже смертельная доза. Я должен был умереть уже шестнадцать раз. Правда, известен случай, когда человек остался жив после шестнадцати гранов, и все же восемь тоже неплохо, правда? Я – герой этого заведения. Такого больного у них никогда не было.

– Надо же, как повезло людям!

– А что, разве нет? Теперь им есть о чем болтать с другими пациентами.

Сиделка внесла вазы с лилиями.

– Ведь правда, сестра, у вас еще не было такого больного, как я? – с жаром спросил Бобби.

– О, вам бы не здесь быть, – сказала сиделка. – По всем законам, вам бы давно лежать на кладбище. Но, как говорится, только хорошие люди умирают молодыми... – Она хихикнула и вышла.

– Ну вот, – сказал Бобби, – я еще прославлюсь на всю Англию, увидишь.

Он продолжал болтать. Все признаки комплекса неполноценности, проявившего себя во время последней встречи с Фрэнки, теперь исчезли без следа. Бобби испытывал эгоистическое удовольствие, во всех подробностях муссируя тему своей болезни.

– Достаточно, – осадила его Фрэнки. – По правде говоря, меня не очень интересуют желудочные зонды. Послушать тебя, так можно подумать, что до тебя никто не травился.

– Мало кто выживал после восьми гранов морфия, – не унимался Бобби. – Но, черт побери, на тебя это не производит должного впечатления.

– Какое расстройство для твоих отравителей!

– Известное дело. Зря пропал хороший морфий.

– Он был в пиве, да?

– Ага. Понимаешь, кто-то нашел меня, когда я спал как убитый, попытался разбудить, но не смог. Тогда они встревожились, отнесли меня на ферму и послали за врачом...

– Остальное я уже знаю, – поспешно сказала Фрэнки.

– Сначала они думали, что я принял эту дозу нарочно. Затем, когда я все рассказал, они нашли бутылку там, куда я ее запулил, и сделали анализ. Того, что там оставалось, видимо, хватило.

– Никаких предположений относительно того, как морфий попал в бутылку?

– Глухо. Они поспрашивали в кабачке, где я ее купил, открыли другие бутылки, но все было в полном порядке.

– Кто-нибудь подложил морфий в бутылку, пока ты дрых?

– Вот именно. Я помню, что этикетка на горлышке как-то отклеивалась.

– Ну, – задумчиво кивнув, сказала Фрэнки, – это доказывает, что я была права тогда, в поезде.

– А в чем права-то?
– В том, что этого человека, Причарда, спихнули с утеса.
– То было не в поезде. Ты сказала это на станции, – слабо возразил Бобби.

– Это одно и то же.
– Но почему?
– Милый, это же очевидно. Почему кому-то надо убрать тебя с дороги? Ты же не наследник состояния или что-нибудь такое.

– Как знать? Какая-нибудь двоюродная тетя, о которой я никогда не слышал, где-нибудь в Новой Зеландии или каком-то таком месте могла оставить мне все свои деньги.

– Вздор. Она бы сначала с тобой познакомилась. А если она тебя не знала, так на кой оставлять деньги четвертому сыну? Господи, да в нынешние времена даже у священника может попросту не быть четвертого сына. Нет, дело совершенно ясное. От твоей смерти никто не получит никакой выгоды, это исключается. Значит, остается месть. Ты, часом, не соблазнил дочку аптекаря?

– Да что-то не припомню такого, – с достоинством сказал Бобби.
– Известное дело. Соблазняют нынче столь часто, что и не считают. Но, по-моему, ты вообще еще никого не соблазнял, это сразу видать.

– Ты вгоняешь меня в краску, Фрэнки. Да и почему это непременно должна быть дочь аптекаря?

– Свободный доступ к морфию. Раздобыть его не так-то легко.

– Ну, я не соблазнял дочь аптекаря.

– И ты не знаешь, есть ли у тебя враги?

Бобби покачал головой.

– Ну вот, – победно сказала Фрэнки. – Значит, это из-за человека, которого столкнули с утеса. Что думает полиция?

– Они считают, что это был какой-то сумасшедший.

– Вздор. Сумасшедшие не бродят где попало с неограниченным запасом морфия, выискивая бутылки с пивом, куда можно его засунуть. Нет, кто-то столкнул Причарда с утеса. Через минуту или две появляешься ты, и убийца думает, что ты видел, как он это сделал. И решает убрать тебя с дороги.

– По-моему, не очень убедительно, Фрэнки.

– Почему нет?

– Ну, прежде всего, я ничего не видел.

– Да, но он-то этого не знал.

– А если бы и видел, так заявил бы на дознании.

– Оно, конечно, так, – неохотно признала Фрэнки и задумалась на пару минут. – А вдруг он решил, что ты что-то видел, но не придавал значения, а на самом деле это было важно. Звучит как тарабарщина, но ты улавливаешь мысль?

– Да, – Бобби кивнул, – я понимаю, что ты имеешь в виду, но почему-то это кажется весьма сомнительным.

– Я уверена, что это связано с тем делом на утесе. Ты был там. Первый человек, который оказался...

– Томас тоже там был, – напомнил Бобби. – А никто не пытался отравить его.

– Возможно, еще попытаются, – бодро сказала Фрэнки. – А может, уже пытались, да не сумели.

– Все это выглядит притянутым за уши.

– Я думаю, это логично. Если убрать вас двоих, тогда дела, творящиеся в таком тихом омуте, как Марчболт... Постой, есть еще третья вещь.

– Что?

– Та работа, которую тебе предложили. Это, разумеется, весьма слабый пункт, но ведь странно, согласишься. Я сроду не слыхала ни о какой иностранной фирме, которая занималась бы выискиванием заурядных отставных моряков.

– Ты сказала, заурядных?

– Тогда ты еще не попал в «БМЖ». Но ты понимаешь, куда я клоню. Ты увидел нечто, чего тебе видеть не полагалось, или они так думают. Очень хорошо. Сначала они пытаются избавиться от тебя, предложив место за границей. Потом, когда это не удастся, они хотят вовсе убрать тебя с дороги.

– Не крутовато ли? Да и риск большой.

– О, но ведь убийцы вообще крайне безрассудны. Чем больше народу они убивают, тем больше им хочется убивать.

– Как в «Третьем пятне крови», – сказал Бобби, вспомнив одно из своих любимых литературных произведений.

– Да и в настоящей жизни тоже: Смит с его женами, Армстронг со своей бандой.

– Ну... но, Фрэнки, что же, черт возьми, я должен был увидеть?

– В этом, разумеется, и состоит вся трудность, – признала Фрэнки. – Я согласна, что это не сам акт сталкивания, потому что ты так бы и заявил. Это должно быть что-то касающееся самой жертвы. Возможно, у погибшего была родинка, или сросшиеся пальцы, или какая-то странная физическая особенность.

– Я вижу, ты мыслишь в духе доктора Торндайка. Вряд ли оно так, поскольку все, что я видел, увидела бы и полиция.

– Естественно. Это было идиотское предположение. Трудное дельце, правда?

– Версия-то лестная, она внушает мне сознание собственной значимости, – сказал Бобби. – Но все равно я не верю, что это нечто большее, чем просто версия.

– Я убеждена в своей правоте. – Фрэнки встала. – Сейчас мне надо идти. Заглянуть к тебе завтра?

– О да, пожалуйста. Игривая болтовня сиделок начинает приедаться. Кстати, ты так быстро вернулась из Лондона?

– Дорогой мой, едва услышав о тебе, я рванула назад. Это ведь здорово – иметь друга, которого так романтично отравили.

– Не думаю, что в морфии так уж много романтики.

– Ну, до завтра. Тебя поцеловать или не надо?

– Я не заразный.

Она чмокнула его.

– До завтра.

Когда она вышла, сиделка подала Бобби чай.

– Я часто видела ее фотографии в газетах. Правда, она совсем на них не похожа. И конечно же, я видела, как она разъезжает в своей машине. Но я, так сказать, никогда не видела ее вблизи. Она нисколько не заносчива, правда?

– О нет! – воскликнул Бобби. – Заносчивой я бы Фрэнки никогда не назвал.

– Я сказала сестре, я сказала: она так проста, нисколько не зазнается. Я сказала сестре: она как ты или я, я сказала.

Бобби смолчал, хотя в душе был совершенно не согласен с этой точкой зрения. Разочарованная его безмолвием, сиделка вышла из палаты, и Бобби остался наедине со своими мыслями. Он допил чай. Потом прикинул, насколько правдоподобна поразительная версия Фрэнки, и в конце концов с сожалением отбросил ее. Затем он огляделся в поисках других развлечений. Его внимание привлекли вазы с лилиями. Ужасно мило со стороны Фрэнки принести ему все эти цветы, и, разумеется, они очень славные, но он жалел, что ей не пришло в голову принести ему вместо цветов несколько детективных романов. Он взглянул на прикроватную тумбочку. Там лежали роман Уида и экземпляр «Джона Галифакса, джентльмена», а также «Марчболтский еженедельник» за прошлую неделю.

Через пять минут он положил книгу. Для ума, питавшегося «Третьим

пятном крови», «Делом об убийстве эрцгерцога» и «Станным приключением флорентийского кинжала», «Джон Галифакс, джентльмен» оказался слишком пресным. Бобби вздохнул и взял «Марчболтский еженедельник».

Через пару секунд он с такой силой нажал кнопку звонка у себя под подушкой, что сиделка примчалась бегом.

– Что случилось, мистер Джонс? Вам плохо?

– Позвоните в Замок! – крикнул Бобби. – Скажите леди Фрэнсес, что она должна немедленно прийти сюда.

– Но она еще вряд ли доехала.

– Вы не знаете ее «Бентли».

– Она останется без чая.

– Послушайте-ка, моя дорогая девочка, – сказал Бобби, – не стойте и не спорьте со мной. Позвоните ей, как я вам говорю. Скажите, что она немедленно должна прибыть сюда, так как мне надо сказать ей нечто очень важное.

Сиделка неохотно вышла. Передавая послание Бобби, она немного его исказила. Если это удобно леди Фрэнсес, мистер Джонс хотел бы знать, не согласится ли она приехать, поскольку он хочет ей кое-что сообщить, но, разумеется, леди Фрэнсес никоим образом не обязана заставлять себя...

Леди Фрэнсес кратко ответила, что сейчас же приедет.

– Попомните мои слова, – сказала сиделка своим коллегам. – Она влюблена в него! Вот в чем дело.

Фрэнки прикатила, сгорая от любопытства.

– Что это еще за срочный вызов? – спросила она.

Бобби сидел в постели, на щеках его горели яркие пятна. Он помахал «Марчболтским еженедельником».

– Ты только посмотри, Фрэнки!

Фрэнки посмотрела.

– Ну и что? – спросила она.

– Ты эту фотографию имела в виду, когда говорила, что она подретуширована, но все-таки похожа на Кеймен? – Бобби ткнул пальцем в размытый снимок. Под ним шла подпись: «Снимок, найденный на погибшем и помогший опознать его. Миссис Амелия Кеймен, сестра погибшего».

– Да, именно это я и сказала, и это правда. Не знаю, чем тут восхищаться...

– Теперь и я так считаю.

– Но ты же говорил...

– Знаю, что говорил. Но, видишь ли, Фрэнки, – голос Бобби зазвучал взволнованно, – это не та фотография, которую я положил обратно в карман погибшего.

Они переглянулись.

– В таком случае... – медленно проговорила Фрэнки.

– Либо было две фотографии...

– ...что маловероятно...

– ...либо...

Они помолчали.

– Этот человек... Как его фамилия? – спросила Фрэнки.

– Бэссингтон-ффренч! – сказал Бобби.

– Это наверняка он!

Глава 8

ЗАГАДКА ФОТОГРАФИИ

Они уставились друг на друга. До них медленно доходило, что положение изменилось.

– Это мог быть только он, – сказал Бобби. – Единственный человек, имевший такую возможность.

– Если только было две фотографии.

– Мы же решили, что это маловероятно. Будь там две фотографии, его бы пытались опознать по обеим, а не по одной.

– Во всяком случае, это легко узнать, – сказала Фрэнки. – Мы можем спросить в полиции. Допустим на минутку, что была всего одна фотография, та, которую ты видел и которую засунул обратно в карман. Она была там, когда ты оставил его, и ее там не было, когда пришла полиция. Следовательно, единственный человек, кто мог взять ее и подсунуть другую, – этот самый Бэссингтон-ффренч. Как он выглядел, Бобби?

Молодой человек нахмурился, силясь вспомнить.

– Какой-то вроде как не поддающийся описанию. Приятный голос. Джентльмен и все такое прочее. Я особенно его и не разглядел. Он сказал, что чужой в наших местах и будто бы подыскивает себе дом...

– Во всяком случае, это мы можем проверить, – заявила Фрэнки. – Уилер и Оуэн – единственные агенты по торговле недвижимостью. – Она вдруг вздрогнула. – Бобби, а ты не подумал? Если Причарда столкнули, значит, Бэссингтон-ффренч и есть тот человек, кто это сделал...

– Ну, мрак, а? – воскликнул Бобби. – Он казался таким приятным парнем. Но ты знаешь, Фрэнки, мы ведь не можем быть уверены, что Причарда действительно столкнули.

– Я убеждена в этом.

– Ты все время была в этом убеждена.

– Нет, мне просто хотелось, чтобы было именно так, поскольку тогда все было бы гораздо интереснее. Но сейчас это более или менее доказано. Если это было убийство, все сходится. Твое неожиданное появление, которое расстраивает планы убийцы. Находка фотографии и, как следствие, необходимость убрать тебя.

– Тут есть изъян, – заметил Бобби.

– Почему? Ты был единственным человеком, кто видел фотографию. Как только Бэссингтон-ффренч остался один с телом, он подменил фотографию, которую видел только ты.

Но Бобби продолжал качать головой.

– Нет, так не пойдет. Давай допустим на мгновение, что эта фотография была до того важна, что меня непременно «надо было убрать», как ты выражаешься. Звучит нелепо, но, я полагаю, это возможно. Идем дальше. Действовать он должен был без промедления. Никто не мог рассчитывать, что я уеду в Лондон и не увижу «Марчболтский еженедельник» и других газет с фотографией. Это было чистой случайностью. Существовала вероятность того, что я сразу же заявлю: «Это не та фотография, которую я видел». Зачем же ждать до окончания дознания, когда все так великолепно утряслось?

– В этом что-то есть, – признала Фрэнки.

– И еще одно. Я не могу быть абсолютно уверен, разумеется, но почти готов поклясться, что, когда я клал фотографию обратно в карман погибшего, Бэссингтон-ффренча там не было. Он появился минут пять или десять спустя.

– Он мог все время следить за тобой, – предположила Фрэнки.

– Не понимаю как, – медленно сказал Бобби. – Есть только одно место, откуда можно смотреть вниз, туда, где мы были. Дальше утес выступает, а затем уходит вниз, так что через него не увидишь. Есть только одно место, и, когда Бэссингтон-ффренч подошел к нему, я сразу же его услышал. Шаги отдаются эхом внизу. Он, возможно, находился где-то поблизости, но через край еще не заглядывал, в этом я поклянусь.

– Значит, ты считаешь, он не знал о том, что ты видел фотографию?

– Не понимаю, как бы он мог узнать.

– И он мог не бояться, что ты видел, как он это сделал, я имею в виду убийство, поскольку ты говоришь, что это абсурдно. Ты бы не смог умолчать об этом. Похоже, дело тут в чем-то совсем другом.

– Только я не вижу, что бы это могло быть.

– Что-то такое, о чем они узнали только после дознания. Я не знаю, почему я говорю «они».

– Почему бы и нет? В конце концов, Кеймены тоже должны быть замешаны в этом деле. Возможно, это шайка, а шайки мне по нраву.

– Это низменный вкус, – рассеянно сказала Фрэнки. – Убийство в одиночку – гораздо более высокий класс, Бобби!

– Да?

– А что там сказал Причард перед смертью? Помнишь, ты говорил мне

в тот день на поле для гольфа. Этот смешной вопрос.

– «Почему не Эванс?»

– Да. А что, если именно это?

– Но это же смешно.

– На первый взгляд – да, но вдруг это что-то важное, Бобби? Я уверена, что все дело в этих словах. Ах нет, какая же я дуруха: ведь ты не говорил об этом Кейменам.

– Да нет, говорил, – неторопливо сказал Бобби.

– Говорил?

– Да. Я написал им в тот вечер. Заявив, разумеется, что это, вероятно, не имеет никакого значения.

– А два дня спустя ты получил это письмо от неизвестной фирмы, сманивавшей тебя в Южную Америку?

– Да.

– Ну, – сказала Фрэнки, – не знаю уж, чего ты хочешь. Сначала они пробуют одно, ты отказываешься, тогда они отслеживают тебя и, воспользовавшись моментом, насыпают морфий в твою бутылку пива.

– Значит, в этом замешаны Кеймены?

– Конечно, в этом замешаны Кеймены!

– Да, – задумчиво сказал Бобби, – если твой взгляд на события верен, они просто не могут не быть замешаны. Согласно нашей теперешней теории, все обстоит следующим образом. Погибшего Икс намеренно сталкивают с обрыва (очевидно, это делает Бэссингтон-френч). Важно, чтобы Икса опознали неправильно, поэтому ему в карман подкладывают портрет миссис Кеймен, а портрет неизвестной красавицы убирают. Интересно, кто она была?

– Не отвлекайся, – строго сказала Фрэнки.

– Миссис Кеймен ждет появления фотографии, заявляется под видом безутешной сестры и опознает Икса как своего брата из далеких краев.

– Ты не веришь, что он действительно мог быть ее братом?

– Ни на минуту. Ты знаешь, что меня все время озадачивало? Кеймены были люди совершенно другого класса. Погибший был... Ну, может, это звучит ужасно и в духе закоснелого колонизатора на покое, но погибший был, что называется, настоящий господин.

– А Кеймены явно ими не были?

– Явно.

– А затем, когда, с точки зрения Кейменов, все сошло хорошо, тело благополучно опознано, вынесен вердикт о случайной смерти, в садике тишь и гладь, появляешься ты и все портишь, – размышляла Фрэнки.

– «Почему не Эванс?» – задумчиво повторил Бобби. – Ты знаешь, я не понимаю, почему кто-то должен пугаться этой фразы. Что в ней такого?

– А это потому, что ты не знаешь всего. Тут как при составлении кроссвордов. Ты записываешь вопрос и думаешь, что он... идиотски прост и любой на него сразу же ответит, и ты страшно удивлен, когда люди не в состоянии догадаться. «Почему не Эванс?», должно быть, звучало для них как нечто значительное, и им было невдомек, что для тебя это пустой звук.

– Тем большие они дураки.

– Вот именно. Но ведь вполне возможно, они думали, что, раз Причард сказал это, он мог сказать и еще что-то, что тоже вспомнится тебе в свое время. Во всяком случае, они не собирались полагаться на судьбу. Безопаснее было убрать тебя с дороги.

– Они шли на большой риск. Почему же они не придумали еще один «несчастный случай»?

– Нет-нет, это было бы глупо. Два несчастных случая, отстоящих друг от друга по времени на неделю? Это могло бы навести на связь между ними, и люди принялись бы ворошить первый. Нет, я думаю, в их методе есть некая святая простота, и это, право, очень умно.

– Однако ты сама сказала, что морфий не так-то легко раздобыть.

– Да. Надо давать всякие подписки и прочее. Ага, разумеется, это же след. Тот, кто это сделал, имел легкий доступ к запасам морфия.

– Врач, больничная сиделка или аптекарь, – предположил Бобби.

– Ну, я-то подумала о контрабанде наркотиков.

– Нельзя смешивать слишком много разных преступлений, – возразил Бобби.

– Видишь ли, их сила в отсутствии мотива. От твоей смерти никто ничего не выгадает. Так что подумает полиция?

– Маньяк, – сказал Бобби, – вот что они обычно думают.

– Вот видишь! На самом деле все очень просто.

Бобби вдруг засмеялся.

– Что это тебя забавляет?

– Сама мысль о том, как им, должно быть, тошно! Весь этот морфий, которого достаточно, чтобы убить пять или шесть человек, а я, поди ж ты, еще жив.

– Ирония судьбы, которую невозможно предвидеть, – согласилась Фрэнки.

– Вопрос в том, как нам быть дальше, – деловито сказал Бобби.

– О, дел у нас много, – тут же ответила Фрэнки.

– Например?

– Ну... узнать о фотографии, сколько их было, одна или две. И о том, как Бэссингтон-ффренч искал дом.

– Думаю, что тут все будет шито-крыто.

– Почему ты так говоришь?

– Послушай, Фрэнки, подумай-ка сама. Бэссингтон-ффренч должен быть вне подозрений. Он должен быть чист и честен. Не только никакой связи с погибшим: у него должна быть и благовидная причина для пребывания здесь. Возможно, он придумал поиски дома на лету, но я готов держать пари, что он действительно делал что-то в этом роде. Не должно быть и намек на «загадочного незнакомца, которого видели неподалеку от места трагедии». Я думаю, что Бэссингтон-ффренч – его подлинное имя и что он один из тех людей, которые выше подозрений.

– Да, – задумчиво сказала Фрэнки. – Здоровое рассуждение. Никакой связи с Алексом Причардом. Эх, знать бы, кем на самом деле был погибший.

– А, это могло бы все изменить.

– Значит, было очень важно, чтобы тело не опознали, а отсюда весь этот маскарад с Кейменами. И все же это был большой риск.

– Ты забываешь, что миссис Кеймен опознала его так быстро, как это только можно было сделать. После этого, даже если бы его фото и попало в газеты, все просто сказали бы: «Странно, этот Причард, который сорвался с утеса, необыкновенно похож на мистера Икс».

– Тут, наверное, есть еще кое-что, – проницательно сказала Фрэнки. – Икс, должно быть, человек, которого не скоро хватятся. Я хочу сказать, что у него нет жены или родни, которые сразу пошли бы в полицию и заявили об исчезновении.

– Молодчина, Фрэнки. Нет, он, должно быть, собирался за границу или, возможно, только что прибыл оттуда. У него был великолепный загар, как у охотника на крупную дичь. Вот на кого он смахивал. И у него не могло быть очень близкой родни, которая знала все о его передвижениях.

– Рассуждаем-то мы прекрасно, – сказала Фрэнки. – Надеюсь, мы не делаем неправильных выводов.

– Весьма вероятно, – сказал Бобби. – Но, по-моему, все, что мы до сих пор говорили, вполне резонно. Разумеется, при условии, что вся эта история – не бред от начала до конца.

Фрэнки взмахом руки отвергла это предположение.

– Вопрос в том, каков наш следующий шаг, – сказала она. – Мне кажется, нам надо рассмотреть три подхода.

– Продолжай, Шерлок.

– Первое: ты. Однажды они уже покушались на твою жизнь и, возможно, попытаются снова. На этот раз мы можем подцепить их на крючок. Разумеется, используя тебя в качестве наживки.

– Нет уж, благодарю покорно, Фрэнки! – с жаром воскликнул Бобби. – На этот раз мне дико повезло, но потом может и не повезти, если они нападут на меня с каким-нибудь тупым орудием. Я уже решил быть предельно осторожным. И думать забудь о наживке.

– Я боялась, что ты это скажешь, – со вздохом произнесла Фрэнки. – Современные юноши прискорбно вырождаются. Так говорит отец. Они уже не получают удовольствия от лишений, опасностей и подвигов. А жаль.

– Страх как жаль, – твердо сказал Бобби. – Какой второй путь?

– Идти от фразы «Почему не Эванс?», – ответила Фрэнки. – Предположительно погибший приехал сюда повидать Эванса, кто бы он ни был. Ну вот, если бы мы могли найти Эванса...

– Как ты думаешь, – прервал ее Бобби, – сколько Эвансов в Марчболте?

– Человек семьсот, пожалуй, – признала Фрэнки.

– По меньшей мере. Может, таким образом мы чего-то и добьемся, но я сомневаюсь.

– Мы могли бы составить список всех Эвансов и нанести визит наиболее вероятным.

– И о чем же мы их спросим?

– В этом-то вся трудность, – ответила Фрэнки.

– Сперва надо разузнать побольше, – сказал Бобби. – Тогда эта твоя идея может оказаться полезной. А что у тебя третьим номером?

– Этот Бэссингтон-ффренч. Тут у нас есть от чего оттолкнуться. Это необычное имя. Я спрошу у отца. Он знает все семейства в этих графствах и разные их ответвления.

– Да, – сказал Бобби, – тут мы можем кое-чего добиться.

– Так мы все-таки намерены чего-то добиваться?

– Конечно, намерены. Неужто ты думаешь, что я запросто так проглотил эту восьмиграновую пилюлю?

– Вот истинный боевой дух! – воскликнула Фрэнки.

– И кроме того, – добавил Бобби, – нужно смыть с себя позор желудочного зонда.

– Хватит, – сказала Фрэнки. – Если я тебя не остановлю, ты опять выйдешь за рамки приличий.

– Женское сострадание тебе совершенно несвойственно, – заявил Бобби.

Глава 9

НЕМНОГО О МИСТЕРЕ БЭССИНГТОН-ФФРЕНЧЕ

Фрэнки, не теряя времени, приступила к делу. В тот же вечер она пристала к отцу:

– Пап, ты не знаешь никаких Бэссингтон-ффренчей?

Лорд Марчингтон, читавший политическую статью, не сразу понял, чего от него хотят.

– Тут не столько французы, сколько американцы, – сказал он сурово. – Все эти дурачества и конференции! Только время и деньги нации уходят впустую.

Фрэнки отключилась и дождалась, пока лорд, похожий в своих рассуждениях на поезд, движущийся по привычной колее, не остановился, фигурально говоря, на какой-то станции.

– Бэссингтон-ффренчи, – повторила она.

– Ну, и что там у них? – спросил лорд Марчингтон.

Фрэнки не знала, что там у них. Она ляпнула наугад, зная, что отца хлебом не корми, дай только поспорить:

– Это же йоркширский род, не так ли?

– Вздор. Они из Хэмпшира. Есть, разумеется, и шропширская ветвь, а потом еще ирландская. Которые из них твои приятели?

– Я точно не знаю, – сказала Фрэнки, принимая как факт подразумеваемую дружбу с несколькими неизвестными людьми.

– Точно не знаешь? Как это так? Ты должна все знать точно.

– В наши дни люди столько переезжают с места на место, – сказала Фрэнки.

– Переезды, переезды – это единственное, чем они все занимаются. В мое время мы спрашивали людей. Тогда человек знал, какого он роду-племени. Кто-то заявляет, что он из хэмпширской ветви. Что ж, очень хорошо. Твоя бабушка выходит замуж за моего троюродного брата. Вот ниточка и прослеживается.

– Это, наверное, было очень удобно, – сказала Фрэнки. – Но в наши дни, право, нет времени на генеалогические и географические изыскания.

– Ну еще бы, у вас теперь нет времени ни на что, знай только хлещете эти ядовитые коктейли! – Лорд Марчингтон вдруг взвыл от боли, шевельнув пораженной подагрой ногой, которая не стала болеть меньше даже после того, как он надолго припал к заветной бутылочке портвейна из

фамильных погребов.

– Они богаты? – спросила Фрэнки.

– Бэссингтон-ффренчи? Трудно сказать. Шропширские, по-моему, изрядно подразорились: налоги на наследство, то да се. Один из хэмпширских женился на богатой наследнице, американке.

– Один из них был на днях в наших краях, – сказала Фрэнки. – Кажется, подыскивал себе дом.

– Странно. И зачем человеку иметь тут дом?

«В том-то и вопрос», – подумала Фрэнки.

На другой день Фрэнки зашла в контору Уилера и Оуэна, посредников по продаже недвижимости. Мистер Оуэн вскочил на ноги, приветствуя девушку. Фрэнки милостиво улыбнулась ему и опустилась в кресло.

– Что же мы будем иметь удовольствие сделать для вас, леди Фрэнсес? Надеюсь, вы не задумали продавать Замок? Ха-ха!

– Жаль, что мы не можем этого сделать, – сказала Фрэнки. – Нет. Собственно говоря, тут на днях, кажется, был мой приятель, некто Бэссингтон-ффренч. Он подыскивал дом.

– А, да, в самом деле. Фамилию я запомнил хорошо. Две маленькие буквы «ф».

– Совершенно верно, – сказала Фрэнки.

– Он справлялся о разной мелкой собственности, желая приобрести что-нибудь, но на другой день ему надо было вернуться в Лондон, так что он не успел осмотреть много домов. Однако насколько я понимаю, это ему не к спеху. После его отъезда мы узнали, что продаются два-три дома, которые могли бы ему подойти, и я послал данные о них, но не получил от него никакого ответа.

– Вы писали в Лондон или... э-э... по сельскому адресу? – поинтересовалась Фрэнки.

– Сейчас посмотрим. – Он повернулся к младшему клерку. – Фрэнк, адрес мистера Бэссингтон-ффренча.

– Роджер Бэссингтон-ффренч, эсквайр, Мерроуэй-Корт, Стейверли, Хэнтс, – тут же отбарабанил младший клерк.

– Ага! – вскричала Фрэнки. – Значит, это не мой Бэссингтон-ффренч. Должно быть, его кузен. Мне казалось странным, что он побывал здесь, а ко мне не заглянул.

– Вот именно, вот именно, – понимающе сказал мистер Оуэн.

– Дайте подумать, он, должно быть, заходил к вам в среду?

– Совершенно верно. Незадолго до половины седьмого. В шесть тридцать мы закрываемся. Я помню это особенно хорошо, потому что как

раз в тот день произошел прискорбный несчастный случай: человек сорвался с утеса. Так уж вышло, что мистер Бэссингтон-ффренч оставался при теле до прихода полиции. Он выглядел очень расстроенным, когда пришел сюда. Весьма печальная трагедия, и пора бы уже что-то делать с этой тропой. Муниципалитет очень критиковали, скажу я вам, леди Фрэнсес. Очень опасно. Даже представить себе не могу, почему это был единственный несчастный случай в наших местах.

– Удивительно, – согласилась Фрэнки. Она ушла от Оуэна в задумчивости. Как и предсказывал Бобби, все действия Бэссингтон-ффренча выглядели вполне благопристойно. Он был одним из хэмпширских Бэссингтон-ффренчей, он дал свой настоящий адрес, он сообщил о своей роли в этой трагедии агенту по недвижимости. Возможно ли, что в конце концов он окажется совершенно невинным человеком, каким представляется сейчас? Фрэнки снова почувствовала сомнения, но потом отбросила их.

– Нет, – сказала она себе, – человек, который хочет купить недвижимость, либо пришел бы пораньше днем, либо остался на следующий день. Кто идет к агенту в шесть тридцать вечера, а на другой день уматывает в Лондон? И вообще, зачем приезжать, почему не написать?

Нет, решила она, у Бэссингтон-ффренча рыльце в пушку.

Следующий визит Фрэнки нанесла в полицию. Инспектор Вильямс был ее старый знакомый. Как-то он разыскал служанку, которая явилась с фальшивыми рекомендациями, а потом улизнала, прихватив кое-что из драгоценностей Фрэнки.

– Добрый день, инспектор.

– Добрый день, ваша милость. Надеюсь, ничего не случилось?

– Пока нет, но вскоре я намерена ограбить банк, потому что мне страшно не хватает денег.

Инспектор захохотал, оценив остроту.

– Собственно говоря, я зашла просто так, из праздного любопытства, – сказала Фрэнки.

– Неужели, леди Фрэнсес?

– Да. Пожалуйста, инспектор, скажите мне, тот человек, который сорвался с утеса, Причард, или как там его...

– Причард, совершенно верно.

– При нем нашли одну фотографию, так ведь? Кто-то сказал мне, что целых три!

– Правильно, одну, – отвечал инспектор. – Это была фотография его

сестры. Та приехала и опознала его.

– А писали, что три. Вот ведь абсурд!

– Это легко объяснимо, ваша милость. Газетчики любят приврать и частенько совершенно неверно освещают дела.

– Я знаю, – сказала Фрэнки. – Каких только диких историй я не слышала! – Она помолчала, потом сполна зачерпнула из источника своего воображения: – Говорят, его карманы были набиты бумагами, неопровержимо доказывавшими, что он – большевистский наймит, а согласно другой версии, его карманы лопались от наркотиков и поддельных денег.

– Здорово, ничего не скажешь! – Инспектор смеялся от души.

– Я полагаю, на самом деле там были обычные вещи?

– Да и тех негусто: носовой платок без инициалов, какая-то мелочь, пачка сигарет и пара мелких купюр без бумажника. Никаких писем. У нас были бы трудности с опознанием, если б не эта фотография, ниспосланная, так сказать, провидением.

– Интересно, – сказала Фрэнки. С учетом уже известного ей она полагала, что слово «провидение» совершенно неуместно в данном случае. Фрэнки сменила тему разговора: – Вчера я ходила проводить мистера Джонса, сына викария. Того, которого отравили. Небывалое событие.

– А! – воскликнул инспектор. – Вот это действительно из ряда вон, если хотите. Никогда не слышал, чтобы прежде случалось подобное. Приятный молодой джентльмен, у которого нет ни единого врага на всем белом свете. Во всяком случае, такое создается впечатление. Знаете, леди Фрэнсес, шляются кругом разные странные типы. И все равно я не слыхал ни об одном маньяке-убийце, который действовал бы подобным образом.

– И никаких соображений относительно того, кто это сделал? – Фрэнки прямо глаза выкатила от любопытства. – Так интересно обо всем этом слушать, – добавила она.

Инспектор прямо расплылся от удовольствия. Еще бы – вот так, по-приятельски, болтать с дочерью графа. В леди Фрэнсес не было ни высокомерия, ни чванства.

– В округе видели одну машину, – сказал он. – Темно-синий «Тэлбот» с закрытым кузовом. Один человек на Локс-Корнер сообщил, что видел темно-синий «Тэлбот» с номерным знаком ГГ 8282, который проехал в сторону Сент-Ботолфа.

– Ну и что вы думаете?

– ГГ 8282 – номер машины епископа Ботолфа.

Фрэнки представила себе убийцу-епископа, который приносил в

жертву сыновей священнослужителей, и со вздохом отбросила эту мысль.

– Я полагаю, епископа-то вы не подозреваете? – спросила она.

– Мы узнали, что в тот день машина епископа не выезжала из дворцового гаража.

– Значит, номер был поддельный.

– Да, тут уж как пить дать есть над чем подумать.

Фрэнки с восхищенным видом распрощалась с инспектором. Ей подумалось, что в Англии наверняка полно темно-синих «Тэлботов», но она промолчала, дабы не обескураживать его.

Вернувшись домой, она взяла со стола в библиотеке телефонный справочник Марчболта, отнесла его в свою комнату и принялась изучать. Она убила на это несколько часов, но результаты оказались плачевными: в Марчболте проживало 482 Эванса.

Глава 10

ПОДГОТОВКА К АВАРИИ

Неделю спустя Бобби был в Лондоне вместе с Бэджером. Он получил от Фрэнки несколько загадочных сообщений, написанных большей частью такими неразборчивыми каракулями, что о смысле приходилось только догадываться. Однако в общем можно было понять, что Фрэнки разработала план и что он, Бобби, не должен ничего предпринимать, пока не получит от нее вестей. Это было даже к лучшему, поскольку у Бобби не нашлось бы свободного времени, чтобы что-то сделать. Незадачливый Бэджер уже с успехом запутался сам и запутал все дело, насколько только может подсказать изобретательность, и Бобби занимался растаскиванием дров, которые, похоже, наломал его приятель, но при этом молодой человек был начеку. После восьми гранов морфия он особенно подозрительно относился к еде и напиткам. Более того, он привез с собой в Лондон армейский револьвер, обладание которым было весьма обременительно.

Ему уже начинало казаться, что вся эта история была неким фантазмагорическим кошмаром, когда по гаражу пронесся рев мотора «Бентли» и Фрэнки остановилась возле конторы. Бобби в замасленном комбинезоне вышел навстречу. Рядом с девушкой восседал молодой человек весьма угрюмого вида.

– Привет, Бобби, – сказала Фрэнки. – Это Джордж Арбатнот. Он врач, и он нам понадобится.

Они едва кивнули друг другу, и Бобби слегка поморщился.

– Ты уверена, что нам не обойтись без врача? – спросил он. – Не слишком ли ты заупокойно настроена?

– Я не думала, что он нам понадобится в этом качестве, – подчеркнула Фрэнки. – Он нужен для выполнения плана, который я разработала. Слушай, мы можем где-нибудь присесть и поговорить?

Бобби с сомнением огляделся и неуверенно предложил:

– Ну, можно у меня в спальне.

– Отлично, – сказала Фрэнки. Она вылезла из машины, и все поднялись по какой-то внешней лестнице в микроскопическую спальню.

– Не знаю, – сказал Бобби, озираясь, – есть ли тут на чем сидеть.

Сидеть оказалось не на чем: единственный стул был загружен, похоже, чуть ли не всем гардеробом Бобби.

– Сойдет и кровать, – сказала Фрэнки, опускаясь на нее. Джордж Арбатнот сделал то же самое, и кровать протестующе застонала. – Я все обмозговала, – продолжала Фрэнки. – Прежде всего нам нужна машина. Одна из ваших сгодится.

– Ты хочешь сказать, что покупаешь одну из наших машин?

– Вот именно.

– Это и впрямь очень мило с твоей стороны, Фрэнки, – с чувством сказал Бобби. – Но тебе не стоит этого делать. Друзей я не надуваю.

– Ты меня не так понял, – сказала Фрэнки. – Все совершенно иначе. Я знаю, что ты имеешь в виду: как будто я покупаю у друзей, которые только-только начали дело, вконец безобразные шляпки и одежду. Неприятно, но надо выручать. Но тут у нас совсем другое. Мне действительно нужна машина.

– У тебя же есть «Бентли».

– «Бентли» не годится.

– Ты с ума сошла, – сказал Бобби.

– Нет, не сошла. «Бентли» не годится для того, что я хочу сделать. Я хочу разбить машину.

Бобби со стоном приложил ладонь ко лбу.

– Похоже, я сегодня утром не очень в форме.

Тут впервые заговорил Джордж Арбатнот. Голос у него был глубокий и замогильный.

– Она хочет сказать, что попадет в аварию.

– Откуда ей знать? – с дичинкой в голосе спросил Бобби.

Фрэнки испустила вздох отчаяния.

– Так или иначе, – сказала она, – мы, похоже, не с того начали. Теперь спокойно послушай, Бобби, и постарайся уразуметь, что я скажу. Я знаю, что твоими мозгами в принципе можно пренебречь, но ты должен понять, если действительно сосредоточишься. – Она помолчала, потом продолжала: – Я на хвосте у Бэссингтон-ффренча.

– Ну-ну...

– Бэссингтон-ффренч, именно наш Бэссингтон-ффренч, живет в Мерроуэй-Корте в деревне Стейверли в Хэмпшире. Мерроуэй-Корт принадлежит брату Бэссингтон-ффренча, а наш Бэссингтон-ффренч живет там у него и его жены.

– У чьей жены?

– Жены брата, разумеется. Суть не в этом, а в том, как ты, или я, или мы оба проникнем к ним в дом. Я побывала там и провела рекогносцировку местности. Стейверли – заурядная деревушка, чужого человека там видать

за милую. Его появление там – просто небывалый случай. Поэтому я разработала план. Вот что произойдет: леди Фрэнсес Деруэнт, неосторожно управляя машиной, врежется в стену возле ворот Мерроуэй-Корта. Машина вдребезги, леди Фрэнсес тоже разбивается, но не совсем: ее вносят в дом, у нее шок и сотрясение мозга, и ее ни в коем случае нельзя перевозить.

– Кто это говорит?

– Джордж. Теперь ты понимаешь, в чем заключается его роль? Мы не можем рисковать и допустить, чтобы посторонний врач заявил, что со мной ничего страшного. А то еще, того гляди, какой-нибудь чиновник подберет мое распростертое тело и доставит в местную больницу. Нет, произойдет вот что: Джордж проезжает мимо – тоже на машине, так что тебе придется продать нам еще одну, – видит аварию, выскакивает из машины и берет все в свои руки. «Я врач, освободите, пожалуйста, место (то есть если там вообще кто-то будет). Мы должны внести ее в этот дом. Что это за дом? Мерроуэй-Корт? Сгодится! Мне надо ее как следует осмотреть». Меня тащат в лучшую свободную комнату, Бэссингтон-френчи либо сочувствуют, либо противятся изо всех сил, но в таком случае Джордж их быстро обломает. Джордж производит осмотр и выходит с диагнозом. К счастью, это не столь серьезно, как он думал: кости целы, но есть опасность сотрясения мозга. Меня ни в коем случае нельзя никуда перемещать два или три дня. Потом я смогу вернуться в Лондон. А затем Джордж уезжает, и тут уж я должна сама как-то втереться в доверие.

– А какова же моя роль?

– У тебя нет никакой роли.

– Но послушай...

– Милое дитя, ты забыл, что Бэссингтон-френч тебя знает. Меня он в глаза не видел. Я в очень выгодном положении, потому что у меня титул. Видишь, как он пригодился. Я не просто какая-то бродяжка, стремящаяся с загадочной целью проникнуть в дом. Я дочь графа и, следовательно, в высшей степени респектабельна. А Джордж – настоящий врач и вне подозрений.

– О, пожалуй, все верно, – с несчастным видом сказал Бобби.

– По-моему, замечательный план, – горделиво сказала Фрэнки.

– А я, значит, вообще ничего не делаю? – спросил Бобби. Он по-прежнему чувствовал себя обиженным, почти как тот пес, у которого вдруг отняли кость. Ведь это преступление полагалось бы расследовать ему, считал он. А теперь его оттирают.

– Конечно, делаешь, милый. Ты отращиваешь усы.

– Ах вот как, усы отращиваю...

- Да. Сколько на это надо времени?
- Полагаю, две-три недели.
- Боже! Я и не знала, что это такой медленный процесс. А ты не мог бы его ускорить?
- Нет. А почему бы мне не нацепить фальшивые?
- Они всегда выглядят как фальшивые, и они скручиваются, или отваливаются, или воняют спиртовым клеем. Впрочем, погоди-ка, есть такие, которые наклеиваются волосок к волоску, и их совершенно нельзя отличить от настоящих. Я полагаю, театральный гример сделает это для тебя.
- Он еще, чего доброго, подумает, что я скрываюсь от правосудия.
- Неважно, что он подумает.
- Ну, добуду я себе усы, а что дальше?
- Напялишь шоферскую ливрею и подъедешь на «Бентли» к Стейверли.
- О, понятно. – Лицо Бобби просветлело.
- Понимаешь, моя задумка такова, – сказала Фрэнки. – Никто не смотрит на шофера так, как смотрят на обычного человека. Во всяком случае, Бэссингтон-ффренч видел тебя только минуту или две, причем он, должно быть, очень нервничал, гадая, сумеет ли вовремя подменить фотографию, так что ему было недосуг тебя разглядывать. Для него ты был всего лишь молодой и глупый фанатик гольфа. Это не то что с Кейменами, которые сидели напротив тебя и разговаривали с тобой, специально прикидывая, чего ты стоишь. Я готова спорить, что в шоферской ливрее Бэссингтон-ффренч не узнает тебя даже без усов. Он может просто подумать, что твое лицо ему кого-то напоминает, но не более того. А с усами ты будешь в полной безопасности. Теперь скажи-ка, что ты думаешь об этом плане?

Бобби прикинул и так и эдак.

– По правде сказать, Фрэнки, – признался он, – я думаю, что план очень хорош.

– В таком случае, – с жаром воскликнула Фрэнки, – пойдем и купим несколько автомобилей! Слушай, кажется, Джордж проломил твою кровать.

– Ничего, – гостеприимно сказал Бобби. – Она мне никогда особенно не нравилась.

Они спустились в гараж, где нервный с виду молодой человек, у которого каким-то странным образом не было подбородка, приветствовал их приятной улыбкой и каким-то неопределенным «Хо-хо-хо!». Его наружность много теряла оттого, что глаза никак не желали смотреть в

одну сторону.

– Привет, Бэджер, – сказал Бобби. – Ты ведь помнишь Фрэнки, правда? Бэджер явно не помнил, но снова дружески произнес:

– Хо-хо-хо!

– Когда я видела вас в последний раз, – сказала Фрэнки, – ваша голова застряла в грязи, и нам пришлось вытаскивать вас за ноги.

– Нет, правда? – изумился Бэджер. – Б-б-боже, это, д-д-должно быть, еще в Уэльсе.

– Совершенно верно, – согласилась Фрэнки, – в Уэльсе.

– Н-н-наездником я всегда был неважным, – признал Бэджер. – Да и сейчас не лучше, – добавил он скорбно.

– Фрэнки хочет купить машину, – сказал Бобби.

– Две машины, – поправила его Фрэнки. – Джорджу тоже нужна одна. Свою он только что разбил.

– Мы можем дать ему напрокат, – сказал Бобби.

– Ну идите посмотрите, что у н-нас в н-н-наличии, – предложил Бэджер.

– На вид такие шикарные, – сказала Фрэнки, ослепленная кричащими багровыми и салатowymi красками.

– На вид – это точно, – многозначительно произнес Бобби.

– Это на удивление недорого для подержанного «Крайслера», – подал голос Бэджер.

– Нет, не этот, – сказал Бобби. – Она должна купить машину, способную пройти не меньше сорока миль.

Бэджер с укором покосился на своего партнера.

– Этот «Стандард» уже, в общем-то, доживает свое, – размышлял Бобби. – Но я думаю, у него как раз хватит пороха довести нас туда. Вот этот «Эссекс» чересчур хорош для такой работы, он проедет не меньше двухсот миль, прежде чем поломается.

– Ну что ж, – сказала Фрэнки, – я возьму этот «Стандард».

Бэджер оттащил своего коллегу в сторону.

– Ч-ч-что ты думаешь н-н-насчет цены? – спросил он. – Не хочется особенно надувать твоего друга. Д-д-десять фунтов?

– Десять фунтов нормально, – сказала Фрэнки, вступая в разговор. – Я уплачу наличными.

– Кто она на самом деле? – спросил Бэджер громким шепотом.

Бобби что-то прошептал в ответ.

– Впервые вижу титулованную особу, к-к-которая расплачивается наличными, – сказал Бэджер с уважением.

Бобби проследовал за своими друзьями к «Бентли».

– Когда мы провернем это дело? – спросил он.

– Чем быстрее, тем лучше, – ответила Фрэнки. – Мы думали, завтра пополудни.

– Послушай, а нельзя ли и мне там быть? Если хочешь, я прицеплю бороду.

– Ни в коем случае, – сказала Фрэнки. – Борода может все погубить, отклеившись в неподходящий момент. Но я не вижу причин, почему бы тебе не быть мотоциклистом в большой кепке и в очках. Что ты на это скажешь, Джордж?

– Ну что ж, чем нас больше, тем веселее, – ответил Джордж Арбатнот еще более замогильным голосом, чем прежде.

Глава 11

АВАРИЯ

Встреча была назначена примерно в миле от деревни Стейверли, где проселок примыкал к главному шоссе на Эндовер. Все трое благополучно прибыли туда, хотя «Стандард» Фрэнки на каждом шагу подавал признаки старческой немощи. Операция с несчастным случаем должна была начаться в час дня.

– Нельзя допустить, чтобы нам мешали, когда мы будем все разыгрывать, – сказала Фрэнки еще в Лондоне. – По этой дороге, как я понимаю, почти никто не ездит, но во время ленча мы вообще будем в полной безопасности.

Они проехали с полмили по второстепенной дороге, потом Фрэнки указала место, которое она выбрала для аварии.

– По-моему, лучше быть не может, – заявила она. – Прямо вниз с этого холма, а затем, видите, дорога делает неожиданный резкий поворот вон у того торчащего угла. Это стена Мерроуэй-Корта. Если мы заведем машину и пустим ее с холма, она врежется прямо в стену и наверняка изрядно покорезится.

– Да уж, надо думать, – согласился Бобби. – Но кто-то должен сторожить на углу, чтобы наверняка знать, что никто не едет в противоположном направлении.

– Совершенно верно, – сказала Фрэнки. – Не хватало еще, чтобы кто-то попал в эту кутерьму и покалечился на всю жизнь. Джордж отправится туда на машине и развернется, как будто едет в другую сторону. Затем, когда он махнет платком, это будет означать, что путь свободен.

– Ты очень бледная, Фрэнки, – с тревогой сказал Бобби. – Ты уверена, что здорова?

– Я наложила бледный грим, – объяснила Фрэнки. – В рамках подготовки к сотрясению мозга. Не хватало еще, чтобы меня вносили в дом пышущую здоровьем.

– Какие же вы, женщины, удивительные, – с уважением сказал Бобби. – У тебя вид, как у больной обезьянки.

– По-моему, ты крайне неучтив, – заметила Фрэнки. – Ладно, значит, я пойду и загляну в ворота Мерроуэй-Корта. Они как раз по эту сторону от угла. К счастью, тут нет сторожки. Когда Джордж махнет платком, а я

махну своим, заводи машину.

– Хорошо, – сказал Бобби. – Я останусь на подножке и буду рулить, пока она как следует не разгонится, потом прыгну.

– Смотри не ушибись, – сказала Фрэнки.

– Да уж постараюсь. Дела бы совсем осложнились, если б вместо подстроенной аварии произошла настоящая.

– Ну, поезжай, Джордж, – сказала Фрэнки. Джордж кивнул, вскочил во вторую колымагу и медленно покатыл вниз с холма.

– Ты... э... будешь осмотрительна, правда, Фрэнки? – с неожиданной хрипотцой сказал Бобби. – Я имею в виду... не делай никаких глупостей.

– Не волнуйся, я буду крайне осторожна. Кстати, я, пожалуй, не стану писать прямо тебе, а напишу Джорджу, или моей служанке, или еще кому-нибудь, а уж они передадут.

– Интересно, преуспеет ли Джордж на своем поприще?

– А почему бы и нет?

– Ну, он, похоже, до сих пор не овладел мастерством болтовни у постели.

– Я полагаю, это еще придет, – рассудила Фрэнки. – Пожалуй, мне пора. Я дам знать, когда тебе надо будет приехать на «Бентли».

– А я пока займусь усами. Счастливо.

Они обменялись взглядами, потом Фрэнки кивнула и начала спускаться с холма. Джордж тем временем развернулся и задом подал машину за выступ в стене. Фрэнки на миг исчезла, потом вновь появилась на дороге, размахивая платком. Второй платок мелькнул внизу, на повороте.

Бобби поставил машину на третью скорость, затем, стоя на подножке, отпустил тормоз. Машина нехотя пошла вперед, ей мешало то, что она на скорости. Спуск, однако, был достаточно крут. Двигатель завелся, машина набрала ход. Бобби выровнял баранку и прыгнул в последнее мгновение. Машина съехала с холма и крепко врезалась в стену. Все сошло хорошо, «несчастный случай» удался на славу. Бобби увидел, как Фрэнки подбежала к месту происшествия и плюхнулась среди обломков. Джордж на своей машине выехал из-за угла и остановился. Вздыхнув, Бобби взобрался на мотоцикл и покатыл в сторону Лондона.

На месте происшествия дела шли своим чередом.

– Поваляться немного по дороге, чтобы запылиться? – спросила Фрэнки.

– Вообще-то можно, – сказал Джордж. – Ну-ка дай свою шляпу.

Он взял шляпу и сделал в ней ужасную вмятину. Фрэнки испуганно вскрикнула.

– Место ушиба, – сказал Джордж. – Сотрясение. Ладно, лежи уж где лежишь, не барахтайся. Кажется, я слышал звонок.

И действительно, в этот миг из-за угла, насвистывая, вырулил на велике парень лет семнадцати. Он сразу же остановился, зачарованный великолепным зрелищем, открывшимся его взору.

– Ого! – воскликнул он. – Да тут авария!

– Нет, – саркастически отвечал Джордж. – Юная леди сама направила свою машину в стену.

Приняв, как и ожидалось, это замечание скорее за горькую шутку, нежели за истинную правду, каковой оно на самом деле было, мальчик с восторгом сказал:

– Ну и жуткий у нее видок, правда? Она не мертвая?

– Еще нет, – ответил Джордж. – Ее надо немедленно куда-нибудь отнести. Что это тут за дом?

– Мерроуз-Корт. Принадлежит мистеру Бэссингтон-ффренчу. Он мировой судья, да.

– Ее надо срочно отнести туда, – властно произнес Джордж. – Ну-ка, брось свой велосипед и помоги мне.

Упрашивать парня не пришлось. Он прислонил велосипед к стене и поспешил на помощь. Вместе Джордж и мальчик пронесли Фрэнки по подъездной аллее к красивому и старому на вид помещицкому дому. Их приближение заметили, навстречу вышел пожилой дворецкий.

– Произошел несчастный случай, – коротко бросил Джордж. – Найдется ли в этом доме куда положить даму? Ей надо немедленно оказать помощь.

Дворецкий торопливо вернулся в холл. Джордж и мальчик проследовали за ним, неся обмякшее тело Фрэнки. Дворецкий вошел в какую-то комнату слева, и оттуда появилась женщина – высокая, рыжеволосая, лет тридцати. Глаза у нее оказались ясные и голубые. Она тут же овладела положением.

– На первом этаже есть свободная спальня, – сказала она. – Отнесите ее туда. Вызвать врача?

– Я сам врач, – объяснил Джордж. – Я проезжал мимо и видел, как это произошло.

– О, какая удача! Идите сюда, пожалуйста. – Она провела их в уютную спальню с видом на сад и спросила: – Она сильно ушиблась?

– Пока не могу сказать.

Миссис Бэссингтон-ффренч поняла намек и удалилась. Мальчик последовал за ней, пустившись в описание аварии, как будто сам был ее

очевидцем:

– Стукнулась прямо о стену, честно, машина вся разбилась. Лежит она на земле, а шляпа у нее вся помялась. Этот джентльмен, он как раз проезжал на машине...

Он продолжал разглагольствовать, пока от него не отделались, дав полкроны.

Тем временем Фрэнки шепталась с Джорджем:

– Джордж, дорогой, это не испортит тебе карьеру, правда? Тебя не вычеркнут из реестра, или откуда там, а?

– Могут, конечно, – мрачно сказал Джордж. – То есть если это дело всплывет.

– Не всплывет, – сказала Фрэнки, – не беспокойся, Джордж. Я тебя не подведу. – Она задумчиво добавила: – Ты сделал все очень хорошо. Я никогда прежде не слышала, чтобы ты столько говорил.

Джордж со вздохом посмотрел на часы.

– Я отпущу себе на осмотр еще три минуты, – сказал он.

– А как насчет машины?

– Я договарюсь с одним гаражом, чтобы ее забрали.

– Хорошо.

Джордж продолжал смотреть на часы. Наконец он сказал, будто сбросив тяжкий груз:

– Пора.

– Джордж, – сказала Фрэнки, – ты ангел. Я не знаю, почему ты это сделал.

– Я тоже не знаю, – ответил Джордж. – Ужасная глупость. – Он кивнул ей. – Пока. Приятного времяпрепровождения.

– Хотела бы я знать, получится ли, – сказала Фрэнки. Она подумала об этом сухом бесцветном голосе с легким американским акцентом.

Джордж отправился искать его обладательницу, которую обнаружил в гостинной.

– Так, – уверенно сказал он, – рад сообщить, что все не так плохо, как я опасался. Сотрясение очень легкое и уже проходит. Правда, ей следует полежать день или два. – Он помолчал. – Похоже, это леди Фрэнсес Деруэнт.

– Подумать только! – воскликнула миссис Бэссингтон-френч. – Тогда я довольно хорошо знаю ее кузенов, Дрейкоттов.

– Не знаю, удобно ли будет, если она побудет у вас, – сказал Джордж. – Но если б она могла оставаться на месте денек или два...

– О, разумеется. Все будет в порядке, доктор...

– Арбатнот. Кстати, я сам займусь машиной. Мой путь лежит мимо одного гаража.

– Большое вам спасибо, доктор Арбатнот. Какая удача, что вы как раз ехали мимо. Пожалуй, завтра надо пригласить к ней врача, чтобы убедиться, что она поправляется.

– Думаю, это излишне, – сказал Джордж. – Ей нужен только покой.

– Но я бы не так волновалась. И надо сообщить ее родным.

– Предоставьте это мне, – заявил Джордж. – А что касается врачей, то... в общем, по-моему, она приверженка христианской науки и ни за какие коврижки не согласится принять услуги врача. Она ни капли не обрадовалась, обнаружив, что я хлопочу возле нее.

– О боже! – воскликнула миссис Бэссингтон-ффренч.

– Но с ней все будет в порядке, – успокоил ее Джордж. – Можете поверить мне на слово.

– Если вы действительно так думаете... – с большим сомнением промолвила миссис Бэссингтон-ффренч.

– Да, – ответил Джордж. – До свидания. Боже мой, я забыл в спальне один из своих инструментов. – Он проворно шмыгнул в комнату и приблизился к постели. – Фрэнки, – быстро прошептал он, – ты принадлежишь к числу последователей христианской науки, не забудь.

– С чего бы вдруг?

– Пришлось так сказать. Единственный выход.

– Ну что ж, – проговорила Фрэнки, – я не забуду.

Глава 12

В СТАНЕ ВРАГА

«Ну, вот я и здесь, – подумала Фрэнки. – Благополучно прибыла в стан врага. Теперь все зависит от меня».

В дверь постучали, и вошла миссис Бэссингтон-ффренч. Фрэнки слегка приподнялась на подушках.

– Мне ужасно жаль, – сказала она слабым голосом. – Я причиняю вам столько неудобств.

– Чепуха, – сказала миссис Бэссингтон-ффренч. Фрэнки снова услышала этот холодный, приятно тягучий голос с легким американским акцентом и вспомнила, что лорд Марчингтон говорил, будто один из хэмпширских Бэссингтон-ффренчей женился на американской наследнице. – Доктор Арбатнот говорит, что вы будете здоровы через день-два, если только спокойно полежите.

Фрэнки почувствовала, что тут ей следует сказать что-то об «ошибке» или «бренном разуме», но она испугалась ляпнуть что-нибудь не то.

– Кажется, он милый, – сказала она. – Он был очень любезен.

– Он показался мне исключительно способным молодым человеком, – сказала миссис Бэссингтон-ффренч. – Вам очень повезло, что он как раз проезжал мимо.

– Да, правда? Впрочем, вряд ли я действительно в нем нуждалась.

– Но вам нельзя разговаривать, – продолжала хозяйка. – Я пришлю служанку с кое-какими вещами для вас, и тогда она сможет по-настоящему уложить вас в постель.

– Это ужасно мило с вашей стороны.

– Ну что вы.

Фрэнки испытала мимолетный укор совести, когда женщина ушла. «Милое, доброе создание, – сказала она себе. – И такое очаровательно легковерное».

Она впервые почувствовала, что играет мерзкую шутку со своей хозяйкой. Ее мысленный взор видел лишь, как убийца Бэссингтон-ффренч сталкивает с обрыва ничего не подозревающую жертву, и более мелкие фигуры этой драмы оставались вне поля ее зрения.

«Ну что ж, – подумала Фрэнки, – теперь придется через все это пройти. Вот только жаль, что она оказалась такой милашкой».

Остаток дня и весь вечер она проскучала, лежа в своей затемненной комнате. Миссис Бэссингтон-ффренч пару раз заглядывала проводить ее, но не засиживалась.

Однако наутро Фрэнки отдернула шторы и пожелала общества, поэтому ее хозяйка пришла и некоторое время посидела с ней. У них оказалось много общих друзей и знакомых, и к концу дня Фрэнки с чувством вины поняла, что они и сами стали подругами. Миссис Бэссингтон-ффренч несколько раз упоминала мужа и своего малыша Томми. Она казалась простой женщиной, глубоко преданной домашнему очагу, и все же Фрэнки почему-то представлялось, что она не совсем счастлива. В ее глазах порой появлялось какое-то тревожное выражение, вряд ли присущее человеку, жизнь которого безоблачна.

На третий день Фрэнки поднялась и была представлена хозяину дома. Он оказался крупным мужчиной с тяжелым подбородком, держался дружелюбно, но как-то рассеянно. Большую часть времени он, похоже, проводил в своем кабинете. Однако Фрэнки решила, что он очень любит жену, хотя ее заботы его почти совсем не интересуют. Томми, малышу, было семь лет. Он был здоровым, проказливым ребенком. Сильвия Бэссингтон-ффренч явно его обожала.

– Тут у вас так хорошо, – сказала Фрэнки со вздохом, лежа в шезлонге в саду. – Не знаю почему, возможно, от удара по голове или еще от чего, но мне просто не хочется двигаться, – продолжала девушка. – Так бы и валялась тут целыми днями.

– Да пожалуйста, лежите, – сказала Сильвия Бэссингтон-ффренч своим спокойным бесцветным голосом. – Нет, право, я серьезно. Не спешите возвращаться в город. То, что вы гостите здесь, доставляет мне огромное удовольствие. Вы такая умная и приятная собеседница. Это меня ободряет.

«Значит, она нуждается в поддержке», – пронеслось в голове Фрэнки. В то же время ей было стыдно за себя.

– Я чувствую, что мы стали настоящими подругами, – продолжала хозяйка. Фрэнки устыдилась пуще прежнего. Она делает гадость. Гадость, гадость, гадость. Она должна тотчас же все бросить. Вернуться в город...

Ее хозяйка продолжала:

– Завтра здесь будет уже не так скучно. Возвращается мой деверь. Он вам понравится, я уверена. Роджер всем нравится.

– Он живет у вас?

– Наездами. Он человек непоседливый. Называет себя семейным никудышником, и, пожалуй, до некоторой степени это правда. Он не может долго удержаться на одной работе. По правде, я не верю, что он вообще

когда-либо работал по-настоящему. Но такие люди встречаются, особенно в древних родах. И обычно это люди с изысканнейшими манерами. Роджер обладает способностью располагать к себе. Не знаю даже, что бы я делала без него этой весной, когда Томми захворал.

– А что было с Томми?

– Он упал с качелей. Их, должно быть, привязали к гнилой ветке, и она обломилась. Роджер очень переживал, потому что он-то и раскачивал ребенка. Ну, знаете, подбрасывал повыше, как нравится малышам... Сначала мы думали, у Томми повреждена спина, но оказалось, что пустяк, и сейчас он совершенно здоров.

– Во всяком случае, вид у него совершенно здоровый, – сказала Фрэнки и улыбнулась, заслышав вдалеке громкие возгласы и гиканье.

– Я знаю, он в отличном вроде бы состоянии и все такое. Но он какой-то невезучий: то одно, то другое. Прошлой зимой он едва не утонул.

– Да что вы? – задумчиво спросила Фрэнки. Она уже не помышляла о возвращении в город, ощущение вины прошло. Несчастные случаи! То одно, то другое! Интересно, не специализируется ли Роджер Бэссингтон-ффренч на несчастных случаях?

– Если вы уверены, что действительно хотите этого, я бы с удовольствием еще немного побыла здесь. Но муж-то ваш не будет возражать, что я вот так навязываюсь?

– Генри? – Губы миссис Бэссингтон-ффренч как-то странно искривились. – Нет, Генри возражать не будет. Генри никогда не бывает против... теперь.

Фрэнки с любопытством посмотрела на нее. «Знай она меня поближе, она бы мне что-нибудь рассказала, – подумала девушка. – По-моему, в этом поместье творится много странного».

Генри Бэссингтон-ффренч присоединился к ним за чаем, и Фрэнки присмотрелась к нему повнимательнее. В этом человеке определенно было нечто необычное. Сразу бросалось в глаза, что он принадлежит к числу общительных и спортивных сельских весельчаков. Но такому человеку не пристало сидеть, нервно ерзая. Его нервы явно были натянуты до предела: он то погружался в задумчивость, из которой его нелегко было вывести, а то выдавал горькие и саркастические ответы на все обращенные к нему замечания. И не то чтобы он всегда был таким. Позже в тот же вечер, за обедом, он выказал себя совсем в другом свете. Он шутил, смеялся, рассказывал истории и просто блистал. Пожалуй, даже чересчур блистал, как показалось Фрэнки. Этот блеск тоже был неестествен и не шел ему.

«У него странные глаза, – подумала она. – Они немного пугают меня».

Уж, право, не подозревает ли она в чем-то Генри Бэссингтон-ффренча? Ведь в тот роковой день не он, а его брат был в Марчболте. Что же касается его брата, Фрэнки с нетерпением ждала встречи с ним. По их с Бобби общему мнению, этот человек был убийцей, и она собиралась встретиться с убийцей лицом к лицу. Она нервно содрогнулась. А впрочем, откуда он может что-то знать? Или видеть связь между нею и своим удавшимся преступлением? «Ты без всякой причины нагоняешь на себя страху», – сказала она себе.

Роджер Бэссингтон-ффренч прибыл на другой день перед чаем. Фрэнки встретила с ним только за столом. Ей все еще полагалось «отдыхать» пополудни. Когда она вышла на лужайку, где был накрыт стол для чаепития, Сильвия с улыбкой сказала:

– Вот и наша больная. Это мой деверь. Леди Фрэнсес Деруэнт.

Фрэнки увидела высокого стройного молодого человека лет тридцати с лишним, с симпатичными глазами. Хотя она поняла, что имел в виду Бобби, когда говорил, что ему бы носить монокль и усы щеточкой, сама она первым делом отметила глубокую синеву его глаз. Фрэнки и Роджер пожали друг другу руки.

– Мне рассказывали, как вы пытались проломить стену парка, – проговорил он.

– Признаю, что я худший водитель в мире, – сказала Фрэнки. – Но я ехала на ужасной старой таратайке. Моя машина была в ремонте, и я пока купила себе поддержанную.

– Ее вызволил из-под обломков весьма симпатичный молодой врач, – сообщила Сильвия.

– Он был очень славный, – согласилась Фрэнки. Тут появился Томми и с радостным визгом бросился обнимать дядю.

– Вы привезли мне поезд Хорнби? Вы обещали, обещали.

– Ах, Томми! Нельзя же клянчить! – упрекнула его Сильвия.

– Ничего, Сильвия, я и правда ему обещал. Будет тебе поезд, старина. – Он скользнул взглядом по своей невестке. – А Генри что, не выйдет к чаю?

– Не думаю. – В ее голосе прозвучала какая-то напряженная нотка. – По-моему, ему сегодня слегка нездоровится... – И она в каком-то порыве добавила: – Ах, Роджер, я так рада, что ты вернулся!

Он положил руку на ее предплечье.

– Ничего, Сильвия, старушка.

После чая Роджер играл с племянником в железную дорогу. Фрэнки наблюдала за ними, ее разум пребывал в смятении. Безусловно, такой

человек не стал бы спихивать людей с обрывов! Этот очаровательный молодой господин не мог быть хладнокровным убийцей. А впрочем, они с Бобби, должно быть, ошибались с самого начала. То есть ошиблись относительно этой части преступления. Теперь она была уверена, что не Бэссингтон-ффренч столкнул Причарда с утеса. Тогда кто же? Она по-прежнему была убеждена, что Причарда столкнули. Кто же это сделал? И кто подложил Бобби морфий в бутылку с пивом? При мысли о морфии она вдруг поняла, что именно странного было в глазах Генри Бэссингтон-ффренча: эти крошечные зрачки. Неужели Генри Бэссингтон-ффренч наркоман?

Глава 13

АЛАН КАРСТЭРС

Как ни странно, она получила подтверждение этой догадке не далее как на следующий день, и рассказал ей все Роджер. Они играли в теннис, а потом сидели, потягивая питье со льдом и болтая о всякой всячине, и Фрэнки все больше ощущала лоск этого человека, объездившего весь свет. Ей пришлось признать, что «семейный никудышник» весьма выгодно отличался от своего тяжеловесного серьезного брата.

Пока эти мысли проносились в голове Фрэнки, наступило молчание. Его нарушил Роджер, и на сей раз он заговорил совсем другим тоном:

– Леди Фрэнсес, я собираюсь сделать одно весьма странное дело. Я не знаком с вами и суток, но нутром чую, что вы тот человек, у которого я могу попросить совета.

– Совета? – удивилась Фрэнки.

– Да. Я никак не могу выбрать одно из двух возможных решений. – Он умолк и подался вперед, раскачивая ракетку между коленями и слегка наморщив лоб. Он казался встревоженным и удрученным. – Речь идет о моем брате, леди Фрэнсес.

– Да?

– Он принимает наркотики, я в этом уверен.

– С чего вы это взяли? – спросила Фрэнки.

– Да со всего! Его вид. Странные перепады настроения. А вы заметили, какие у него глаза? Зрачки как булабочные головки.

– Это я заметила, – признала Фрэнки. – А что он принимает, как вы думаете?

– Морфий или опиум в какой-то форме.

– И давно?

– Полагаю, уже с полгода. Я помню, он очень жаловался на бессонницу. Не знаю, как он впервые попробовал это зелье, но думаю, это наверняка было вскоре после жалоб.

– А как он его добывает? – деловито спросила Фрэнки.

– По-моему, ему присылают по почте. Вы заметили, что он особенно нервничает и раздражается в некоторые дни за чаем?

– Да, заметила.

– Я подозреваю, что у него выходят запасы и он ждет новых. Затем,

когда приносят шестичасовую почту, он удаляется в кабинет и выходит к обеду совсем в другом настроении.

Фрэнки кивнула. Она вспомнила, как иногда за обедом Генри вел блестящие беседы.

– Но откуда поступают эти запасы? – спросила она.

– А этого-то я и не знаю. Ни один уважающий себя врач не стал бы снабжать его. В Лондоне, я полагаю, есть разные источники, где можно получить наркотики, уплатив большую цену.

Фрэнки кивнула. Она вспомнила, как говорила что-то Бобби насчет шайки контрабандистов наркотиков и как он ответил, что нельзя валить в одну кучу слишком много преступлений. Странно, что они так быстро вышли на этот след. Странно было и то, что внимание ее к этому факту привлек не кто иной, как их основной подозреваемый. Она еще больше укрепилась в своем намерении доказать, что Роджер неповинен в убийстве.

И тем не менее случай с фотографией оставался необъяснимым. Данные против Роджера, напомнила она себе, остаются в точности такими же, какими они были прежде. Их опровергала только личность этого человека.

Отбросив эти размышления, Фрэнки повернулась к своему собеседнику.

– Почему вы рассказываете это именно мне? – прямо спросила она.

– Потому что я не знаю, как быть с Сильвией, – просто ответил он.

– Вы думаете, она не в курсе?

– Разумеется, нет. Следует ли мне сказать ей?

– Это очень трудно...

– Очень трудно. Вот почему я и подумал, что вы сможете помочь мне. Вы очень по душе Сильвии. В общем, она не особенно высокого мнения об англичанах, но вы ей сразу же понравились, она мне сказала. Так что же мне следует делать, леди Фрэнсес? Открыв ей все, я еще больше отягощу ей жизнь.

– Если бы она знала, то могла бы оказать кое-какое влияние, – предположила Фрэнки.

– Сомневаюсь. Когда дело идет о приеме наркотиков, никто, даже самые близкие и родные, не могут оказать никакого влияния.

– Ну, вы, похоже, совсем лишились надежды.

– Это истина. Разумеется, есть всякие способы. Если бы только Генри согласился на лечение... Тут совсем рядом есть одно заведение, которым заправляет некто доктор Николсон.

– Но Генри никогда не согласился бы, правда?

– Как знать. Иногда можно улучшить момент, когда морфиниста мучают угрызения совести, и тогда он готов на все, только бы излечиться. Я склонен думать, что Генри было бы легче убедить, если бы он считал, что Сильвия не знает, если бы угроза разоблачения постоянно довлела над ним. А при удачном лечении его болезнь выдадут за нервное расстройство, и ей тогда не надо будет ничего знать.

– Но ему пришлось бы уехать на лечение.

– Место, о котором я говорю, находится милях в трех отсюда, на другом конце деревни. Заправляет там один канадец, доктор Николсон. Большая умница, я полагаю. И, к счастью, Генри он нравится. Тс-с, Сильвия идет.

Миссис Бэссингтон-френч присоединилась к ним, заметив:

– Вы очень вымотались.

– Три сета, – сказала Фрэнки, – и все я проиграла.

– Вы играете очень хорошо, – сказал Роджер.

– Я ужасно ленива во всем, что связано с теннисом, – заявила Сильвия. – Надо как-нибудь пригласить Николсонов. Я бы с удовольствием сыграла гейм. Господи, что такое? – Сильвия перехватила взгляд, которым обменялись два других собеседника.

– Ничего, просто я только что говорил леди Фрэнсес о Николсонах.

– Вам лучше называть ее Фрэнки, как делаю я, – сказала Сильвия. – Ну не странно ли, право, стоит кому-то заговорить о человеке или о чем-то еще, как кто-то другой сразу делает то же самое.

– Значит, они канадцы? – спросила Фрэнки.

– Он-то да, это точно. А она, мне кажется, англичанка, но я не уверена. Она весьма симпатичная крошка, совершенно очаровательная, с огромными красивыми мечтательными глазами. Не знаю уж, почему, но мне представляется, что она не очень счастлива. Это, должно быть, тягостная жизнь.

– У него нечто вроде лечебницы, не так ли?

– Да, нервные больные и люди, принимающие наркотики. Он весьма преуспевает, я полагаю. Довольно впечатляющая личность.

– Он вам нравится?

– Нет, – резко сказала Сильвия, – не нравится. – Причем произнесла она это с жаром. Потом, немного погодя, повторила: – Совершенно не нравится.

Позже она указала Фрэнки на фотопортрет очаровательной большеглазой женщины, который стоял на пианино.

– Вот Мойра Николсон. Привлекательное лицо, правда? Оно прямо

поразило одного мужчину, который недавно приезжал сюда с нашими друзьями. По-моему, ему хотелось, чтобы его с ней познакомили. – Она засмеялась. – Я их приглашу завтра вечером на обед. Я хотела бы знать ваше мнение о нем.

– О нем?

– Да. Как я говорила, я его недолюбливаю, и, однако, с виду он весьма привлекательный мужчина.

Что-то в ее голосе заставило Фрэнки быстро посмотреть на нее, но Сильвия Бэссингтон-ффренч отвернулась и вынимала из вазы увядшие цветы.

«Надо собраться с мыслями, – подумала Фрэнки, вытаскивая гребень из своих густых темных волос, когда одевалась к обеду в тот вечер. – И, – решительно добавила она, – пора бы уже провести кое-какие эксперименты».

Так был или не был Роджер Бэссингтон-ффренч тем злодеем, за которого его принимали они с Бобби? Они сошлись во мнении, что, кто бы ни пытался убрать молодого человека, этот кто-то наверняка имел доступ к морфию. Что ж, в каком-то смысле это говорило не в пользу Роджера Бэссингтона-ффренча. Если его брат получал порции морфия по почте, Роджеру было бы нетрудно перехватить пакет и использовать его в собственных целях. Фрэнки взяла листок бумаги и написала:

Памятная записка. 1. Узнать, где Р. был 16-го, в день, когда отправили Б.

Она подумала и довольно ясно представила себе, как это сделать.

2. Достать фотографию погибшего и понаблюдать, будет ли какая-нибудь реакция. Отметить также, признает ли Р. Б-ф, что он был тогда в Марчболте.

Приняв второе решение, она слегка заволновалась. Ведь ей предстояло раскрыть карты. С другой стороны, трагедия произошла в ее округе, так что небрежное упоминание о ней было бы вполне естественно.

Фрэнки скомкала бумажку и сожгла ее.

За обедом ей более или менее непринужденно удалось заговорить о первом пункте программы.

– Вы знаете, – откровенно заявила она Роджеру, – я не могу избавиться от ощущения, что мы где-то уже встречались. Причем не очень давно. Случайно не на той ли вечеринке у леди Шейн в «Кларидже»? Это было шестнадцатого.

– Вряд ли это могло быть шестнадцатого, – быстро сказала Сильвия. – В тот день Роджер был здесь. Я помню, потому что мы устраивали детский

праздник, и я просто не знаю, что бы я делала без Роджера. – Она одарила деверя благодарным взглядом, и он улыбнулся в ответ.

– Вряд ли я встречал вас прежде, – сказал он Фрэнки и задумчиво добавил: – Я уверен, что если бы встречал, то запомнил бы это.

Как же такие слова ласкают слух!

«С первым пунктом ясно, – подумала Фрэнки. – В день, когда отравили Бобби, Роджера Бэссингтон-ффренча не было в Уэльсе».

Второй пункт всплыл сам собой чуть позже, Фрэнки завела разговор о поместьях, о скуке, им присущей, и об ажиотаже, какой вызывает любое происшествие местного масштаба.

– У нас в прошлом месяце человек упал с обрыва, – сказала она. – До того было интересно! Я пошла на дознание, сгорая от волнения, но все оказалось довольно скучно, право.

– Это случилось в местечке под названием Марчболт? – спросила вдруг Сильвия.

Фрэнки кивнула.

– Замок Деруэнт всего милях в семи от Марчболта, – пояснила она.

– Роджер, это, должно быть, тот самый человек! – вскричала Сильвия.

Фрэнки вопросительно посмотрела на Роджера.

– Я собственной персоной присутствовал при его смерти, – сказал он. – Я оставался с телом до прихода полиции.

– А я думала, там оставался один из сыновей викария, – проговорила Фрэнки.

– Ему пришлось уйти играть на органе или что-то такое, поэтому я его сменил.

– Вот удивительно, – сказала Фрэнки. – Я и впрямь слышала, что там был кто-то еще, но не знала фамилии. Значит, это вы?

Раздались возгласы: «Как интересно! Мир тесен, правда?» Фрэнки чувствовала, что прекрасно играет свою роль.

– Возможно, в Марчболте-то вы меня и видели, – предположил Роджер.

– Да нет, когда произошло это несчастье, меня там не было, – сказала Фрэнки. – Я приехала из Лондона дня через два. Вы были на дознании?

– Нет, наутро после трагедии я вернулся в Лондон.

– Он загорелся блажью купить там дом, – сказала Сильвия.

– Чистейший вздор, – подал голос Генри Бэссингтон-ффренч.

– А вот и нет, – добродушно возразил Роджер.

– Ты же прекрасно знаешь, Роджер, что, как только купишь его, тебя снова обуяет жажда странствий и ты опять укачишь за границу.

– О, но я же когда-нибудь остепенюсь, Сильвия.

– Когда это произойдет, тебе лучше будет поселиться где-нибудь неподалеку от нас, – сказала Сильвия, – а не уезжать в Уэльс.

Роджер рассмеялся, потом повернулся к Фрэнки:

– А что, это не какой-нибудь там несчастный случай? Может быть, самоубийство или еще что-то?

– О нет, дело было до тошноты ясное, и какие-то препротивнейшие родственники приехали и опознали труп. Похоже, погибший совершал в одиночку туристский поход. Весьма прискорбно, право, он был ужасно симпатичный. Вы видели его фотографию в газетах?

– По-моему, видела, – неуверенно ответила Сильвия, – но я не помню.

– У меня наверху есть вырезка из нашей местной газеты.

Фрэнки сгорала от нетерпения. Она сбегала наверх и, принеся вырезку, протянула ее Сильвии. Роджер подошел и заглянул через плечо свояченицы.

– Ну, разве не симпатичный? – спросила Фрэнки, будто школьница.

– Да, пожалуй, – согласилась Сильвия. – Он очень похож на того мужчину, Алана Карстэrsa, ты не находишь? По-моему, я так и сказала тогда.

– Да, здесь он действительно похож, – согласился Роджер. – Но на самом деле, ты знаешь, особого сходства не было.

– По фотографиям в газетах нельзя судить, правда? – сказала Сильвия, возвращая вырезку.

Фрэнки согласилась, что нельзя, и разговор перешел на другие темы.

Фрэнки легла спать, не придя ни к каким выводам. Все вроде бы реагировали совершенно естественно. И то, что Роджер подыскивал дом, ни для кого не было тайной.

Единственное, что ей удалось, так это узнать имя: Алан Карстэрс.

Глава 14

ДОКТОР НИКОЛСОН

Наутро Фрэнки всерьез принялась за Сильвию. Началом штурма стала небрежно брошенная фраза:

– Тот человек, о котором вы упомянули вчера вечером... как бишь его, Алан Карстэрс, да? Я уверена, что где-то уже слышала это имя.

– Осмелюсь заметить, что наверняка слышали. По-моему, он в некотором роде знаменитость. Он канадец, естествоиспытатель, охотник на крупную дичь и исследователь. Я-то его толком не знаю. Наши друзья, Ривингтоны, как-то привели его к нам на завтрак. Весьма привлекательный мужчина, огромный, весь бронзовый, с красивыми синими глазами.

– Я была уверена, что слышала о нем.

– По-моему, прежде он никогда не бывал в Англии. В прошлом году он предпринял путешествие с миллионером Джоном Сэвиджем, с тем, который считал, что у него рак, и трагически покончил с собой. Карстэрс объездил весь свет: Восточная Африка, Южная Америка, короче говоря, насколько я знаю, побывал везде.

– Похоже, настоящий искатель приключений.

– О да, так оно и есть. Определенно привлекательная личность.

– Странно, что он так похож на человека, который сорвался с утеса в Марчболте, – заметила Фрэнки.

– Вероятно, у каждого из нас есть двойник.

Из осторожности Фрэнки больше не заговаривала об Алане Карстэрсе. Проявляя слишком большой интерес к нему, она рисковала погубить все дело. Но она понимала, что продвигается вперед. Фрэнки была убеждена, что жертвой трагедии на утесе в Марчболте стал именно Алан Карстэрс. Он подходил по всем статьям. У него не было близких друзей или родственников в Англии, и вряд ли его исчезновение скоро заметят. Человека, который частенько отправлялся в Восточную Африку или Южную Америку, сразу не хватятся. Более того, от Фрэнки не укрылось, что, несмотря на замечание Сильвии о сходстве с газетной фотографией, ей даже и в голову не пришло, что это на самом деле он.

Довольно интересный психологический момент, подумала девушка. Нам трудно представить, что героями газетных новостей могут быть те люди, которых мы встречаем в обыденной жизни. Ну что ж, очень хорошо.

Умерший – Алан Карстэрс. Теперь надо побольше разузнать о нем. Итак, знакомство с семейством Бэссингтон-ффренч было шапочным: его совершенно случайно привели в дом друзья. Как их фамилия? Ривингтон. Фрэнки запомнила ее на будущее, ибо это, разумеется, была возможная линия расследования. Но лучше не торопиться. Справки об Алане Карстэрсе надо наводить осторожно. «Не хватало еще, чтобы меня отравили или огрели по голове, – подумала Фрэнки, скорчив гримасу. – Они же практически ни за что готовы были кокнуть Бобби...» Ее мысли бумерангом вернулись к той мучительной фразе, с которой все и началось. Эванс! Кто же такой этот Эванс? При чем он здесь?

Банда торговцев наркотиками, решила Фрэнки. Может быть, какой-нибудь родственник Карстэрса пал ее жертвой, и он решил ее разгромить. Возможно, с этой целью он и прибыл в Англию. Эванс мог быть членом банды, отошедшим от дел и поселившимся в Уэльсе. Карстэрс подкупил Эванса, чтобы тот выдал остальных, Эванс согласился, и Карстэрс поехал к нему, а кто-то выследил его и убил. Неужели этот кто-то и был Роджер Бэссингтон-ффренч? Это казалось маловероятным. Вот Кеймены, по представлениям Фрэнки, куда больше смахивали на дельцов наркомафии. Но... фотография. Если б только можно было связно объяснить ее загадку.

В тот вечер к обеду ждали доктора Николсона с женой. Фрэнки кончала переодеваться, когда услышала, как к парадной двери подъехала машина. Она выглянула в окно. Из темно-синего «Тэлбота» вылезал высокий мужчина. Фрэнки в раздумье отошла от окна.

Карстэрс был канадцем. Доктор Николсон тоже. И у доктора Николсона темно-синий «Тэлбот». Нелепо, разумеется, делать на этом основании какие-то выводы, но поразмыслить есть о чем.

Доктор Николсон был крупным мужчиной и держался как человек большой силы воли. Говорил он неторопливо и очень мало, но как-то умудрялся придавать значение каждому своему слову. Он носил очки с толстыми стеклами, за которыми задумчиво поблескивали светло-голубые глаза.

Жена его оказалась худеньким созданием лет двадцати семи. Симпатичная, даже красивая, она, как показалось Фрэнки, слегка нервничала и без умолку болтала, будто желая это скрыть.

– Я слышал, леди Фрэнсес, что вы попали в аварию, – сказал доктор Николсон, усаживаясь рядом с Фрэнки за обеденный стол.

Фрэнки объяснила, как все произошло. Ей самой было интересно, почему она при этом так нервничает, ведь манеры доктора были просты, он проявлял к ней живой интерес. Почему же она чувствует себя так, будто

оправдывается перед ним? Ведь ей не предъявляли никакого обвинения. И есть ли у доктора причины не верить, что с ней и правда произошел несчастный случай?

– Надо же, – молвил он, когда Фрэнки кончила свой рассказ, – бывает ведь такое. Но вы, похоже, уже вполне оправились?

– Мы отказываемся это признавать, – заявила Сильвия, – и оставляем ее у себя.

Доктор перевел взгляд на хозяйку. На его губах заиграла едва заметная улыбка, но тут же угасла.

– На вашем месте я бы тоже держал ее при себе как можно дольше, – серьезно сказал он.

Фрэнки сидела между хозяином и доктором Николсоном. Генри Бэссингтон-фрэнч был в этот вечер явно не в ударе. Руки у него подрагивали, он почти ничего не ел и не принимал участия в разговоре. Миссис Николсон, сидевшей напротив, было нелегко общаться с ним, и она с явным облегчением повернулась к Роджеру. Она рассеянно беседовала с ним, но при этом, как заметила Фрэнки, почти не отводила глаз от лица мужа.

Доктор Николсон рассуждал о жизни в деревне:

– Вы знаете, что такое культура, леди Фрэнсес?

– Вы имеете в виду начитанность? – спросила изрядно озадаченная Фрэнки.

– Нет-нет, я имел в виду бактерии. Они развиваются, как вы знаете, в специально подготовленной сыворотке. Сельская местность, леди Фрэнсес, немного похожа на такую сыворотку. Тут есть все: время, место, сколько угодно досуга. В высшей степени подходящие условия для развития микробов.

– Вы имеете в виду что-то плохое? – растерялась Фрэнки.

– А это уж, леди Фрэнсес, зависит от того, какой микроб культивируется.

«Идиотский разговор, – подумала Фрэнки, – но с чего вдруг меня должно бросать в дрожь? А вот поди ж ты, бросает ведь!»

– Вероятно, – дерзко сказала она, – во мне развиваются какие-то темные стороны души.

Доктор взглянул на нее и спокойно ответил:

– О нет, я так не думаю, леди Фрэнсес. Я думаю, вы всегда будете на стороне закона и порядка.

Неужели он сделал легкое ударение на слове «закон»? И вдруг сидевшая напротив миссис Николсон сказала:

– Мой муж гордится умением определять характер человека.

Доктор Николсон слегка склонил голову.

– Верно, Мойра. Меня интересуют мелочи. – Он снова повернулся к Фрэнки: – Вы знаете, я уже слышал о вашей аварии. Одна вещь меня особенно заинтриговала.

– Да?! – воскликнула Фрэнки. Ее сердце бешено заколотилось.

– Тот врач, который проезжал мимо и принес вас сюда.

– Да?

– Должно быть, он весьма странный тип: сначала развернул машину и только потом бросился на помощь.

– Не понимаю.

– Разумеется. Вы же были без сознания. Но юный Ривз, мальчишка-рассыльный, ехал на велосипеде из Стейверли, и его не обгоняла ни одна машина. Тем не менее он, выехав из-за угла и увидев аварию, заметил, что машина врача стоит носом по ходу его движения, то есть к Лондону. Понимаете разницу? Этот врач приехал не из Стейверли, стало быть, он приехал с другой стороны, спустившись с холма. Но в таком случае его машина должна была бы стоять передком к Стейверли, а это было не так. Выходит, он развернулся.

– Если только он не приехал из Стейверли раньше, – сказала Фрэнки.

– Тогда его машина должна была стоять там, когда вы спускались с холма. А она там стояла? – Бледно-голубые глаза неотрывно смотрели на Фрэнки сквозь толстые стекла.

– Не помню, – сказала она. – Не думаю.

– Ты прямо как сыщик, Джаспер, – сказала миссис Николсон. – И все из-за какого-то пустяка.

– Мелочи интересуют меня, – повторил доктор Николсон. Он повернулся к хозяйке дома, и Фрэнки облегченно вздохнула.

Почему он ее так допрашивал? Откуда он узнал все об аварии? «Меня интересуют мелочи», – заявил он. Неужели дело только в этом? Фрэнки вспомнила темно-синий «Тэлбот» с закрытым кузовом, вспомнила, что Карстэрс был канадцем. Ей подумалось, что доктор Николсон – зловещая личность. После обеда она старалась держаться от него подальше, присоединившись к нежной и хрупкой миссис Николсон. Она заметила, что глаза миссис Николсон по-прежнему следят за мужем. Что это, подумала Фрэнки, любовь или страх?

Николсон беседовал с Сильвией, а в половине одиннадцатого он перехватил взгляд жены, и они встали.

– Ну, – сказал Роджер после их ухода, – что вы думаете о нашем

докторе Николсоне? Довольно сильная личность, правда?

– Я разделяю мнение Сильвии, – отвечала Фрэнки. – Не скажу, чтобы он мне очень понравился. Его жена мне больше по душе.

– Смазливая, но дурочка, – заявил Роджер. – Она либо обожает его, либо до смерти боится. Одно из двух, но что – не пойму.

– Мне это тоже пришло в голову, – согласилась Фрэнки.

– Он мне не нравится, – сказала Сильвия, – но я должна признать, что в нем много... много силы. По-моему, он удивительно хорошо лечит наркоманов. Людей, родственники которых совершенно отчаялись. Они приходят туда с последней надеждой, а уходят совсем здоровыми.

– Да? – вскричал вдруг Генри Бэссингтон-френч. – А знаешь ли ты, что там творится? Знаешь ли об ужасных страданиях и муках разума? Человек привык к наркотику, а ему закрывают доступ к зелью, держат так, пока он не сходит с ума и не начинает биться головой о стену. Вот что он делает, ваш «сильный» доктор, мучает людей, истязает их, отправляет в ад, сводит с ума...

Он резко повернулся и, дрожа, вышел вон. Сильвия заметно испугалась.

– Что с Генри? – удивленно спросила она. – По-моему, он очень расстроен.

Фрэнки и Роджер не смели взглянуть друг на друга.

– Он весь вечер выглядел неважно, – рискнула заметить Фрэнки.

– Да, я видела. Последнее время он очень угрюм. Жаль, что он бросил верховую езду. Ах да, кстати, доктор Николсон пригласил Томми на завтра к себе, но мне не хочется, чтобы он слишком часто ходил туда. Все эти нервные чудаки и наркоманы...

– Думаю, доктор не даст Томми общаться с ними, – сказал Роджер. – По-моему, он очень любит детей.

– Да, наверное. Он очень удручен собственной бездетностью. По-моему, и Мойра тоже. Она кажется такой грустной и ужасно ранимой.

– Она похожа на скорбящую мадонну, – сказала Фрэнки.

– Да, это очень точное определение.

– Если доктор Николсон так любит детей, то, я полагаю, он посетил ваш детский праздник? – небрежно спросила Фрэнки.

– К сожалению, как раз тогда он куда-то уехал на день или два. По-моему, ему пришлось отправиться в Лондон на какую-то конференцию.

– Понятно.

Они отправились спать. Прежде чем заснуть, Фрэнки написала Бобби.

Глава 15

ОТКРЫТИЕ

Бобби маялся от скуки. Вынужденная праздность утомляла его сверх всякой меры. Сидеть в Лондоне и ничего не делать – ну что может быть мерзопакостнее? Джордж Арбатнот позвонил ему по телефону и кратко сообщил, что все прошло хорошо. Пару дней спустя он получил письмо от Фрэнки, доставленное ее служанкой из лондонской резиденции лорда Марчингтона. С тех пор никаких вестей больше не было.

– Тебе письмо! – вдруг крикнул Бэджер. Бобби с волнением шагнул к нему, но адрес на конверте был написан рукой отца, и на нем стоял штемпель Марчболта. Однако в тот же миг Бобби заметил ладненькую фигурку в черном платье. Вдоль гаражей шагала служанка Фрэнки. Пять минут спустя он уже вскрывал второе письмо – девушки.

«Дорогой Бобби, – писала Фрэнки, – я думаю, тебе уже почти пора приезжать. Я распорядилась дома, чтобы тебе выдали «Бентли» по первому требованию. Купи шоферскую ливрею (наши всегда темно-зеленые), запиши ее на счет отца в универмаге «Хэрродз». Досконально продумай мелочи. С усами уж не подкачай: они жуть как меняют облик человека.

Приезжай сюда и спроси меня. Можешь привезти мне какую-нибудь «записку» от предка. Сообщи, что машина теперь снова на ходу. В здешнем гараже помещаются только две машины, а поскольку он уже занят семейным «Даймлером» и кабриолетом Роджера Бэссингтон-ффренча, больше в него, к счастью, поставить ничего нельзя, и ты поедешь в Стейверли и остановишься там.

Постарайся собрать там сведения, какие сможешь. Особенно о некоем докторе Николсоне, который заправляет наркологической лечебницей. Тут есть несколько подозрительных обстоятельств. У него темно-синий «Тэлбот» с закрытым кузовом, его не было дома 16-го, когда тебе в пиво добавили наркотик, и он проявляет чрезмерный интерес к обстоятельствам моей аварии.

Кажется, я установила личность погибшего!

О’ревуар, мой соищейка. Остаюсь с любовью к тебе и успешно полученным сотрясением мозга, твоя Фрэнки. P.S. Письмо опущу сама».

Настроение у Бобби мгновенно поднялось. Сбросив комбинезон и сообщив Бэджеру, что должен немедленно уехать, он уже в спешке

собирался уходить, когда вдруг вспомнил, что еще не вскрыл письмо отца. Он прочел его без видимого воодушевления, поскольку письмо было написано скорее из чувства долга, нежели от желания порадовать, и дышало христианским смирением, которое всегда нестерпимо угнетало. Викарий добросовестно перечислял марчболтские новости, сетовал на неурядицы с органистом и недостойное христианина поведение одного из церковных старост. Писал что-то о книжных переплетах, выражал надежду, что Бобби держится на своей работе и старается преуспеть, как пристало мужчине, и оставался любящим отцом. В конце была приписка: «Кстати, заходил какой-то человек и просил твой лондонский адрес. Меня тогда не оказалось дома, а фамилии он не оставил. Миссис Робертс описывает его как высокого сутулого джентльмена в пенсне. Он, видимо, огорчился, не застав тебя, и ему очень хотелось снова увидеть тебя».

Высокий сутулый человек в пенсне. Бобби перебрал в уме всех своих знакомых, но не мог вспомнить, кто из них подходил под это описание. И вдруг в голову ему закралось подозрение: неужели это предвестник нового покушения на его жизнь? Неужели эти загадочные враги, или враг, пытаются выследить его? Он призадумался. Кто бы ни были эти люди, они только что узнали о его отъезде из графства. И миссис Робертс по неведению простодушно дала им его адрес. Так что они, возможно, уже следят за этим домом. Если он выйдет на улицу, за ним может увязаться «хвост»... Нет, это никуда не годится, особенно сейчас.

– Бэджер, – сказал Бобби.

– Да, старина?

– Поди сюда.

Следующие пять минут они трудились в поте лица. А через десять минут Бэджер уже мог оттараторить назубок все указания Бобби. Добившись от него точного дословного повторения без единой ошибки, Бобби сел в двухместный «Фиат» 1902 года выпуска и стремительно помчался вдоль гаражей. Он поставил «Фиат» на площади Святого Якова и пошел оттуда прямо в свой клуб. Он позвонил по телефону, и два часа спустя ему доставили несколько свертков. Наконец, примерно в половине четвертого на площадь Святого Якова прибыл усатый шофер в темно-зеленой ливрее и быстро подошел к большому «Бентли», припаркованному там полчасом раньше. Сторож на стоянке кивнул ему. Джентльмен, оставивший машину, с легким заиканием сказал, что его шофер вскоре ее заберет.

Бобби выжал сцепление и осторожно выехал со стоянки. Брошенный скромный «Фиат» остался ждать своего владельца. Бобби уже начинало

нравиться его новое обличье, хотя верхняя губа еще зудела. Он направился на север, и вскоре мощная машина мчала его по Большой Северной магистрали. Это была всего лишь предосторожность. Вообще-то Бобби был уверен, что за ним не следят. Вскоре он свернул налево и, сделав крюк, направился в Хэмпшир.

Вскоре после чая «Бентли», урча мотором, подъехал по аллее к Мерроуэй-Корту. За рулем сидел важный и корректный шофер.

– Ага, – небрежно сказала Фрэнки, – машина подана. – Она вышла из парадной двери.

Сильвия с Роджером сопровождали ее.

– Все в порядке, Хоскинс?

Шофер поднес ладонь к козырьку.

– Да, миледи. Ее капитально отремонтировали.

– Вот и хорошо.

Шофер достал какую-то бумажку.

– От его светлости, миледи.

Фрэнки взяла листок.

– Вы остановитесь в... как это... в «Энглес-Армз» в Стейверли, Хоскинс. Утром я позвоню, если машина мне понадобится.

– Слушаюсь, ваша светлость. – Бобби подал машину назад, развернулся и помчался по аллее.

– Мне так жаль, что у нас тут нет места, – сказала Сильвия. – Славная машина.

– На ней можно развить неплохую скорость, – заметил Роджер.

– Я и развиваю, – призналась Фрэнки. Она с удовольствием отметила, что Роджер, судя по выражению лица, не узнал Бобби. Фрэнки удивилась бы, будь иначе. Она и сама прошла бы мимо, попадись он ей где-нибудь случайно. Маленькие усики выглядели совершенно естественно, придавая Бобби несвойственный ему чопорный вид, а шоферская ливрея довершала камуфляж. Голос тоже звучал отменно и ничуть не похоже на собственный голос Бобби. Фрэнки решила, что недооценивала его способности.

Тем временем Бобби устроился в «Энглес-Армз». Ему предстояло сыграть роль Эдварда Хоскинса, шофера леди Фрэнсес Деруэнт, но Бобби практически не знал, как ведут себя шоферы в свободное от работы время. Однако он считал, что немного высокомерия ему не повредит. Он всячески напускал на себя надменный вид и держался соответствующим образом. Восхищение молоденьких горничных явно сослужило ему добрую службу, и вскоре Бобби узнал, что Фрэнки с ее аварией стала в Стейверли главным предметом пересудов. В разговоре с хозяином, тучным добродушным

человеком по имени Томас Эскью, Бобби якобы ненароком и сам кое-что сболтнул.

– Юный Ривз был там и видел, как это случилось, – заявил мистер Эскью. Бобби возблагодарил господ за то, что дети так любят приврать. Теперь «авария» подтверждена свидетельством «очевидца». – Он уж думал, что настал его последний час, право слово, – продолжал мистер Эскью. – Машина неслась под гору прямо на него, но миновала парня и ударилась в стену. Просто чудо, что молодая леди не убила насмерть.

– Ее светлость – дама живучая, – заявил Бобби.

– Это у нее не первая авария, правда?

– Ей везло, – сказал Бобби. – Но уверяю вас, мистер Эскью, когда ее светлость садится за баранку вместо меня, я всякий раз думаю, что настал мой последний час.

Несколько человек, присутствовавших при этой беседе, глубокомысленно покачали головами, как бы говоря: «Ничего удивительного, любой бы так подумал».

– У вас тут славно, мистер Эскью, – великодушно и снисходительно сказал Бобби. – Славно и уютно.

Мистер Эскью поблагодарил.

– Мерроуэй-Корт – единственное большое поместье в округе? – спросил Бобби.

– Ну, есть еще Грейндж, мистер Хоскинс. Правда, его-то поместьем не назовешь: там не живет никакой род. Грейндж пустовал много лет, покуда туда не вселился этот американский врач.

– Американский врач?

– Ну да. Его фамилия Николсон. И если хотите знать мое мнение, мистер Хоскинс, странные там творятся дела.

При этом буфетчица заметила, что при виде доктора Николсона ее мороз по коже продирает.

– Странные дела, мистер Эскью? – переспросил Бобби. – Ну-ка, ну-ка, что это вы имеете в виду?

Мистер Эскью угрюмо покачал головой.

– Кое-кто живет там не по своей воле. Их упрятали туда родственнички. Послушали бы вы, какие оттуда доносятся вопли и стоны, мистер Хоскинс!

– Куда же смотрит полиция?

– Считается, что так и надо. Нервные больные и все такое прочее, понимаете? Полоумные, которые еще не совсем свихнулись. Доктор – джентльмен, а стало быть, все в порядке, но... – Тут хозяин приложился к

пинтовой кружке с пивом, его лицо почти полностью исчезло в ней. Наконец он вынырнул, с сомнением качая головой.

– Да, знать бы, что творится в таких заведениях... – раздумчиво сказал Бобби и тоже приложился к оловянной кружке.

Тут живо заверещала буфетчица:

– Вот и я о том же, мистер Хоскинс. Что там происходит? Господи, да однажды ночью оттуда сбежала какая-то несчастная молодка в ночной сорочке. А доктор и две-три сиделки искали ее. «Ах, не отдавайте меня им обратно!» Вот что она кричала. Такое жалкое зрелище. А ведь она богатая, на самом деле это родственники упрятали ее туда. Забрать-то они ее забрали, и доктор еще объяснил, что у нее мания преследования – так он это называл. Вроде как думала, что все хотят ей насолить. И я частенько задумывалась, да, частенько. Я частенько задумывалась...

– Эх! – вздохнул мистер Эскью. – Говорить-то легко...

Кто-то из присутствующих заметил, что жизнь в такого рода заведениях – тайна за семью печатями, а еще кто-то сказал, что это истинная правда. Наконец диспут завершился, и Бобби объявил, что пойдет прогуляться на сон грядущий.

Грейндж, как ему было известно, находился далеко от Мерроуэй-Корта, на противоположном краю деревни. Туда он и направил свои стопы. Услышанное сегодня вечером показалось ему достойным внимания. Разумеется, далеко не все деревенские жители с предубеждением относятся к вновь прибывшим, особенно когда те чужестранцы. Если Николсон держит наркологическую лечебницу, оттуда, разумеется, будут доноситься и крики, и стоны. И ничего зловещего в этом нет. Тем не менее после рассказа о молодой беглянке Бобби было не по себе. А что, если Грейндж – заведение, где людей держат вопреки их воле, набрав для камуфляжа некоторое число настоящих больных?

Размышляя об этом, Бобби приблизился к высокой ограде с коваными железными воротами. Подойдя к ним, он легонько потянул одну створку. Ворота оказались на замке. Что ж, почему бы и нет? И все же прикосновение к этим запертым воротам наполнило его ощущением чего-то зловещего. Этот дом слишком смахивал на тюрьму.

Бобби прошагал чуть дальше по дороге, прикидывая на глаз высоту стены. Можно ли перелезть через нее? В гладкой и высокой стене не было никаких выбоин. Он покачал головой, но вдруг наткнулся на маленькую калитку и без особой надежды попробовал открыть ее. К его удивлению, она не была заперта и подалась.

«Тут они недоглядели», – с усмешкой подумал Бобби и шагнул внутрь,

прикрыв за собой калитку. Он оказался на дорожке, петлявшей в каком-то кустарнике, и пошел по ней. Дорожка была извилистой, и Бобби вспомнилась тропинка из «Алисы в Зазеркалье».

Вдруг дорожка круто свернула и как-то разом вывела его на лужайку перед домом. Ночь была лунная, и лужайку заливал свет. Бобби не успел остановиться и очутился на виду. В тот же миг из-за угла дома показалась женщина. Она ступала очень тихо, озираясь по сторонам, и держалась настороженно, будто затравленное животное. Внезапно она остановилась и принялась раскачиваться из стороны в сторону, словно вот-вот упадет.

Бобби подбежал и подхватил ее. У девушки были белые губы, и молодому человеку показалось, что он впервые видит на человеческом лице выражение такого ужаса.

– Все в порядке, – успокаивающе сказал он, стараясь говорить как можно тише. – Все в полном порядке.

Девушка слабо застонала, полуприкрыв веки.

– Мне так страшно, – пробормотала она. – Как же страшно.

– Что случилось? – спросил Бобби.

Девушка лишь покачала головой и тихо повторила:

– Мне так страшно. Как же страшно.

Вдруг до них донесся какой-то звук. Девушка резко выпрямилась и бросилась прочь, но потом повернулась к Бобби.

– Уходите, – сказала она. – Немедленно уходите.

– Я хочу помочь вам, – возразил Бобби.

– Правда? – Она окинула его долгим пытливым и до странности трогательным взглядом. Казалось, она хочет проникнуть к нему в душу. Потом девушка покачала головой. – Никто не может мне помочь.

– Я могу, – сказал Бобби. – Я сделаю что угодно. Вы только скажите, что вас так пугает.

Она снова покачала головой.

– Не сейчас. Ах, скорее, они идут! Вы не сможете мне помочь, если сейчас же не уйдете. Немедленно, немедленно!

Бобби уступил ее настойчивости.

– Я остановился в «Энглес-Армз», – прошептал он и снова скрылся в кустах, отступив на тропинку. Напоследок он лишь успел оглянуться, чтобы увидеть ее отчаянный подгоняющий жест.

Внезапно впереди послышался звук шагов. Кто-то приближался со стороны калитки. Бобби живо нырнул в кусты. Он не ошибся: по тропинке шагал мужчина. Он прошел совсем рядом с Бобби, но впотьмах молодой человек не разглядел его лица. Дождавшись, пока мужчина пройдет мимо,

Бобби возобновил отступление. Он чувствовал, что в тот вечер больше ничего сделать не сможет, но у него и так уже голова шла кругом. Ведь он узнал эту девушку. Именно она была запечатлена на загадочно исчезнувшей фотографии. В этом не было ни малейшего сомнения.

Глава 16

БОББИ СТАНОВИТСЯ СТЯПЧИМ

– Мистер Хоскинс?

– Да? – невнятно откликнулся Бобби, поскольку рот у него был набит яичницей с ветчиной.

– Вас к телефону.

Бобби поспешно проглотил кофе, вытер губы и встал. Телефон находился в темном коридорчике. Молодой человек взял трубку.

– Привет, – раздался голос Фрэнки.

– Привет, Фрэнки, – неосторожно ответил Бобби.

– Говорит леди Фрэнсес Деруэнт, – холодно произнес голос. – Это Хоскинс?

– Да, миледи.

– К десяти часам мне понадобится машина, чтобы поехать в Лондон.

– Очень хорошо, ваша светлость. – Бобби положил трубку.

«Когда надо говорить «миледи», а когда – «ваша светлость»? – размышлял он. – Мне бы следовало это знать, а я не знаю. На таком вот пустяке настоящий шофер или дворецкий запросто меня поймает».

Фрэнки повесила трубку и повернулась к Роджеру Бэссингтон-френчу.

– Такая незадача, – небрежно бросила она. – Надо ехать в Лондон именно сегодня. И все из-за суетливости отца.

– Но вы ведь вернетесь к вечеру? – спросил Роджер.

– О да!

– Я уже хотел было просить вас подбросить меня до города, – небрежно сказал Роджер.

Фрэнки замялась на какую-то долю секунды, потом с деланой готовностью ответила:

– Разумеется, почему бы и нет?

– Однако, поразмыслив, я решил сегодня не ездить, – продолжал Роджер. – Генри выглядит еще более странно, чем обычно. Мне почему-то не хочется оставлять Сильвию наедине с ним.

– Понимаю, – сказала Фрэнки.

– Вы сами поведете машину? – обыденным тоном спросил Роджер, когда они отошли от телефона.

– Да, но я прихвачу Хоскинса. Ко всему прочему мне надо еще сделать кое-какие покупки, а это не очень удобно, когда ты сама за рулем: нельзя оставить машину где душе угодно.

– Да, разумеется.

Больше он ничего не сказал, но, когда подкатила машина, ведомая чопорным и вышколенным Бобби, Роджер вышел на крыльцо проводить Фрэнки.

– До свидания, – сказала она. Ей как-то не пришло в голову подать ему руку, но Роджер сам взял ее ладонь и задержал в своей.

– Ведь вы вернетесь? – с непонятной настойчивостью спросил он.

– Да, разумеется. Я хотела сказать: до свидания вечером.

– Смотрите, не попадите опять в аварию.

– Если хотите, машину поведет Хоскинс.

Она села рядом с Бобби, который приложил ладонь к козырьку. Машина покатила по аллее. Роджер стоял на крыльце, глядя ей вслед.

– Бобби, – сказала Фрэнки, – как ты думаешь, может ли Роджер влюбиться в меня?

– А он что, влюбился? – спросил Бобби.

– Ну, я просто хотела бы знать.

– Я полагаю, тебе хорошо известны признаки такого состояния, – сказал Бобби, но ответ прозвучал как-то рассеянно.

Фрэнки бросила на него быстрый взгляд.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Да, случилось. Я нашел девушку с фотографии.

– Ты имеешь в виду ту... ту, о которой ты столько говорил? Ту, чей снимок был в кармане покойника?

– Да.

– Бобби, у меня есть что тебе рассказать, но ты меня переплюнул! Где ты ее отыскал?

Бобби кивком указал через плечо:

– В лечебнице доктора Николсона.

– Расскажи.

Бобби неторопливо и обстоятельно изложил события прошлого вечера. Фрэнки слушала затаив дыхание.

– Значит, мы на верном пути, – сказала она, – и доктор Николсон во всем этом замешан! Бобби, я боюсь этого человека.

– Что он собой представляет?

– Здоровенная громадина. И он все время следит за тобой сквозь очки. И возникает ощущение, что он видит тебя насквозь.

– Когда ты с ним познакомилась?

– Он приходил обедать.

Она рассказала об обеде и о настойчивости, с какой доктор выпрашивал у нее подробности аварии.

– Я почувствовала, что он меня подозревает, – закончила она.

– Разумеется, странно, что он так копался в подробностях, – согласился Бобби. – Как по-твоему, что лежит в основе этого дела?

– Ну, я начинаю склоняться к мысли, что ты был недалек от истины, когда предположил, что тут орудует банда торговцев наркотиками. Зря я с таким пренебрежением отмахнулась от твоей догадки.

– И доктор Николсон – главарь?

– Да. Лечебница – очень удачное прикрытие для подобного рода делишек. Наркотики можно доставлять сюда на вполне законном основании. Под видом лечения наркоманов доктор мог бы снабжать их зельем.

– Это представляется вполне вероятным, – согласился Бобби.

– Я еще не рассказала тебе о Генри Бэссингтон-ффренче.

Бобби внимательно выслушал повествование о странностях хозяина дома.

– А его жена ничего не подозревает?

– Уверена, что нет.

– Она умная женщина?

– Я как-то даже и не задумывалась. Нет, пожалуй, не очень. И, однако, в некоторых вещах она кажется весьма проницательной. Милая искренняя женщина.

– А наш Бэссингтон-ффренч?

– Тут я в растерянности, – медленно сказала Фрэнки. – Как ты думаешь, Бобби, мы могли быть совсем уж не правы на его счет?

– Вздор, – сказал Бобби. – Мы во всем разобрались и решили, что он – единственный возможный исполнитель этого злодеяния.

– Из-за фотографии?

– Из-за фотографии. Больше никто не мог заменить ее другой.

– Я знаю, – сказала Фрэнки, – но это единственное, что у нас есть против него.

– Этого за глаза хватит.

– Пожалуй, да, и все же...

– Ну?

– Не знаю... Я вроде как нутром чую, что он невиновен и никак не причастен к этому делу.

Бобби смерил ее холодным взглядом.

– Так кто в кого влюбился? – сдержанно спросил он.

Фрэнки зарделась.

– Не глупи, Бобби. Я просто думаю, нельзя ли найти какое-то невинное объяснение...

– Непонятно, откуда ему взяться, особенно теперь, когда мы нашли здесь эту самую девушку. По-моему, все ясно. Если б еще угадать, кто был погибший...

– О, но я же это узнала. Я ведь так и написала тебе. Я почти уверена, что погибшего звали Алан Карстэрс.

И она снова принялась рассказывать.

– Ты знаешь, – сказал Бобби, – мы действительно продвигаемся. Теперь надо попробовать более или менее точно воссоздать картину преступления. Давай разложим все факты по полочкам и поглядим, что можно сделать. – Он замолчал, и машина, как бы из солидарности, сбавила ход. Потом Бобби снова надавил на акселератор и одновременно заговорил: – Во-первых, допустим, что ты права относительно Алана Карстэрса. Он, безусловно, подходит по всем статьям. Он вел бродячую жизнь, у него было очень мало друзей и знакомых в Англии, и в случае исчезновения вряд ли его хватились бы и стали искать. С этим ясно, идем дальше. Алан Карстэрс приезжает в Стейверли с этими людьми – как, ты сказала, их фамилия?

– Ривингтон. Это возможный путь расследования. По правде говоря, я думаю, надо попробовать пойти по нему.

– Мы и попробуем. Так вот, Карстэрс приезжает в Стейверли с Ривингтонами. Это наводит тебя на какую-нибудь мысль?

– Ты хочешь сказать, что он мог вынудить их привезти его сюда?

– Вот именно. Или это простая случайность? Они привезли его сюда, а он совершенно случайно, как и я, наткнулся на эту девушку? Я полагаю, он знал ее раньше, иначе у него не было бы ее фотографии.

– Либо, – задумчиво сказала Фрэнки, – он уже напал на след Николсона и его банды.

– И использовал Ривингтонов, чтобы попасть в эти края, не возбуждая подозрений.

– Это довольно резонная версия, – сказала Фрэнки. – Он вполне мог напасть на след банды.

– Или же на след девушки.

– Девушки?

– Да. Возможно, ее похитили, и он мог приехать в Англию искать ее.

– Но если он выследил ее до Стейверли, с какой стати ему отправляться в Уэльс?

– Очевидно, мы еще многого не знаем, – сказал Бобби.

– Эванс, – задумчиво произнесла Фрэнки. – Мы совершенно не имеем понятия, кто это. Наверное, разгадку той части дела, которая связана с Эвансом, надо искать в Уэльсе.

Они замолчали. Потом Фрэнки вдруг очнулась от раздумий и огляделась вокруг.

– Боже мой, мы уже добрались до Патни-Хилл, а кажется, прошло каких-то пять минут. Куда мы едем и что будем делать?

– Это уж тебе решать. Я ведь даже не знаю, зачем мы приехали в город.

– Это всего лишь предлог для разговора с тобой. Я же не могла рисковать, гуляя по переулкам Стейверли и серьезно беседуя с собственным шофером. Я сделала вид, будто получила письмо от отца и мне надо ехать в город. Но все едва не сорвалось, когда Бэссингтон-френч захотел увязаться за нами.

– Этого еще не хватало!

– Да ладно, мы высадили бы его, где ему надо, а сами поехали бы на Брук-стрит и поболтали там. Я думаю, нам и сейчас следует это сделать. Твой гараж, возможно, под наблюдением.

Бобби согласился и рассказал ей, как кто-то интересовался им в Марчболте.

– Мы поедem в городскую резиденцию Деруэнтов, – сказала Фрэнки. – Там никого нет, кроме моей служанки и двух-трех сторожей.

Они покатили на Брук-стрит. Фрэнки позвонила, ей открыли, и Бобби остался на улице. Вскоре Фрэнки снова открыла дверь и позвала его. Они поднялись по лестнице в просторную гостиную и задернули шторы.

– Забыла тебе сказать, – спохватилась Фрэнки. – Шестнадцатого, когда тебя отравили, Бэссингтон-френч сидел в Стейверли, зато доктор Николсон был в отъезде, якобы на какой-то конференции в Лондоне. А у него темно-синий «Тэлбот».

– И у него есть доступ к морфию, – сказал Бобби.

Они многозначительно переглянулись.

– Я полагаю, это не доказательство, – сказал Бобби, – но все сходится как нельзя лучше.

Фрэнки отошла к маленькому столику и вернулась со справочником «Кто есть кто».

– Что ты собираешься делать?

– Искать фамилию Ривингтон. – Она быстро перелистала страницы. – А. Ривингтон и сыновья, строители; В. А. Ч. Ривингтон, хирург-стоматолог; Д. Ривингтон, летчик-истребитель. Пожалуй, нет. Мисс Флоренс Ривингтон. Полковник Г. Ривингтон, орден за отличную службу – уже больше похоже. Тайт-стрит, Челси. – Она продолжала поиски. – Есть еще М. Р. Ривингтон, Онслоу-сквер. Возможно, он. И есть еще Вильям Ривингтон из Хэмпстеда. Я думаю, наиболее вероятные – это Онслоу-сквер и Тайт-стрит. Ривингтонов, Бобби, надо повидать незамедлительно.

– Наверное, ты права. Но что мы им скажем? Придумай какую-нибудь благозвучную небылицу, Фрэнки. Я-то в таких делах не силен.

Фрэнки подумала минуту или две.

– По-моему, – сказала она, – ехать придется тебе. Как ты думаешь, ты бы справился с ролью младшего партнера в конторе стряпчего?

– Роль вроде очень достойная, – сказал Бобби. – Я боялся, что ты выдумашь что-нибудь похуже. И все равно она несколько неестественна.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, стряпчие же не наносят личных визитов, так? По-моему, они всегда составляют письма по шесть и восемь пенсов за штуку либо рассылают приглашения в контору к определенному часу.

– Фирма, о которой я говорю, чужда условностей, – сказала Фрэнки. – Погоди минутку.

Она вышла из комнаты и вернулась с визитной карточкой.

– Мистер Спрэгг, – сказала она, протягивая ее Бобби. – Ты младший компаньон фирмы «Спрэгг, Спрэгг, Дженкинсон и Спрэгг» с Блумсбери-сквер.

– Ты придумала эту фирму, Фрэнки?

– Разумеется, нет, это поверенные отца.

– А если меня изобличат как самозванца?

– Ничего страшного. Никакого Спрэгга-младшего нет. Единственному Спрэггу уже лет сто. Да и вообще он пляшет под мою дудку. Если что сорвется, я с ним все улажу. Он страшный сноб, обожатель лордов и герцогов, как бы мало он на них ни зарабатывал.

– А как насчет одежды? Позвонить Бэджеру, чтобы притащил?

Фрэнки с сомнением посмотрела на него.

– Не хочу сказать ничего плохого о твоей одежде, или попрекать тебя бедностью, или еще что-нибудь такое. Но будешь ли ты выглядеть в ней достаточно солидно? Лучше грабануть гардероб моего предка. Его платье будет неплохо на тебе сидеть.

Полчаса спустя, нарядившись в дневной сюртук и полосатые брюки

изысканного покрою, которые были ему более или менее впору, Бобби любовался своим отражением в трюмо лорда Марчингтона.

– Твой отец знает толк в одежде, – заметил он. – Еще бы, когда у тебя за спиной Севил-роуд^[2] со всеми ее возможностями... Я прямо обрел уверенность в себе.

– Я полагаю, тебе придется остаться при своих усах, – сказала Фрэнки.

– Они сами так и липнут ко мне, – отвечал Бобби. – Такой шедевр не вдруг и повторишь.

– Тогда лучше их оставить. Хотя для законника естественней быть чисто выбритым.

– И все же усы лучше, чем борода, – сказал Бобби. – А как ты думаешь, Фрэнки, твой отец мог бы одолжить мне шляпу?

Глава 17

МИССИС РИВИНГТОН РАССКАЗЫВАЕТ

– А вдруг, – сказал Бобби, останавливаясь в дверях, – мистер М. Р. Ривингтон с Онслоу-сквер – сам поверенный? Это был бы удар.

– Пожалуй, лучше съезди к полковнику с Тайт-стрит, – сказала Фрэнки. – Уж он-то в поверенных ничего не смыслит.

И вот Бобби, взяв такси, поехал на Тайт-стрит. Полковника Ривингтона дома не оказалось, зато была миссис Ривингтон. Бобби вручил миловидной горничной свою карточку, на которой написал: «От господ Спрэгга, Спрэгга, Дженкинсона и Спрэгга. Не терпит отлагательства».

Карточка и платье лорда Марчингтона произвели на горничную соответствующее впечатление. Она ни на миг не заподозрила в Бобби торговца миниатюрной живописью или назойливого страхового агента. Его провели в красиво и дорого обставленную гостиную, и вскоре туда вошла миссис Ривингтон, в красивом и дорогом наряде, с красивой и дорогой косметикой.

– Прошу простить за беспокойство, миссис Ривингтон, – сказал Бобби, – но дело было очень срочное, и мы решили не возиться с перепиской.

Сама мысль о том, что стряпчий хочет избежать проволочек, показалась Бобби настолько фантастической, что он на миг испугался, как бы миссис Ривингтон не разглядела за всем этим обман. Но та явно принадлежала к числу безмозглых красоток, принимавших все за чистую монету.

– Будьте добры, присядьте, – пригласила она. – Мне только что позвонили из вашей конторы и сообщили, что вы идете сюда.

Бобби мысленно наградил Фрэнки аплодисментами за блестящую идею, пришедшую ей в голову в последнее мгновение. Он сел, стараясь как можно больше походить на юриста, и сказал:

– Дело касается одного из наших клиентов, Алана Карстэрса.

– Да-да?

– Возможно, он упоминал, что мы представляем его.

– Упоминал ли? Да, по-моему, так, – сказала миссис Ривингтон, широко раскрыв огромные синие глаза. Она явно легко поддавалась

внушению. – Но я, разумеется, знаю о вас. Ведь вы защищали Долли Матраверс, правда? Когда она застрелила этого ужасного портняжку. Я полагаю, вам известны все подробности?

Она смотрела на него с неприкрытым любопытством. У Бобби возникло ощущение, что миссис Ривингтон будет легкой добычей.

– Мы знаем много такого, что никогда не всплывает в суде, – с улыбочкой сказал он.

– О, с вас станется! – Миссис Ривингтон смотрела на него уже с завистью. – Скажите, она действительно была... я имею в виду, была ли она одета, как заявила та женщина?

– Эти показания были опровергнуты в суде, – серьезно сказал Бобби и едва заметно подмигнул.

– Ага, понятно! – с восторгом выдохнула миссис Ривингтон.

– Так вот, насчет мистера Карстэрса, – начал Бобби, чувствуя, что уже наладил дружеские отношения и теперь может приступить к делу. – Как вы, возможно, знаете, он неожиданно покинул Англию.

Миссис Ривингтон покачала головой.

– Он уехал из Англии? Мы не знали. Мы уже давно не виделись.

– Он не говорил вам, как долго намерен здесь пробыть?

– Он сказал, что может пробыть здесь неделю или две, а может полгода или год.

– Где он останавливался?

– В «Савое».

– А когда вы видели его в последний раз?

– О, недели три, а то и месяц назад. Я не помню.

– Однажды вы возили его в Стейверли?

– Ну да! По-моему, тогда-то мы и видели его в последний раз. Он позвонил узнать, когда мы можем встретиться. Он только что прибыл в Лондон, а Хьюберт был в страшной запарке, так как на другой день мы отбывали в Шотландию, а на ленч собирались в Стейверли, а обедали с какими-то ужасными людьми, от которых никак не могли отвязаться, а ему хотелось повидать Карстэрса, потому что тот ему очень понравился, и он сказал: «Моя дорогая, давай возьмем его с собой к Бэссингтон-ффренчам. Они не будут возражать». И мы взяли его. И они, разумеется, не возражали. – Она замолчала, переводя дух.

– Он не сообщил вам о цели своего приезда в Англию? – спросил Бобби.

– Нет. А она у него была? Ах да, я знаю. Мы думали, это имеет какое-то отношение к тому миллионеру, тому его другу, который умер такой

трагической смертью. Какой-то доктор сказал, что у него рак, он покончил с собой. Это ж надо, чтобы врач сказал такую мерзость, вы не считаете? А ведь они частенько ошибаются. Наш доктор на днях заявил, что у моей девчушки корь, а оказалась какая-то сыпь. Я сказала Хьюберту, что следовало бы сменить врача.

Миссис Ривингтон считала врачей чем-то вроде перчаток, но Бобби это не интересовало. Он вернулся к делу:

– А мистер Карстэрс знал Бэссингтон-ффренчей?

– О нет! Но, по-моему, они ему понравились. Хотя он был очень странный и мрачный на обратном пути. Вероятно, что-то из сказанного расстроило его. Он канадец, знаете, а они часто кажутся мне такими обидчивыми...

– Но вы не знаете, что именно его расстроило?

– Не имею ни малейшего понятия. Иногда достаточно какого-нибудь пустяка, правда?

– Он совершал прогулки по округе? – спросил Бобби.

– О нет, с чего вы взяли? – Она уставилась на него.

Бобби зашел с другого бока:

– Может, там устраивали приемы? Он встречался с кем-нибудь из соседей?

– Нет, там были только мы и хозяйева. Но странно, что вы об этом спрашиваете...

– Да? – нетерпеливо поторопил ее Бобби, потому что она замолчала.

– Он очень подробно расспрашивал о людях, живущих неподалеку оттуда.

– Вы не помните их фамилию?

– Нет, не помню. Какой-то не очень интересный человек. Доктор, что ли.

– Доктор Николсон?

– По-моему, он. Карстэрсу хотелось знать все о нем и его жене. Ну, когда они приехали и все такое прочее. Это казалось странным, ведь они не были знакомы. И вообще он не любопытен. Однако он мог просто из учтивости поддерживать разговор, а интересная тема в голову не приходила. Иногда бывает и так.

Бобби согласился, что да, бывает, и спросил, как зашел разговор о Николсонах, но этого миссис Ривингтон сказать не могла. Она вышла с Генри Бэссингтон-ффренчем в сад, а когда вернулась, остальные перемывали косточки Николсонам.

Пока разговор шел легко. Бобби откровенно выдаивал из дамы

сведения, не прибегая ни к каким уловкам, но вдруг она проявила любопытство.

– Однако что именно вы хотите узнать о мистере Карстэрсе? – спросила она.

– Вообще-то мне нужен был его адрес, – объяснил Бобби. – Как вам известно, мы ведем его дела, и мы только что получили весьма важную телеграмму из Нью-Йорка. Вы знаете, курс доллара сейчас очень неустойчив...

Миссис Ривингтон кивнула, прилагая отчаянные усилия, чтобы уразуметь услышанное.

– И поэтому, – быстро продолжал Бобби, – нам хотелось связаться с ним, получить от него указания. А он не оставил адреса, и я, поскольку однажды слышал, как он говорил, что вы его друзья, подумал, что вы могли получить от него весточку.

– Ага, ясно, – сказала миссис Ривингтон, вполне удовлетворенная. – Какая жалость. Но он всегда выражается так уклончиво...

– Это уж точно, – сказал Бобби, вставая. – Ну-с, извините, что отнял у вас столько времени.

– Ах, ну что вы! – воскликнула миссис Ривингтон. – Так интересно было узнать, что Долли Матраверс действительно, как вы говорите...

– Я не говорил ничего подобного, – сказал Бобби.

– Да, но ведь адвокаты так сдержанны в выражениях, разве нет? – спросила миссис Ривингтон и хихикнула.

«Значит, так тому и быть, – думал Бобби, шагая по улице. – Похоже, я навсегда лишил Долли... как ее там... доброго имени, но, смею сказать, поделом ей. А эта очаровательная идиотка так никогда и не докумекает, почему я не позвонил по телефону, если мне нужен всего лишь адрес Карстэрса».

Когда он вернулся на Брук-стрит, они с Фрэнки устроили всестороннее обсуждение дела.

– Похоже, к Бэссингтон-ффренчам его действительно привела чистая случайность, – задумчиво сказала Фрэнки.

– Но, очевидно, когда он был там, оброненное кем-то замечание привлекло его внимание к Николсонам.

– Так что на самом деле средоточие тайны – Николсон, а не Бэссингтон-ффренчи?

Бобби посмотрел на нее холодно и спросил:

– Ты по-прежнему хочешь обелить своего героя?

– Дорогой мой, я лишь обвожу контуры картины. Именно упоминание

о Николсоне и лечебнице привело Карстэрса в волнение. То, что его привезли к Бэссингтон-ффренчам, было чистой случайностью, ты должен признать это.

– Похоже.

– Почему только «похоже»?

– Есть еще одна возможность. Каким-то образом Карстэрс мог узнать, что Ривингтоны собираются к Бэссингтон-ффренчам на ленч. Возможно, он случайно услышал об этом, скажем, в ресторане в «Савое». Поэтому он звонит. Ему срочно нужно повидать их, и его расчет оправдывается. Они очень заняты и предлагают ему съездить с ними. Их друзья не будут возражать, а им «так хочется повидать его». Это возможно, Фрэнки.

– Наверное, возможно, но какой-то очень уж окольный путь.

– Не более окольный, чем твоя авария, – сказал Бобби. Он снял платье лорда Марчингтона и, водворив его на место, вновь облачился в свою шоферскую ливрею. Вскоре они мчались обратно в Стейверли.

– Если Роджер действительно влюбился в меня, – с наигранной скромностью сказала Фрэнки, – он будет рад моему скорому возвращению. Подумает, что я не могу долго оставаться вдали от него.

– Не уверен, что ты сама можешь вынести эту разлуку, – заявил Бобби. – Я слышал, что по-настоящему опасные преступники всегда были исключительно привлекательны.

– Я почему-то не могу поверить, что он преступник.

– Ты это уже говорила.

– У меня такое чувство.

– От фотографии никуда не деться.

– Черт бы побрал эту фотографию! – вспылила Фрэнки.

Бобби молча проехал по аллее. Фрэнки выскочила из машины и, не оглянувшись, вошла в дом. Бобби укатил.

В доме было очень тихо. Фрэнки бросила взгляд на часы. Половина третьего. «Они думают, я приеду через несколько часов. Интересно, где они?» – размышляла Фрэнки. Она открыла дверь библиотеки и вошла, но замерла на пороге. На софе, сжимая в ладонях руки Сильвии Бэссингтон-ффренч, сидел доктор Николсон.

Сильвия вскочила на ноги и подошла к Фрэнки.

– Он мне все рассказал, – проговорила она. Голос ее звучал глухо. Она поднесла руки к лицу, словно желая заслониться от взглядов. – Это так ужасно! – Сильвия всхлипнула и выбежала из комнаты, задев Фрэнки.

Доктор Николсон уже встал. Фрэнки сделала шаг или два в его сторону. По обыкновению настороженный взгляд врача встретился со

взглядом девушки.

– Бедняжка, – мягко сказал Николсон. – Такой страшный удар.

Уголки его рта дрогнули, и Фрэнки на миг показалось, что он забавляется. Однако потом она внезапно поняла, что доктор испытывает совсем другое чувство. Этот человек был в ярости. Он сдерживал себя, прятал свой гнев за учтивой маской, но был бессилён скрыть его.

– Пусть уж лучше миссис Бэссингтон-френч знает правду, – сказал доктор после мимолетной паузы. – Я хочу убедить ее передать мужа под мою опеку.

– Боюсь, я вам помешала, – мягко сказала Фрэнки. Она помолчала. – Я вернулась раньше, чем планировала.

Глава 18

ДЕВУШКА С ФОТОГРАФИИ

Когда Бобби вернулся в гостиницу, вместо приветствия ему сообщили о приходе посетителя.

– Это дама. Вы найдете ее в маленькой гостиной мистера Эскью.

Слегка озадаченный, Бобби отправился туда. Он не понимал, как Фрэнки могла добраться до «Энглерс-Армз» раньше его, если только не летела на крыльях. А что прийти мог кто-то другой, ему было невдомек.

Он открыл дверь комнатки, служившей мистеру Эскью личной гостиной. В кресле сидела неестественно прямая фигура, облаченная в черное. Это была девушка с фотографии.

Бобби до того опешил, что на миг утратил дар речи. Потом он заметил, что девушка страшно нервничает. Ее руки дрожали, то и дело сжимая один из подлокотников кресла. Казалось, она до того взволнована, что не может вымолвить ни слова. Но ее большие испуганные глаза молили о помощи.

– Значит, это вы? – проговорил наконец Бобби.

Он закрыл за собой дверь и прошел к столу. Девушка по-прежнему молчала. Огромные, полные страха глаза смотрели прямо в глаза Бобби. Наконец дошло и до слов, но это был всего лишь хриплый шепот:

– Вы говорили, что поможете мне. Возможно, мне не следовало приходить...

Бобби разом обрел и голос, и уверенность в себе.

– Не следовало приходить? Вздор! Вы совершенно правильно сделали, что пришли. Так и надо. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам. Не пугайтесь. Теперь вы в полной безопасности.

На щеках девушки появился легкий румянец. Она вдруг сказала:

– Кто вы? Вы же не... шофер. Я хочу сказать, вы можете быть шофером, но на самом деле вы не шофер.

Бобби все понял, хоть девушка и выразила свою мысль довольно витиевато.

– В наши дни приходится браться за любую работу, – сказал он. – Я служил на флоте. Собственно говоря, я не то чтобы шофер... но сейчас это неважно. Как бы там ни было, уверяю вас, что вы можете положиться на меня и все рассказать.

Ее румянец стал еще ярче.

– Вы, должно быть, думаете, что я сумасшедшая, – пробормотала она. – Вы, должно быть, думаете, что я совсем сошла с ума.

– Да нет же.

– Что и говорить. Если я так вот взяла да и заявила сюда... Но я была до того напугана, страшно напугана... – Голос ее замер, а глаза расширились, словно им предстало какое-то жуткое зрелище. Бобби стиснул руку девушки.

– Послушайте, – сказал он, – все хорошо. Все образуется. Сейчас вы в безопасности, с вами друг. Вам нечего бояться.

Он ощутил ответное пожатие ее пальцев.

– Когда вчера вечером на вас упал лунный свет, – торопливо зашептала она, – это было... это было как сон. Видение свободы, призрак избавления... Я не знала, кто вы и откуда пришли, но ваше появление вдохнуло в меня надежду, я решилась прийти и разыскать вас и рассказать вам...

– Вот и правильно, – ободряюще сказал Бобби. – Расскажите. Расскажите мне все.

Внезапно девушка отдернула руку.

– Если я расскажу вам, вы примете меня за сумасшедшую. Вы подумаете, что я сошла с ума, пожив в том доме, среди других его обитателей.

– Не приму. Честное слово, не приму и не подумаю.

– Подумаете. Оно и впрямь звучит как бред умалишенного.

– Я сразу пойму, что нет. Расскажите мне. Пожалуйста, расскажите.

Она отодвинулась подальше, сидя все так же прямо и глядя в пространство перед собой.

– Дело вот в чем, – сказала девушка. – Я боюсь, что меня убьют. – Голос ее звучал сухо и хрипло. Она явно старалась сдержать себя, но руки у нее дрожали.

– Убьют?

– Да. Это звучит как бред, правда? Вроде... как там ее называют... мании преследования.

– Нет, – сказал Бобби, – вы вовсе не кажетесь сумасшедшей. Просто вы напуганы. Расскажите, кто хочет убить вас и почему.

Она помолчала минуту или две, сплетая и расплетая пальцы. Потом тихо сказала:

– Мой муж.

– Ваш муж?! – Мысли вихрем закружились в голове Бобби. – А кто вы? – спросил он.

Теперь изумилась она:

– Как, вы не знаете?

– Не имею ни малейшего представления.

Она сказала.

– Я – Мойра Николсон. Мой муж – доктор Николсон.

– Значит, вы не пациентка?

– Пациентка? О нет! – Ее лицо вдруг помрачнело. – Вы, очевидно, полагаете, что такие речи пристали скорее пациентке.

– Нет-нет, я вовсе не это имел в виду. – Он всеми силами старался разубедить ее. – Честное слово, я не это имел в виду. Я лишь удивился, что вы замужем, вот и все. Продолжайте же ваш рассказ. Итак, муж хочет убить вас.

– Я знаю, это звучит дико. Но это не так, не так! Это у него в глазах, когда он смотрит на меня. Да еще всякие странные события, несчастные случаи...

– Несчастные случаи? – резко переспросил Бобби.

– Да. Ах, я знаю, все это похоже на фантазии истерички...

– Отнюдь, – сказал Бобби. – Ваши слова вполне разумны. Продолжайте, что там за несчастья?

– Они выглядели как пустячные случайности. Однажды он подал машину назад, не видя, что я стою на пути. Я едва успела отскочить. Какое-то зелье, которое оказалось не в той бутылке... Ах, всякие глупости. Люди сочли бы, что это обыкновенные случайности, но на самом деле здесь умысел. Я знаю. И это меня изматывает. Все время следить за ним, быть настороже, чтобы как-то спасти свою жизнь... – Она поперхнулась.

– А почему ваш муж хочет разделаться с вами? – спросил Бобби. Может быть, он и не ждал четкого и ясного ответа, но тот не замедлил последовать:

– Потому что он хочет жениться на Сильвии Бэссингтон-ффренч.

– Что? Но ведь она замужем.

– Я знаю. Но он уже все устраивает.

– Что вы имеете в виду?

– Я точно не знаю, но мне доподлинно известно, что он норовит упечь мистера Бэссингтон-ффренча в Грейндж в качестве пациента.

– А потом?

– Я не знаю, но, наверное, что-нибудь произойдет. – Она содрогнулась. – Он имеет какое-то влияние на мистера Бэссингтон-ффренча. А какое – мне неизвестно.

– Бэссингтон-ффренч принимает морфий, – сказал Бобби.

– Ах вот как! Я полагаю, его снабжает Джаспер.
– Бэссингтон-ффренч получает морфий по почте.
– Возможно. Джаспер действует не напрямую. Он очень хитер. Мистер Бэссингтон-ффренч может и не знать, что морфий поступает от Джаспера, но я уверена, что так оно и есть. А потом Джаспер залучит его в Грейндж и будет делать вид, что лечит. И едва он там очутится... – Она умолкла и задрожала. – В Грейндже чего только не происходит, – продолжала она. – Станные творятся вещи. Люди приходят туда, чтобы излечиться, а им не становится лучше... им становится хуже.

Слушая ее, Бобби представил себе зловещую картину. Он словно проникся в какой-то степени тем кошмаром, в который уже давно превратилась жизнь Мойры Николсон.

– Вы говорите, ваш муж хочет жениться на миссис Бэссингтон-ффренч? – вдруг спросил он.

Мойра кивнула.

– Он от нее без ума.

– А она?

– Я не знаю, – медленно сказала Мойра. – Никак не пойму. Вроде бы она любит мужа и малыша, всем довольна и умиротворена. Она кажется простушкой, но иногда мне представляется, что она не так проста. Порой я даже подумывала, что Сильвия не та, за кого мы ее принимаем, что она, возможно, играет какую-то роль, причем играет мастерски. Но, право, все это вздор, наверное, мои глупые домыслы. Когда поживешь в таком месте, как Грейндж, разум становится извращенным, и начинаешь придумывать всякое...

– А что брат Генри, Роджер? – спросил Бобби.

– О нем я почти ничего не знаю. Он славный, по-моему, но таких людей очень легко провести. Джаспер его совершенно околдовал, я знаю. Джаспер обрабатывает его, чтобы убедить мистера Бэссингтон-ффренча лечь в Грейндж. Я полагаю, Роджер думает, что это его собственная идея. – Вдруг она подалась вперед и схватила Бобби за рукав. – Не допустите, чтобы он лег в Грейндж, – с мольбой сказала она. – Если он туда попадет, случится нечто ужасное, я знаю.

Бобби немного помолчал, переваривая эту удивительную историю, и наконец спросил:

– Давно вы замужем за Николсоном?

– Чуть больше года. – Она поежилась.

– А вы не подумывали уйти от него?

– Как? Мне некуда податься. У меня нет денег, а если я кого-то встречу,

что я ему расскажу? Сказку про то, как муж хотел убить меня? Кто мне поверит?

– Ну, я-то вам верю, – сказал Бобби. Он помолчал, словно решая, какой образ действия избрать, потом продолжал: – Вот что, я хочу задать вам один прямой вопрос. Вы знали человека по имени Алан Карстэрс? Только честно, – резковато добавил он и увидел, как ее лицо заливается краской.

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Потому что мне весьма важно это знать. Ведь если вы действительно знакомы с Аланом Карстэрсом, то могли когда-то подарить ему свою фотокарточку.

Мойра помолчала, потупив взор, потом подняла голову и посмотрела ему в лицо.

– Это истинная правда, – сказала она.

– Вы знали его до замужества?

– Да.

– А он навещал вас здесь с тех пор, как вы вышли замуж?

– Да, один раз, – помедлив, сказала она.

– С месяц назад, не так ли?

– Да, я полагаю, около месяца.

– Он знал, что вы тут живете?

– Я не знаю, как он это выяснил, – я ему не говорила. Я даже ни разу не писала ему с тех пор, как вышла замуж.

– Но он прослышал и приехал повидать вас. Ваш муж был в курсе?

– Нет.

– Это ваше мнение. Но он мог знать.

– Вероятно, мог, но он мне так ничего и не сказал.

– А вы с Карстэрсом когда-либо говорили о муже? Вы рассказывали ему о своих страхах?

Она покачала головой.

– Тогда я еще ничего не подозревала.

– Но вы были несчастливы?

– Да.

– И вы сказали ему об этом?

– Нет, я старалась не афишировать свою неудачу в браке.

– Но все равно он мог догадаться, – сочувственно сказал Бобби.

– Вероятно, мог, – тихо согласилась Мойра.

– Как вы думаете... не знаю даже, как это выразить... Словом, он мог знать что-то о вашем муже? Может быть, он подозревал, что эта лечебница – совсем не то, чем она кажется?

Она нахмурилась, размышляя.

– Возможно, – сказала она наконец. – Он задал мне два-три немного странных вопроса, но... Нет, не думаю, чтобы он действительно что-то знал.

Бобби снова погрузился в долгое молчание, потом спросил:

– Можно ли назвать вашего мужа ревнивцем?

К его великому удивлению, она ответила:

– Да, он очень ревнив.

– По отношению к вам, например?

– Даже при том, что я ему безразлична – вы это имеете в виду? Да, он бы все равно ревновал. Ведь я его собственность, понимаете? Он странный человек... очень странный человек. – Она поежилась, потом вдруг спросила: – Вы случайно никак не связаны с полицией?

– Я? О нет!

– А то я подумала... Я хочу сказать...

Бобби посмотрел на свою шоферскую ливрею.

– Это довольно долгая история, – сказал он.

– Вы ведь шофер леди Фрэнсес Деруэнт, правда? Так сказал мне хозяин гостиницы. На днях мы с нею вместе обедали.

– Я знаю. – Бобби помолчал. – Нам нужно как-то с ней связаться, а мне это сделать трудновато. Как вы думаете, вы могли бы позвонить и позвать ее к телефону, а затем попросить выйти и поговорить с вами где-нибудь на свежем воздухе?

– Вероятно, могла бы, – нерешительно сказала Мойра.

– Я знаю, вам это наверняка кажется очень странным, но я все объясню. Нам нужно как можно быстрее встретиться с Фрэнки. Без этого не обойтись.

– Ну что ж, – сказала Мойра, вставая. Она помедлила, взявшись за дверную ручку. – Алан. Алан Карстэрс. Вы сказали, что видели его.

– Видел, – сказал Бобби, – но уже довольно давно. – И он подумал, потрясенный: «Ну конечно же! Ведь она не знает, что он мертв». – Позвоните леди Фрэнсес. Тогда я вам все расскажу, – пообещал Бобби.

Глава 19

ТРОЕ НА СОВЕТЕ

Мойра вернулась спустя несколько минут.

– Я дозвонилась, – сообщила она, – и попросила ее выйти и встретиться со мной в маленьком летнем домике у реки. Она, наверное, сочла это очень странным, но сказала, что придет.

– Хорошо, – сказал Бобби. – Где именно это место?

Мойра старательно описала домик и объяснила, как туда добраться.

– Прекрасно, – заявил Бобби. – Вы идите туда первой, а я потом.

На том и порешили. Бобби задержался, чтобы перемолвиться словечком с мистером Эскью.

– Странное дело, – небрежно бросил он. – Эта леди, миссис Николсон, я когда-то работал у одного ее дядьки, господина из Канады.

Он чувствовал, что визит Мойры может породить сплетни, а ему совсем не хотелось, чтобы такие слухи расползлись и дошли, чего доброго, до ушей самого доктора Николсона.

– Ах вот, значит, как? – воскликнул мистер Эскью. – А я-то уж подумал...

– Да, – сказал Бобби. – Она узнала меня и пришла спросить, чем я теперь занимаюсь. Она очень мила в обращении.

– Очень, право слово. Эх, ну что у нее за жизнь в этом Грейндже!

– Да уж, – согласился Бобби. – Я бы такой не хотел.

Чувствуя, что достиг своей цели, он вышел пройтись по деревне и с видом праздношатающегося направился в указанную Мойрой сторону. Он благополучно достиг места встречи и увидел, что Мойра поджидает его. Фрэнки еще не появлялась. Женщина смотрела на него откровенно вопрошающим взглядом, и Бобби почувствовал, что должен объясниться с ней, хоть это и нелегко.

– Мне столько нужно вам сказать, – заговорил он и тут же смущенно умолк.

– Да?

– Прежде всего, – решился он, – я и правда не шофер, хотя действительно работаю в одном гараже в Лондоне. И фамилия моя не Хоскинс, а Джонс. Бобби Джонс из Марчболта в Уэльсе.

Мойра внимательно слушала, но название Марчболт явно ни о чем ей

не говорило. Бобби стиснул зубы и храбро перешел к сути дела:

– Вот что, миссис Николсон, боюсь, мои слова станут для вас ударом. Этот ваш друг... Алан Карстэрс, он... ну... вам надо это знать... он мертв.

Он почувствовал, как она вздрогнула, и тактично отвел взгляд от ее лица. Неужели ей так жаль этого парня? Неужели она, черт бы все побрал, была влюблена в него?

Она немного помолчала, потом тихо и задумчиво сказала:

– Вот, значит, почему он так и не вернулся? А я думала...

Бобби отважился мельком взглянуть на нее. Настроение у него поднялось: Мойра выглядела печальной и задумчивой, но и только.

– Расскажите мне об этом, – попросила она.

Бобби повиновался:

– Он сорвался с утеса в Марчболте. Это место, где я живу. Так уж вышло, что нашли его мы с доктором. – Он помолчал, потом добавил: – У него в кармане была ваша фотография.

– В самом деле? – Она улыбнулась грустной теплой улыбкой. – Дорогой Алан, он был очень преданным. – Наступило молчание, потом она спросила: – Когда все это случилось?

– Около месяца назад. Третьего октября, если быть точным.

– Должно быть, сразу после того, как он приезжал сюда.

– Да. Он упоминал о том, что собирается в Уэльс?

Она покачала головой.

– Вы знаете кого-нибудь по фамилии Эванс?

– Эванс? – Мойра нахмурилась, стараясь вспомнить. – Нет, не думаю. Это весьма распространенная фамилия, разумеется, но я что-то никакого Эванса не помню. Кто это?

– Этого-то мы и не знаем. А вот и Фрэнки!

Фрэнки торопливо шла по тропинке. На лице ее при виде Бобби и миссис Николсон отразилось странное смешение противоречивых чувств.

– Привет, Фрэнки, – сказал Бобби. – Рад, что ты пришла. Нам надо провести большой совет. Прежде всего, это миссис Николсон, которая запечатлена на фотографии.

– О-о! – вырвалось у Фрэнки. Она посмотрела на Мойру и вдруг рассмеялась. – Дорогой мой, – сказала она Бобби, – теперь я поняла, почему вид миссис Кеймен так потряс тебя на дознании.

– Вот именно, – отвечал Бобби. Какой же он был дурак. Разве можно было даже при самом богатом воображении хоть на миг представить себе, что время, сколько бы его ни прошло, могло превратить Мойру Николсон в Амелию Кеймен?

– Боже, какой же я был дурак! – воскликнул он.

У Мойры был озадаченный вид.

– Мне столько нужно поведать, – сказал Бобби, – но я даже не знаю, как все это выразить.

Он описал Кейменов и рассказал, как они опознали тело.

– Но я не понимаю, – в растерянности сказала Мойра, – чье же тело это было на самом деле – ее брата или Алана Карстэрса?

– Вот тут-то им и понадобился обман, – объяснил Бобби.

– А потом, – продолжала Фрэнки, – Бобби отравили.

– Восемь гранов морфия, – вспоминая, сказал Бобби.

– Не будем об этом, – попросила Фрэнки. – Ты можешь часами говорить на эту тему, а она и впрямь мало кого занимает. Позволь, я объясню. – Она глубоко вздохнула. – Видите ли, Кеймены пришли к Бобби после дознания, чтобы спросить, не сказал ли этот так называемый брат чего-нибудь перед смертью, и Бобби ответил, что нет. Но потом он вспомнил: оказывается, погибший сказал что-то о человеке по имени Эванс. Бобби написал им об этом, а через несколько дней получил письмо, в котором ему предлагали работу в Перу или еще где-то. А когда он от нее отказался, кто-то подложил ему морфий...

– Восемь гранов, – вставил Бобби.

– ...в пиво. Только вот, поскольку у него такие внутренности или что там еще, он не погиб. И поэтому мы сразу же поняли, что Причарда – или Карстэрса – столкнули с утеса, ясно?

– Но почему? – спросила Мойра.

– Неужели вы не понимаете? Господи, нам это представляется совершенно ясным. Вероятно, я не очень хорошо все изложила. Во всяком случае, мы решили, что его столкнули и что это мог сделать Роджер Бэссингтон-ффренч.

– Роджер Бэссингтон-ффренч?! – с живейшим интересом воскликнула Мойра.

– Так уж получается в нашем раскладе. Видите ли, он тогда был там, а ваша фотография исчезла, и он, похоже, единственный человек, который мог взять ее.

– Понятно, – задумчиво сказала Мойра.

– А потом, – продолжала Фрэнки, – я угодила в аварию совсем недалеко отсюда. Удивительное совпадение, не правда ли? – Она посмотрела на Бобби долгим увещающим взглядом. – Поэтому я позвонила Бобби и предложила под видом моего шофера приехать сюда, чтобы заняться этим делом.

– Так что теперь вы понимаете, что к чему, – сказал Бобби, принимая допущенное Фрэнки легкое уклонение от истины. – А в довершение всего вчера вечером я забрел в усадьбу Грейндж и наткнулся на вас, на даму с фотографии.

– Вы довольно быстро узнали меня, – сказала Мойра со слабой улыбкой.

– Да, – отвечал Бобби, – после одного взгляда на фотографию я бы узнал оригинал где и когда угодно.

Мойра покраснела, хотя особых причин для этого не было. Вдруг ее осенила какая-то идея, и она быстро посмотрела сперва на Бобби, потом на Фрэнки.

– Правду ли вы мне рассказываете? – спросила она. – Вы в самом деле оказались здесь случайно? Или приехали, потому что... потому что... – Как она ни сдерживалась, голос у нее задрожал. – ...Вы подозреваете моего мужа?

Бобби и Фрэнки переглянулись. Потом Бобби сказал:

– Даю вам слово чести, что до приезда сюда мы даже и не слышали о вашем муже.

– Ага, понятно. – Она повернулась к Фрэнки. – Простите меня, леди Фрэнсес, но я вспомнила тот вечер, когда мы приходили на обед. Джаспер все не давал вам покоя, расспрашивал об аварии. Я никак не могла взять в толк почему. Но теперь я думаю, что он мог заподозрить инсценировку.

– Ну, если вы действительно хотите знать, так оно и было, – призналась Фрэнки. – Уфф, сразу легче стало! Все было очень тонко подстроено. Но к вашему мужу это не имело никакого отношения. Мы затеяли это, чтобы... ну, как бы выразиться? Чтобы получить сведения о Роджере Бэссингтон-френче.

– О Роджере? – Мойра нахмурилась и растерянно улыбнулась. – Это кажется нелепым, – откровенно сказала она.

– И все равно от фактов никуда не денешься, – возразил Бобби.

– Роджер... о нет. – Она покачала головой. – Возможно, он слабоволен или слишком порывист. Он может влезть в долги или влипнуть в какой-нибудь скандал. Но столкнуть кого-то с утеса... Нет, я просто не могу себе представить.

– А вы знаете, – сказала Фрэнки, – я тоже никак не могу себе этого представить.

– Однако он наверняка забрал фотографию, – упрямо сказал Бобби. – Послушайте, миссис Николсон, сейчас я изложу вам факты.

Он рассказывал неторопливо и во всех подробностях. Когда Бобби

умолк, женщина кивнула.

– Теперь я понимаю, что вы имеете в виду. Это представляется очень странным. – Она помолчала с минуту, потом вдруг сказала: – А почему бы вам не спросить его самого?

Глава 20

СОВЕТ ДВУХ

На мгновение от дерзкой простоты этого вопроса у них захватило дух. Потом они разом заговорили.

– Это невозможно, – сказал Бобби.

– Это не годится, – сказала Фрэнки.

Потом оба замолчали: до них постепенно доходило, что это стоящая мысль.

– Понимаете, – с жаром заговорила Мойра, – я вижу, куда вы клоните. Действительно, создается впечатление, что фотографию взял Роджер и никто другой, но я и мысли не допускаю, что это он столкнул Алана. Зачем ему это? Они даже не были знакомы. Впервые встретились здесь, за ленчем. Они никогда не видели друг друга раньше. Нет никакого мотива.

– Тогда кто же его столкнул? – резковато спросила Фрэнки.

По лицу Мойры пробежала тень.

– Не знаю, – смущенно сказала она.

– Послушайте, – сказал Бобби, – вы не будете возражать, если я расскажу Фрэнки то, что вы рассказали мне? О том, чего вы боитесь?

Мойра отвернулась.

– Если хотите. Но все это звучит так мелодраматично и истерично. Сейчас я и сама этому не верю. – Она быстро встала. – Я и впрямь считаю, что вела себя ужасно глупо. – Губы у нее дрожали. – Пожалуйста, мистер Джонс, не обращайтесь внимания на то, что я вам наговорила. Это просто нервы. Во всяком случае, сейчас мне надо идти. До свидания. – Она быстро пошла прочь. Бобби вскочил, готовый последовать за ней, но Фрэнки твердой рукой вернула его на место.

– Останься здесь, болван, предоставь это мне. – Она бросилась догонять Мойру и вернулась через несколько минут.

– Ну? – в нетерпении спросил Бобби.

– Все в порядке. Я ее успокоила. Ее смутило, что о ее страхах болтают при ней, посвящая в них третье лицо. Я взяла с нее обещание, что вскоре мы опять встретимся, все трое. Теперь, когда тебе не мешает ее присутствие, давай послушаем эту историю.

Бобби все рассказал. Фрэнки внимательно выслушала и проговорила:

– Это объясняет два момента. Прежде всего, вернувшись, я нашла

Николсона сидящим на кушетке рядом с Сильвией Бэссингтон-ффренч. Он сжимал ее руки в своих. А как он на меня посмотрел – будто кинжалом полоснул! Если бы взгляды могли убивать, я бы померла на месте.

– А второе? – спросил Бобби.

– Один пустячный случай. Сильвия говорила, что фотография Мойры произвела большое впечатление на какого-то незнакомца, который приехал к ним в дом. Могу поспорить, что это был Карстэрс. Он узнал фотографию. Миссис Бэссингтон-ффренч сказала ему, что это портрет некоей миссис Николсон. Теперь ясно, как он узнал, где она. Но ты знаешь, Бобби, я по-прежнему не понимаю, какую роль тут играет Николсон. С какой стати ему убивать Алана Карстэрса?

– Ты думаешь, это был он, а не Бэссингтон-ффренч? Ничего себе совпадение, если он и Бэссингтон-ффренч оба оказались в Марчболте в один и тот же день.

– Однако совпадения случаются. Но если это был Николсон, я по-прежнему не вижу мотива. Может, Карстэрс узнал, что Николсон – главарь шайки торговцев наркотиками? Или мотив – твоя новая подружка?

– Могло быть и то и другое, – предположил Бобби. – Возможно, он узнал, что Карстэрс и его жена встречались, и вполне мог вычислить, что жена каким-то образом выдала его.

– Это, конечно, возможно, – сказала Фрэнки. – Но первым делом надо проверить Бэссингтон-ффренча. Единственное, что у нас есть против него, – эпизод с фотографией. Если он сможет дать ему убедительное объяснение...

– Ты собираешься говорить с ним на эту тему? Фрэнки, но разумно ли это? Мы же решили, что он преступник, а коли так, значит, мы выдадим себя.

– Отнюдь. Я сделаю все иначе. В конце концов, во всем остальном он чист и вне подозрений. Мы считаем его гениальным хитрецом, но что, если это просто невинность? Если он сможет объяснить эпизод с фотографией – а я буду следить за ним во время объяснения и замечу малейший признак нерешительности или лжи, – тогда он, возможно, окажется весьма ценным союзником.

– Что ты имеешь в виду, Фрэнки?

– Дорогой мой, твоя маленькая подружка может оказаться всего-навсего паникершей, которой нравится все преувеличивать. Но предположим, что она не такая. Допустим, все сказанное ею истинная правда и муж хочет жениться на Сильвии, избавившись от нее. Разве ты не понимаешь, что в таком случае смертельная опасность грозит и Генри

Бэссингтон-ффренчу? Нам надо любой ценой помешать его отправке в Грейндж. А сейчас Роджер Бэссингтон-ффренч держит сторону Николсона.

– Молодчина, Фрэнки, – тихо сказал Бобби. – Берись за дело.

Фрэнки встала, собираясь уйти, но помедлила несколько секунд.

– Ну не странно ли, – сказала она. – Мы словно попали в книгу, в самую кульминацию какого-то романа. Удивительное это ощущение.

– Я понимаю, о чем ты, – ответил Бобби. – Тут есть что-то сверхъестественное. Я бы скорее назвал это пьесой, а не книгой. Как будто мы вышли на сцену посреди второго акта, и у нас на самом деле нет никаких ролей в пьесе, но мы вынуждены подыгрывать. Ужасно еще и то, что мы не имеем ни малейшего представления, о чем говорилось в первом акте.

Фрэнки закивала головой.

– Я даже не совсем уверена, что это второй акт. По-моему, больше похоже на третий. Бобби, я уверена, нам нужно вернуться далеко назад. И побыстрее, поскольку мне представляется, что пьеса ужасно близка к последнему занавесу.

– И везде разбросаны трупы, – сказал Бобби. – А очутились мы на сцене благодаря бессмысленной реплике из трех слов, чистейшей галиматье, насколько мы можем судить.

– «Почему не Эванс?» Не странно ли, Бобби, что мы ничуть не приблизились к загадочному Эвансу, хотя так много узнали и в игру вступили новые лица?

– У меня есть одна мысль насчет Эванса. Я чувствую, что в действительности он не играет никакой роли, что, хотя он послужил, так сказать, отправной точкой, сам по себе он совершенно несуществен. Как в том рассказе Уэллса, где принц построил чудесный дворец или храм над гробницей своей возлюбленной. А когда его закончили, оказалось, что один фрагмент все портит, нарушая гармонию. И принц велел убрать его, а это и была сама гробница.

– Иногда мне не верится, что существует какой-то там Эванс, – сказала Фрэнки и, кивнув Бобби, зашагала обратно к дому.

Глава 21

РОДЖЕР ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОС

Фрэнки повезло: рядом с домом она повстречала Роджера.

– Привет, – сказал он. – Рано же вы вернулись из Лондона.

– У меня было не столичное настроение, – ответила Фрэнки.

– Вы уже были в доме? – спросил он. Его лицо посерьезнело. – Николсон, как я узнал, рассказал Сильвии правду о бедном старине Генри. Несчастливая девочка, она так тяжело это восприняла. Похоже, она совершенно ничего не подозревала.

– Я знаю, – сказала Фрэнки. – Они оба сидели в библиотеке, когда я вошла. Она была... очень расстроена.

– Послушайте, Фрэнки, – сказал Роджер, – Генри надо вылечить во что бы то ни стало. Не думаю, чтобы он стал рабом привычки: не так уж долго он принимает наркотики. И у него есть ради чего лечиться: Сильвия, Томми, домашний очаг. Его надо как-то заставить осознать положение. Николсон – как раз тот человек, который способен на это. На днях мы с ним говорили. Он добился поразительных успехов, даже с людьми, которые много лет были рабами этого мерзкого зелья. Если бы только Генри согласился лечь в Грейндж...

– Вот что, – сказала Фрэнки, обрывая его, – я хочу вас кое о чем спросить. Всего один вопрос. Я надеюсь, вы не сочтете меня страшной нахалкой.

– Что же это за вопрос? – сразу заинтересовался Роджер.

– Не согласились бы вы сказать мне, доставали ли вы фотографию из кармана того человека, который сорвался с утеса в Марчболте?

Она внимательно следила за его лицом, подмечая малейшие изменения. И не зря: Фрэнки осталась вполне довольна увиденным. Легкая досада, едва заметное замешательство, но никаких признаков испуга или нечистой совести.

– Нет, как вы об этом догадались? – проговорил он. – Или вам сказала Мойра? Да нет, она же не знает.

– Значит, вы это сделали?

– Вероятно, придется это признать.

– А зачем?

Роджер, похоже, снова растерялся.

– Ну... поставьте себя на мое место. Я стою на страже над телом незнакомого человека. Что-то торчит у него из кармана. Я разглядываю. По какому-то удивительному совпадению это оказывается фотография женщины, которая мне знакома. Замужней женщины, причем такой, которая, как я догадываюсь, не очень счастлива в браке. А что впереди? Дознание. Разглашение. Вероятно, фамилия бедной девушки во всех газетах. Я действовал в каком-то порыве: схватил фотографию – и в ключья! Наверное, я поступил неправильно, но Мойра Николсон – такая славная девушка, и мне хотелось уберечь ее от скандала.

Фрэнки глубоко вздохнула.

– Значит, вон оно как, – сказала она. – Если б вы только знали...

– Знал что? – озадаченно спросил Роджер.

– Не уверена, могу ли сказать вам сейчас, – проговорила Фрэнки. – Пожалуй, лучше потом. Все очень усложнилось. Я понимаю, почему вы взяли фотографию, но что мешало вам сказать, что вы узнали этого человека? Разве не надо было сообщить полиции, кто он?

– Узнал его?! – Роджер казался сбитым с толку. – Как это я мог узнать его? Я его не узнал.

– Но вы же встречались с ним здесь всего недель раньше.

– Моя дорогая девочка, вы сошли с ума?

– Алан Карстэрс! Вы же встречали Алана Карстэрса?

– Ах да! Человек, который приезжал с Ривингтонами. Но ведь погибший был не Алан Карстэрс.

– Не Алан Карстэрс?!

Они уставились друг на друга, потом Фрэнки вновь подозрительно сказала:

– Вы не могли не узнать его!

– Я не видел лица, – ответил Роджер.

– Что?

– Оно было накрыто носовым платком.

Фрэнки уставилась на него. Она вдруг вспомнила, что, рассказывая ей о трагедии, Бобби упомянул, как накрыл лицо покойника носовым платком.

– И вам даже не пришло в голову посмотреть? – спросила Фрэнки.

– Нет. А зачем?

«Разумеется, – подумала Фрэнки, – если бы я нашла фотографию знакомого человека в кармане покойника, я бы непременно посмотрела на лицо этого человека. До чего же умилительно нелюбопытно мужское племя».

– Бедняжка, – сказала она. – Мне так ее жаль.

- О ком вы? О Мойре Николсон? Почему вам ее жаль?
 - Потому что она боится, – медленно сказала Фрэнки.
 - Она всегда выглядит напуганной до полусмерти. Чего она боится?
 - Своего мужа.
 - Не сказал бы, что я сам хочу иметь врагом доктора Николсона, – признался Роджер.
 - Она уверена, что он хочет убить ее, – вдруг сказала Фрэнки.
 - О боже! – Он недоверчиво посмотрел на нее.
 - Сядьте, – сказала Фрэнки. – Я о многом вам расскажу. Я должна доказать вам, что доктор Николсон – опасный преступник.
 - Преступник? – В голосе Роджера чувствовалось неприкрытое неверие.
 - Погодите, я вам сейчас все расскажу.
- Она подробно изложила ему все, что произошло с того дня, когда Бобби и доктор Томас нашли тело, умолчав лишь о том, что ее авария была подстроена. Зато она представила дело так, будто нарочно задержалась в Мерроуэй-Корт из-за желания докопаться до сути и разгадать тайну. На отсутствие интереса у ее слушателя Фрэнки посетовать не могла. Роджер, казалось, был заморожен ее рассказом.
- Неужели это правда? – спросил он. – Что этого парня Джонса отравили и все такое прочее?
 - Истинная божья правда, мой дорогой.
 - Простите мне мою недоверчивость, но ведь, чтобы переварить факты, нужно время, правда? – Он немного помолчал, нахмурившись, и наконец сказал: – Послушайте, как бы фантастически все это ни звучало, я думаю, вы правы в своем первом выводе. Этого человека – Алекса Причарда, или Алана Карстэрса, – должно быть, убили. Если нет, тогда какой смысл нападать на Джонса? Мне кажется, не имеет значения, является ли фраза «Почему не Эванс?» ключом к этому делу или нет, поскольку вы понятия не имеете, что это за Эванс и о чем его спрашивать. Давайте предположим, что убийца или убийцы считали Джонса обладателем неких сведений, представлявших для них угрозу. Неважно, был ли он таким обладателем на самом деле. Поэтому они и попытались убрать его и, возможно, попробуют снова, если напали на его след. Пока что все вроде бы звучит осмысленно, но я не понимаю, как вы додумались до того, что Николсон – преступник.
 - Он зловещая личность, и у него темно-синий «Тэлбот». И его не было здесь в тот день, когда отравили Бобби.
 - Это все не доказательства.

– Есть еще многое из того, что миссис Николсон говорила Бобби.

Фрэнки изложила кое-что из сказанного Мойрой. Произнесенные вслух на фоне мирного английского пейзажа, эти слова звучали неубедительно и мелодраматично. Роджер пожал плечами.

– Она считает, что это Николсон поставляет Генри зелье, но ведь это всего лишь предположение, которое не может служить доказательством. Мойра думает, что он хочет заполучить Генри в Грейндж в качестве пациента? Но это же естественное желание любого врача. Всем им хочется иметь как можно больше пациентов. Она думает, что он влюблен в Сильвию? Ну что ж, тут я, разумеется, ничего не могу сказать.

– Возможно, она права в своем мнении, – сказала Фрэнки. – Уж кому знать мужа, как не жене?

– Если даже допустить, что дело обстоит именно так, это вовсе не означает, что Николсон – опасный преступник. Великое множество законопослушных граждан влюбляется в чужих жен.

– А как же ее убежденность в том, что он хочет убить ее? – стояла на своем Фрэнки.

Роджер насмешливо посмотрел на нее.

– И вы принимаете это всерьез?

– Она-то как-никак в это верит.

Роджер кивнул и закурил сигарету.

– Вопрос в том, насколько серьезно отнестись к этой ее вере, – сказал он. – Что касается Грейнджа, я согласен: от тамошней обстановки мурашки по коже бегает. Там полно странных типов. От жизни в таких условиях женщина может лишиться рассудка, особенно если у нее слабые нервы и она пуглива.

– Выходит, вы считаете, что это неправда?

– Этого я не говорю. Возможно, она совершенно искренне верит, что он хочет убить ее, но есть ли для этой веры какие-то действительные основания? Похоже, нет.

Фрэнки вдруг с удивительной ясностью вспомнила слова Мойры: «Это всего лишь нервы». Но именно они почему-то убеждали девушку, что дело не в нервах. Однако Фрэнки вдруг обнаружила, что не знает, как объяснить это Роджеру.

Молодой человек тем временем продолжал:

– Поймите, что, если бы вы могли доказать, что в день трагедии на утесе Николсон был в Марчболте, это было бы совсем другое дело. Или же если бы мы могли найти какой-то определенный мотив, связывающий его с Карстэрсом. Но мне кажется, что вы совершенно забываете о настоящих

подозреваемых.

– Каких настоящих подозреваемых?

– Ну, этих, как их там... Хейменах.

– Кейменах.

– Вот-вот. Они-то уж наверняка замешаны в этом деле. Во-первых, ложное опознание тела. Затем это их настойчивое желание узнать, не сказал ли бедняга чего перед смертью. И я думаю, вполне логично предположить, как вы уже сделали, что приглашение в Буэнос-Айрес пришло через них или было устроено ими.

– Обидно, когда тебя отчаянно стараются убрать, потому что думают, что ты что-то знаешь, а ты и сам при этом не знаешь, что ты такого знаешь. Черт побери, как же можно запутаться в словах! – воскликнула Фрэнки.

– Да, – мрачно сказал Роджер, – это была ошибка с их стороны. Ошибка, на исправление которой им понадобится столько времени, что может и не хватить.

– Ой! – вскричала Фрэнки. – Мне только что пришло в голову. Понимаете, до сих пор я предполагала, что фотография миссис Кеймен подложена вместо фотографии Мойры Николсон.

– Могу заверить вас, – торжественно сказал Роджер, – что я никогда не носил у сердца образ какой-то там миссис Кеймен. Эко сокровище! Судя по всему, она довольно противное создание.

– Она по-своему симпатичная, – сказала Фрэнки. – В том смысле, что она вела себя дерзко и была способна увлечь. Но суть вот в чем: у Карстэrsa, наверное, была при себе и ее фотография, а не только снимок миссис Николсон.

Роджер кивнул.

– И вы думаете... – начал он.

– Я думаю, что одну женщину он любил, а фото другой было нужно ему для дела. Он носил его при себе с какой-то целью. Возможно, хотел показать кому-то для опознания. И вот что произошло: кто-то, вероятно сам Кеймен, отправился следом за Карстэрсом и, улучив минуту, подкрался к нему в тумане и толкнул в спину. Карстэрс с испуганным криком летит вниз. Кеймен спешно смывается: он ведь не знает, кто может оказаться поблизости. Можно предположить, что ему неизвестно о лежащей в кармане Карстэrsa фотографии. Что же происходит потом? Фотографию публикуют в газетах...

– Клан Кейменов в панике, – подбросил Роджер.

– Вот именно. Что делать? Храбрый уже наполовину спасен. Кто знает, что Карстэрс – это Карстэрс? В Англии, наверное, никто. Появляется

миссис Кеймен, льет крокодиловы слезы и признает в усопшем брата, выдуманного для собственной выгоды. Они также проделывают небольшой фокус-покус с отправкой посылок, чтобы подтвердить заявление о туристском походе Причарда.

– Вы знаете, Фрэнки, по-моему, это просто блестяще, – с восхищением сказал Роджер.

– Я и сама считаю, что замысел хорош, – сказала Фрэнки. – И вы совершенно правы: нам надо пойти по следу Кейменов. Не знаю даже, почему мы не занялись этим раньше.

Это было не совсем так, поскольку Фрэнки знала почему. Потому что они выслеживали самого Роджера. Но она чувствовала, что признаваться в этом сейчас было бы бестактно.

– А как нам быть с миссис Николсон? – вдруг спросила она.

– Что вы имеете в виду?

– Ведь бедняжка напугана до смерти. Я и впрямь думаю, что он жесток с ней, Роджер.

– А я, право же, нет. Но люди, которые не в состоянии сами позаботиться о себе, всегда раздражали меня. Окажись на ее месте вы, Фрэнки, уж наверняка что-нибудь придумали бы, – неожиданно добавил Роджер.

– О-о! – Фрэнки была явно застигнута врасплох.

– Да, придумали бы. Если бы вы действительно знали, что вас собираются убить, вы не сидели бы и не ждали трусливо, когда это случится. Вы бы убежали и как-нибудь устроились в жизни или сами первая убили бы этого человека. Уж вы-то знали бы, что делать!

Фрэнки попыталась представить себе, что бы она сделала.

– Да, я бы уж наверняка не сидела сложа руки.

– Дело в том, что вы храбрая, а она нет, – твердо сказал Роджер.

Фрэнки почувствовала себя польщенной. Мойра Николсон не принадлежала к тому типу женщин, которым она восхищалась. К тому же она чувствовала себя несколько задетой тем интересом, который проявлял к Мойре Бобби. «Бобби, – подумала она, – нравятся беспомощные». Ей на память пришло то непонятное восхищение, которое с самого начала вызывала у него эта фотография. «Ну что ж, – подумала Фрэнки, – во всяком случае, Роджер не такой». Ему беспомощные не нравятся, это ясно. Мойра, в свою очередь, тоже была явно невысокого мнения о Роджере. Она называла его слабаком и с презрением заметила, что у него кишка тонка кого-то там убить. Возможно, он и слаб, но уж в обаянии ему не откажешь. Это Фрэнки почувствовала, едва прибыв в Мерроуэй-Корт.

Роджер тихо сказал:

– Вы могли бы из мужчин веревки вить, пожелай вы этого, Фрэнки.

Девушка почувствовала трепетный восторг и смущение. Она поспешно сменила тему разговора:

– Ну так как с вашим братом? Вы по-прежнему считаете, что ему следует лечь в Грейндж?

Глава 22

НОВАЯ ЖЕРТВА

– Нет, – сказал Роджер, – не считаю. В конце концов, есть уйма других заведений, где его могут вылечить. Что действительно важно, так это добиться согласия Генри.

– Вы думаете, это будет трудно?

– Боюсь, что да. Вы слышали, что он сказал накануне вечером. С другой стороны, если нам удастся застать его в покаянном настроении, это будет совсем другое дело. Ага, вон идет Сильвия.

Миссис Бэссингтон-френч вышла из-за угла дома и огляделась по сторонам, затем, заметив Роджера и Фрэнки, зашагала к ним через лужайку. Они увидели, что она в сильной тревоге и волнении.

– Роджер, – заговорила она, – я тебя обыскала. – Потом, заметив, что Фрэнки порывается уйти, она добавила: – Нет, моя дорогая, останьтесь. Что толку скрывать? Во всяком случае, я полагаю, что вы знаете все, что стоит знать об этом, правда?

Фрэнки кивнула.

– Как же я была слепа, – с горечью сказала Сильвия. – Вы оба видели, что я ничего не подозревала. Я лишь гадала, почему Генри так изменился в своем отношении ко всем нам. Это причиняло мне боль, но я не подозревала, в чем дело. – Она помолчала, потом продолжала немного изменившимся тоном: – Как только доктор Николсон сказал мне правду, я пошла прямо к Генри. Я только что от него. – Она замолчала, подавляя рыдания. – Роджер, все будет в порядке. Он согласился. Завтра он пойдет в Грейндж и вверит себя доктору Николсону.

– О нет! – Это восклицание одновременно вырвалось из уст Роджера и Фрэнки.

Сильвия удивленно посмотрела на них.

– Ты знаешь, Сильвия, – неловко заговорил Роджер, – я все обдумал и считаю, что, в конце концов, Грейндж был бы не лучшим вариантом.

– Ты думаешь, Генри может справиться с болезнью сам? – с сомнением спросила Сильвия.

– Нет, не думаю. Но ведь есть и другие лечебницы, ну... которые не так близко. Я убежден, что оставаться в этом округе было бы ошибкой.

– Я в этом уверена, – сказала Фрэнки, приходя ему на помощь.

– О, я не согласна, – возразила Сильвия. – Я бы не вынесла его отъезда. А доктор Николсон проявил участие и понимание. Я буду рада знать, что Генри на его попечении.

– Я думал, ты недолюбливаешь Николсона, Сильвия, – сказал Роджер.

– Я изменила свое мнение, – просто ответила она. – Никто не мог бы быть любезнее и добрее, чем он сегодня пополудни. Мое глупое предубеждение против него исчезло без следа.

Наступило минутное молчание. Положение было щекотливое. Ни Роджер, ни Фрэнки не знали, что и сказать.

– Бедный Генри, – проговорила Сильвия. – Он сломался. Он ужасно расстроился, когда я все узнала. Он согласился, что ради меня и Томми должен бороться с этой ужасной привычкой, но заявил, что я и понятия не имею, что это значит. Наверное, это действительно так, хотя доктор Николсон объяснил все достаточно полно. Это становится каким-то наваждением; люди не отвечают за свои действия, так он сказал. Ах, Роджер, это так ужасно. Но доктор Николсон был очень добр. Я ему доверяю.

– И все равно, я думаю, было бы лучше... – начал Роджер.

Сильвия повернулась к нему.

– Я тебя не понимаю, Роджер. Почему ты передумал? Полчаса назад ты обеими руками был за то, чтобы Генри лег в Грейндж.

– Ну, я... С тех пор у меня было время как следует обдумать это дело.

Сильвия снова прервала его:

– Во всяком случае, я приняла решение. Генри ляжет только в Грейндж и никуда больше.

Они молча смотрели на нее, потом Роджер сказал:

– Делай как знаешь. Пожалуй, я позвоню Николсону. Он сейчас должен быть дома. Я хотел бы... просто поговорить с ним о делах.

Не дожидаясь ее ответа, он повернулся и быстро вошел в дом. Две женщины стояли, глядя ему вслед.

– Не могу понять Роджера, – сердито сказала Сильвия. – С четверть часа назад он чуть ли не уговаривал меня положить Генри в Грейндж. – В ее тоне слышалась отчетливая гневная нотка.

– И все равно, – сказала Фрэнки, – я с ним согласна. Я где-то читала, что для лечения людям следует всегда уезжать подальше от дома.

– Я думаю, это чистейший вздор, – сказала Сильвия.

Фрэнки чувствовала, что стоит перед дилеммой. Неожидаемое упрямство Сильвии осложняло дело, к тому же она вдруг, похоже, превратилась из ярой противницы Николсона в его горячую сторонницу.

Фрэнки не знала, что и сказать. Может быть, поведать Сильвии всю историю с начала до конца? Но поверит ли она? Даже Роджер отнесся к ее версии о Николсоне без воодушевления. А Сильвия и подавно не захочет слушать, коль скоро она так вспылала к доктору. Она даже может пойти и передать ему все. Да, задачка...

Сильвия подняла голову и проводила глазами аэроплан, который с ревом пронесся над домом, потом резко повернулась к Фрэнки.

– Это было так ужасно, – с надрывом сказала она. – А вы все, похоже, хотите отправить Генри подальше от меня.

– Нет-нет, – возразила Фрэнки, – дело совсем не в этом. – Она огляделась по сторонам. – Дело в том, что, по моему мнению, он должен получить наилучшее лечение. А я действительно считаю, что доктор Николсон немного... ну, немного шарлатан.

– Я этому не верю, – сказала Сильвия. – Я считаю, что он очень умен и как раз такой человек, который нужен Генри.

Она с вызовом посмотрела на Фрэнки, и та подивилась тому, как Николсон сумел за столь короткое время пленить ее. Прежнего недоверия к этому человеку как не бывало. Фрэнки в растерянности умолкла. Вскоре из дома вышел Роджер. Он казался слегка запыхавшимся.

– Николсона еще нет, – сказал он. – Я просил ему передать.

– Не понимаю, зачем тебе срочно понадобился доктор Николсон, – сказала Сильвия. – Ты предложил этот вариант, все устроено, и Генри согласился.

– Я думаю, что тоже имею право голоса в этом деле, Сильвия, – мягко сказал Роджер. – В конце концов, я брат Генри.

– Ты сам предложил этот вариант, – упрямо сказала Сильвия.

– Да, но с тех пор я кое-что прослышал о Николсоне.

– Что именно? О, я тебе не верю! – Она закусила губу, повернулась и вошла в дом.

Роджер посмотрел на Фрэнки.

– Неловко получилось, – сказал он.

– Да уж куда хуже.

– Стоит Сильвии принять решение, и она становится упрямой как дьявол.

– Что будем делать?

Они снова сели на садовую скамейку и тщательно все обсудили. Роджер согласился, что было бы ошибкой посвящать во все Сильвию. Лучше, по его мнению, было потолковать с доктором.

– Но что именно мы ему скажем?

– Не думаю, что много скажу вслух, но на многое намекну. Во всяком случае, в одном я с вами согласен: Генри не должен ложиться в Грейндж. Даже если нам придется раскрыться, мы все равно должны помешать этому.

– Поступив так, мы сразу выдадим себя, – напомнила ему Фрэнки.

– Я знаю. Именно поэтому нам надо сначала попробовать другие пути. Черт бы побрал эту Сильвию, почему она как раз сейчас заупрямилась?

– Вот вам доказательство силы этого человека, – сказала Фрэнки.

– Да, вы знаете, из-за одного этого я склонен думать, что вы правы в отношении доктора, независимо от того, есть у нас доказательства или нет... О, что это?

Они вскочили на ноги.

– Похоже на выстрел, – сказала Фрэнки. – В доме.

Они переглянулись и опрометью бросились к дому.

Ворвавшись через французское окно в гостиную, они прошли в холл, где стояла Сильвия Бэссингтон-френч с белым, как лист бумаги, лицом.

– Вы слышали? – спросила она. – Это был выстрел. В кабинете Генри. – Сильвия покачнулась, и Роджер обхватил ее рукой, чтобы она не упала.

Фрэнки подошла к двери кабинета и повернула ручку.

– Заперто, – сказала она.

– Окно, – предложил Роджер.

Он опустил полубесчувственную Сильвию на кушетку и снова выбежал через французское окно гостиной. Фрэнки следовала за ним по пятам. Они обогнули дом и оказались возле окна кабинета. Оно было заперто, но они приникли к стеклу и заглянули внутрь. Солнце уже садилось, и света не хватало, но видимость была неплохая.

Генри Бэссингтон-френч лежал распростертый на своем письменном столе. На виске отчетливо виднелось отверстие от пули, револьвер выпал из руки Генри и валялся на полу.

– Он застрелился! – вскричала Фрэнки. – Какой ужас!

– Отойдите немного назад, – сказал Роджер. – Я разобью стекло.

Он обмотал руку пиджаком и сильным ударом разбил окно, потом тщательно выбрал осколки, и только тогда они с Фрэнки шагнули в комнату. В этот миг с террасы быстрым шагом подошли Сильвия и доктор Николсон.

– Вот доктор, – сказала Сильвия. – Он только что пришел. С Генри... что-нибудь случилось?

Тут она увидела распростертое тело и вскрикнула. Роджер быстро

вышел через окно на улицу, и доктор Николсон передал ему Сильвию.

– Уведите ее, – бросил он. – И присмотрите за ней. Дайте бренди, если она сможет его выпить. Постарайтесь, чтобы она видела как можно меньше. – С этими словами он вошел в комнату через окно и присоединился к Фрэнки. – Трагедия, – сказал он, медленно качая головой. – Бедняга. Значит, он чувствовал, что не вынесет этой музыки. Жаль. Очень жаль. – Он склонился над телом и снова выпрямился. – Ему уже не поможешь. Смерть, должно быть, наступила мгновенно. Интересно, не оставил ли он записки? Обычно самоубийцы оставляют.

Фрэнки шагнула вперед и поравнялась с доктором. Под локтем Генри лежал клочок бумаги с несколькими нацарапанными на нем словами, очевидно, только что написанными. Их смысл был вполне ясен.

«Я полагаю, это лучший выход, – писал Генри Бэссингтон-френч. – Моя роковая привычка приобрела слишком большую власть надо мной, и я не могу бороться с ней сейчас. Хочу сделать лучшее, что могу, для Сильвии и Томми. Благослови вас обоих Господь, мои дорогие. Простите меня».

Фрэнки почувствовала, как к горлу подкатил комок.

– Нельзя ничего трогать, – сказал доктор Николсон. – Разумеется, будет дознание. Мы должны позвонить в полицию.

Повинуясь его жесту, Фрэнки направилась к двери, но остановилась.

– В замке нет ключа, – сказала она.

– Нет? Возможно, он в кармане у покойного. – Доктор наклонился, осторожно ощупал карманы пиджака и вытащил какой-то ключ. Тот подошел к замку. Фрэнки и Николсон вернулись в холл, и доктор тотчас взялся за телефон. У Фрэнки подкашивались ноги. Она почувствовала внезапный приступ дурноты.

Глава 23

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МОЙРЫ НИКОЛСОН

Полчаса спустя Фрэнки позвонила Бобби.

– Это Хоскинс? Привет, Бобби, ты слышал, что случилось? Слышал? Быстрее, мы должны где-то встретиться. Пожалуй, лучше всего будет завтра рано утром. Я пойду гулять перед завтраком. Скажем, в восемь часов на том же месте, где мы встречались сегодня.

Она повесила трубку, когда Бобби в третий раз уважительно произнес для чьих-то любопытных ушей: «Да, ваша светлость».

Бобби пришел на встречу первый, но Фрэнки не заставила долго себя ждать. Она была бледна и казалась расстроенной.

– Привет, Бобби. Ну не ужас ли? Я всю ночь глаз не сомкнула.

– Я не слышал подробностей, – сказал Бобби. – Знаю лишь, что мистер Бэссингтон-ффренч застрелился. Это правда, я полагаю?

– Да. Сильвия разговаривала с ним, убеждала согласиться на курс лечения, и он обещал. Но потом, я думаю, утратил присутствие духа. Он пошел в кабинет, запер дверь, написал несколько слов на листке бумаги и... застрелился. Бобби, это так ужасно. Это... жестоко. Мрак какой-то!

– Я знаю, – тихо сказал Бобби.

Они помолчали.

– Сегодня мне, разумеется, придется уехать, – сказала Фрэнки чуть погодя.

– Да, пожалуй, придется. Как она? Я имею в виду миссис Бэссингтон-ффренч.

– Она лишилась чувств, бедная душа. Я ее не видела с тех пор... с тех пор, как мы нашли тело. Наверное, для нее это был страшный удар.

Бобби кивнул.

– Ты бы подогнал машину часам к одиннадцати, – попросила Фрэнки. Бобби не ответил. Фрэнки в нетерпении посмотрела на него. – Что с тобой, Бобби? У тебя такой вид, будто ты блуждаешь мыслями за много миль отсюда.

– Прости. Собственно говоря... Ну, я просто хотел бы знать. Я полагаю... ну, я полагаю, все чисто?

– Что ты имеешь в виду?

– Он действительно покончил с собой? Это железно?

– О-о! – протянула Фрэнки. – Понятно. – Она подумала с минуту и сказала: – Да, это было самоубийство, как пить дать.

– Ты совершенно уверена? Видишь ли, Фрэнки, по словам Мойры, доктор Николсон хотел устранить двух человек. Так вот, одного из них уже нет.

Фрэнки снова задумалась, но потом покачала головой.

– Это, должно быть, самоубийство, – сказала она. – Я была в саду с Роджером, когда мы услышали выстрел. Мы пробежали через гостиную в холл. Дверь кабинета была закрыта изнутри. Мы обогнули дом и подошли к окну. Оно тоже было заперто изнутри, и Роджеру пришлось разбить его. И только тогда на месте происшествия появился Николсон.

Бобби поразмыслил над ее словами.

– Вроде все верно, – согласился он. – Но Николсон, похоже, появился там весьма неожиданно.

– Он забыл в доме трость, и ему пришлось вернуться за ней.

Бобби нахмурился и усиленно размышлял.

– Послушай, Фрэнки, а что, если на самом деле Николсон застрелил Бэссингтон-ффренча?

– Уговорив сначала написать прощальное письмо?

– Я думаю, нет ничего легче, чем подделать его. Изменение почерка отнесли бы на счет волнения.

– Что верно, то верно. Ну-ну, продолжай, мысль интересная.

– Николсон убивает Бэссингтон-ффренча, оставляет прощальное письмо и смывается, заперев дверь, а несколько минут спустя появляется снова, как будто только что пришел.

Фрэнки с досадой покачала головой.

– Допадка неплохая, но ничего не выйдет. Во-первых, ключ был в кармане у Бэссингтон-ффренча...

– Кто его там нашел?

– Да Николсон же и нашел!

– Ну вот. Прикинуться, что ты отыскал ключ в кармане, – пара пустяков.

– Ты забыл, что я следила за ним. Я уверена: ключ был в кармане.

– Именно так и говорит человек, наблюдающий за фокусником: «Я видел, как кролика вынимают из шляпы!» Если Николсон – преступник высокого класса, ему ничего не стоит проявить такую ловкость рук.

– Может быть, тут ты и прав, но, честно говоря, Бобби, такое просто невозможно. Сильвия Бэссингтон-ффренч сама была в доме, когда раздался выстрел. Едва услышав его, она выбежала в холл. Если б Николсон

выстрелил и вышел через дверь кабинета, она бы непременно его увидела. Кроме того, она сказала нам, что он приблизился к дому по подъездной аллее. Она видела, как он шел. Когда мы забежали за дом, она пошла ему навстречу и привела его к окну кабинета. Нет, Бобби, как это ни огорчительно, но у Николсона алиби.

– Я принципиально не верю людям, у которых есть алиби, – сказал Бобби.

– Я тоже. Но я не вижу способа опровергнуть это алиби.

– Да. Сильвии поверят на слово.

– Уж это точно.

– Значит, придется согласиться, что это самоубийство. – Бобби вздохнул. – Бедняга... На каком фронте мы теперь наступаем?

– Кеймены, – отвечала Фрэнки. – Не знаю даже, как мы могли упустить их из виду? У тебя остался адрес, с которого Кеймен написал тебе, так ведь?

– Да. Тот же самый, какой они сообщили на дознании. Сент-Леонардс-Гарденз, 17, Паддингтон.

– Ты согласен, что мы не уделили должного внимания этой стороне дела?

– Всецело. Но, знаешь ли, Фрэнки, я почти на сто процентов уверен, что ты застанешь гнездо уже пустым. По-моему, Кеймены – не младенцы.

– Даже если они и умотали, я, возможно, что-нибудь о них разужнаю.

– Почему ты говоришь «я»?

– Потому что я снова считаю, что тебе лучше не высвечиваться. Точно так же, как и тогда, когда мы думали, что преступник – Роджер, и собирались сюда. Тебя они знают, а меня нет.

– И как же ты собираешься с ними познакомиться? – спросил Бобби.

– Я буду играть в политику, – сказала Фрэнки. – Призывать голосовать за кандидата от тори. Я приду к ним с листовками.

– Неплохо, – сказал Бобби. – Но, как я уже говорил, ты увидишь, что птички улетели. Теперь нужно позаботиться о Мойре.

– Боже мой! – воскликнула Фрэнки. – Я совсем о ней забыла.

– Я это заметил, – с некоторой холодностью сказал Бобби.

– Ты прав, – задумчиво сказала Фрэнки, – с ней надо что-то делать.

Бобби кивнул. Этот странный неотвязный образ встал перед его мысленным взором. В нем было что-то трагическое. Он всегда это чувствовал, с того самого первого мгновения, когда вытащил фотографию из кармана Алана Карстэрсa.

– Видела бы ты ее в тот вечер, когда я впервые пошел в Грейндж! –

сказал он. – Она была вне себя от страха, и, скажу тебе, Фрэнки, она права: это не нервы и не фантазии или что-нибудь такое. Если Николсон хочет жениться на Сильвии Бэссингтон-френч, должны быть устранены два препятствия. Одного уже нет. У меня такое чувство, что жизнь Мойры висит на волоске и что любое промедление может оказаться роковым.

Серьезность его слов отрезвила Фрэнки.

– Мой дорогой, ты прав, – сказала она. – Мы должны действовать быстро. Что будем делать?

– Надо убедить ее покинуть Грейндж. Немедленно.

Фрэнки кивнула.

– Я вот что тебе скажу. Ей лучше уехать в Уэльс, в наш Замок. Видит бог, там она была бы в безопасности.

– Лучше ничего не придумашь, если ты сумеешь это устроить.

– Ну, это довольно просто. Отец никогда не замечает, кто приезжает и уезжает. Мойра ему понравится, она бы понравилась любому мужчине. Такая женственная. Просто поразительно, до чего мужчины любят беспомощных женщин.

– Не думаю, что Мойра такая уж беспомощная, – сказал Бобби.

– Вздор. Она как маленькая птичка, которая сидит и ждет, когда ее проглотит змея, а сама ничего не предпринимает.

– А что она может сделать?

– Да мало ли чего, – задумчиво сказала Фрэнки.

– Ну, я не знаю. У нее нет денег, нет друзей...

– Не бубни, мой дорогой. Ты ведь не рекомендуешь нового члена в общество покровительства девушкам.

– Прости, – сказал Бобби.

Фрэнки обиженно молчала.

– Ладно, – сказала она, приходя в себя, – я думаю, нам лучше не мешкая заняться этим делом.

– Я тоже, – согласился Бобби. – Нет, правда, Фрэнки, это ужасно мило с твоей стороны, что ты...

– Оставь, – оборвала его девушка. – Я ничего не имею против дружбы с женщиной, если только ты не будешь распускать нюни, говоря о ней. Можно подумать, у нее нет ни рук, ни ног, ни языка, ни мозгов.

– Я просто не понимаю тебя, – пробормотал Бобби.

– Ладно, не будем об этом, – сказала Фрэнки. – Итак, что бы мы ни решили, надо поторапливаться, я так думаю. Это какая-то цитата?

– Это вольное изложение цитаты. Продолжайте, леди Макбет.

– Ты знаешь, – заговорила Фрэнки, ни с того ни с сего уходя от темы, –

я всегда считала, что леди Макбет побуждала мужа совершать все эти убийства просто потому, что ей смертельно наскучила жизнь, как, впрочем, и сам Макбет. Я уверена, он был из тех кротких безобидных дядюшек, которые занудством доводят жен до умопомрачения. Но, совершив первое убийство в своей жизни, он возомнил себя эдаким удальцом и заразился манией величия, возместившей прежний комплекс неполноценности.

– Тебе бы следовало написать об этом книгу, Фрэнки.

– У меня плохо с правописанием. Ну, так на чем мы остановились? Ах да, спасение Мойры. Ты лучше подай машину в половине одиннадцатого. Я подъеду к Грейнджу, спрошу Мойру, а если при нашей встрече будет присутствовать Николсон, я напому, что она обещала погостить у меня, и тут же ее увезу.

– Превосходно, Фрэнки, я рад, что мы не теряем времени зря. Боюсь, как бы не случилось еще одно несчастье.

– Значит, в половине одиннадцатого.

Она вернулась в Мерроуэй-Корт в половине десятого. Только что подали завтрак, и Роджер наливал себе кофе. Он выглядел больным и изнуренным.

– Доброе утро, – сказала Фрэнки. – Я ужасно плохо спала. В конце концов часов в семь поднялась и вышла прогуляться.

– Мне ужасно неприятно, что вам пришлось пережить все эти волнения, – сказал Роджер.

– Как Сильвия?

– Вечером ей дали снотворное с опиумом. Она еще спит, я думаю. Бедная девочка, мне так жаль ее. Она была предана Генри.

– Я знаю. – Фрэнки помолчала, потом сообщила о намеченном отъезде.

– Ну еще бы, я полагаю, вам надо ехать, – обиженно сказал Роджер. – Дознание в пятницу. Если понадобится, я вам сообщу. Все зависит от судебного медика. – Он проглотил кусок поджаренного хлеба, запил кофе и ушел заниматься многочисленными делами.

Фрэнки было жаль его. Она прекрасно понимала, сколько любопытства и сплетен вызывает самоубийство в семье. Появился Томми, и она принялась развлекать ребенка.

Бобби пригнал машину в половине одиннадцатого, багаж Фрэнки вынесли из дома. Она попрощалась с Томми и оставила записку для Сильвии. «Бентли» уехал.

До Грейнджа добрались очень быстро. Фрэнки никогда прежде там не была и, увидев большие железные ворота и буйно разросшиеся кусты,

почувствовала себя угнетенной.

– Страшное это место, – заметила она. – Не удивляюсь, что Мойре здесь мерещится всякая жуть.

Они подъехали к парадной двери. Бобби вышел и позвонил. Ответа долго не было. Наконец открыла женщина в халате сиделки.

– Миссис Николсон дома? – спросил Бобби.

Женщина заколебалась, потом отступила в прихожую и приоткрыла дверь пошире. Фрэнки выскочила из машины и вошла в дом. Дверь за ней закрылась с противным дробным стуком. Фрэнки обратила внимание на массивные замки и засовы и почувствовала безотчетный страх, как будто она была узницей этого зловещего дома.

«Вздор, – сказала она себе. – На дворе в машине сидит Бобби. Я пришла сюда совершенно открыто. Со мной ничего не может случиться». И, подавив это нелепое чувство, она последовала за сиделкой вверх. Сиделка отворила какую-то дверь в длинном коридоре, и Фрэнки вошла в небольшую гостиную, изысканно обставленную мебелью в веселых ситцевых чехлах и убранную вазами с цветами. Настроение у нее поднялось. Пробормотав что-то себе под нос, сиделка удалилась. Прошло минут пять, потом дверь открылась, и появился доктор Николсон.

Фрэнки не смогла сдержать легкую нервную дрожь, но спрятала ее за приветливой улыбкой и пожала доктору руку.

– Доброе утро, – сказала она.

– Доброе утро, леди Фрэнсес. Надеюсь, вы пришли не с дурной вестью о миссис Бэссингтон-френч?

– Она еще спала, когда я уехала, – сказала Фрэнки.

– Бедная женщина. Вероятно, ее врач присматривает за ней?

– О да! – Она помолчала. – Вы наверняка заняты. Я не должна отнимать у вас время, доктор Николсон. Вообще-то я заехала повидать вашу супругу.

– Повидать Мойру? Это очень мило с вашей стороны.

Померещилось ей или впрямь бледно-голубые глаза за толстыми стеклами едва заметно посуровели?

– Да, – повторил он. – Это очень любезно.

– Если она еще не встала, – сказала Фрэнки, мило улыбаясь, – я посижу и подожду.

– О, она встала, – ответил доктор Николсон.

– Хорошо, – обрадовалась Фрэнки. – Я хочу уговорить ее поехать погостить у меня. Она сама обещала. – Девушка вновь улыбнулась.

– Нет, право, это и впрямь очень мило с вашей стороны, леди Фрэнсес,

право, очень мило. Я уверен, Мойра была бы рада.

– Была бы? – резко спросила Фрэнки.

Доктор Николсон улыбнулся, показывая ровный ряд прекрасных белых зубов.

– К сожалению, сегодня утром моя жена уехала.

– Уехала? – с глупым видом переспросила Фрэнки. – Куда же?

– О, просто сменить обстановку. Вы же знаете женщин, леди Фрэнсес. Здесь довольно мрачное место для молодой дамы. Иногда Мойре хочется немного проветриться, и тогда она уезжает.

– И вы не знаете, куда она уехала? – спросила Фрэнки.

– Я полагаю, в Лондон. Магазины, театры – вам это знакомо.

Фрэнки почувствовала, что в жизни не видела ничего противнее этой улыбочки.

– Сегодня я уезжаю в Лондон, – небрежно сказала она. – Вы дадите ее адрес?

– Обычно она останавливается в «Савое», – сказал доктор Николсон. – Так или иначе, я, вероятно, получу от нее весточку завтра-послезавтра. Боюсь, она не очень сильна в переписке, а я исповедую полную свободу в отношениях между мужем и женой. Но я полагаю, что вы непременно отыщете ее в «Савое».

Он придержал дверь, и Фрэнки вдруг почувствовала его рукопожатие, а потом поняла, что доктор провожает ее к парадной двери, возле которой стояла медсестра, готовая выпустить ее. Наконец она услышала учтивый и, возможно, чуть ироничный голос доктора Николсона:

– Было очень любезно с вашей стороны позаботиться о моей жене и пригласить ее в гости, леди Фрэнсес.

Глава 24

ПО СЛЕДУ КЕЙМЕНОВ

Бобби пришлось попотеть, чтобы сохранить свое шоферское безразличие, когда Фрэнки вышла одна. Помня о сиделке, девушка бросила:

– Обратно в Стейверли, Хоскинс.

Машина плавно прошла по аллее и миновала ворота. Затем, когда они добрались до свободного отрезка дороги, Бобби остановился и вопросительно посмотрел на свою спутницу.

– Ну так что там?

Фрэнки чуть побледнела.

– Бобби, мне это не нравится. Кажется, она уехала.

– Уехала?! Сегодня утром?

– Или вчера вечером.

– Не сказав нам ни слова?

– Бобби, я этому просто не верю. Этот человек лгал, я убеждена.

Бобби стал бледнее мела.

– Опоздали! Какие же мы были идиоты! Нельзя было вчера отпустить ее домой.

– Ты ведь не думаешь, что она умерла? – прошептала Фрэнки дрожащим голосом.

– Нет, – твердо ответил Бобби, будто пытаясь убедить в этом самого себя. Они помолчали, потом Бобби, уже более спокойно, изложил свою точку зрения: – Она должна быть еще жива. В противном случае надо избавляться от тела и все такое прочее. Ее смерть должна выглядеть естественной и случайной. Нет, ее либо увезли куда-то против воли, либо – и я в это верю – она все еще там.

– В Грейндже?

– В Грейндже.

– Ну, – сказала Фрэнки, – и что же нам делать?

Бобби поразмыслил.

– Не думаю, чтобы ты могла что-то сделать, – сказал он наконец. – Тебе лучше возвратиться в Лондон. Ты предложила выследить Кейменов, вот и не оставляй это дело.

– О Бобби!

– Моя дорогая, здесь от тебя мало проку. Тебя уже хорошо знают. Ты объявила, что уезжаешь, так что ты можешь сделать? Остаться в Мерроуэй-Корт? Въехать в «Энглерс-Армз»? Бесполезно. Все в округе начнут чесать языки. Нет, ты должна уехать. Николсон может подозревать, но не может быть уверен, что ты что-то знаешь. Ты возвращаешься в город, а я остаюсь.

– В «Энглерс-Армз»?

– Нет, я думаю, твоему шоферу пора исчезнуть. Моя квартира теперь будет в Эмбледевере, в десяти милях отсюда, и, если Мойра все еще в этом мерзком доме, я ее найду.

Фрэнки немного поколебалась.

– Бобби, ты будешь осторожен?

– Я буду хитер, как змея.

Скрепя сердце Фрэнки согласилась. Бобби привел довольно разумные доводы. От нее здесь больше не было никакого проку. Бобби довез ее до города, и Фрэнки, войдя в дом на Брук-стрит, вдруг почувствовала себя покинутой.

Но Фрэнки была не из тех, кто сидит сложа руки. В три часа пополудни модно, но неброско одетая женщина в пенсне, озабоченно хмурясь, приближалась к Сент-Леонардс-Гарденз, держа в руках листовки и кипу бумаг.

Сент-Леонардс-Гарденз в Паддингтоне представлял собой группу откровенно унылых домов, большей частью полуразвалившихся. Здесь царил атмосфера предместья, пережившего свои лучшие дни. Фрэнки шла по улице, разглядывая номера. Вдруг она остановилась и встревоженно нахмурилась. На доме № 17 висела дощечка с объявлением, что дом продается или сдается внаем без мебели. Фрэнки тут же избавилась и от пенсне, и от серьезного выражения лица. Похоже было, что политический агитатор не потребуется. На дощечке стояли фамилии нескольких агентов по продаже недвижимости. Фрэнки выбрала две и записала их. Затем, выработав план кампании, она принялась приводить его в исполнение.

Первыми агентами были господа Гордон и Портер с Прейд-стрит.

– Доброе утро, – сказала Фрэнки, входя к ним на другой день. – Я хотела бы знать, нет ли у вас адреса некоего мистера Кеймена? До недавних пор он проживал в доме № 17 на Сент-Леонардс-Гарденз.

– Совершенно верно, – сказал молодой человек, к которому обратилась Фрэнки. – Только ведь очень недолго, не так ли? Вообще-то мы представляем владельцев. Мистер Кеймен снял этот дом на квартал, так как со дня на день ждал назначения за границу. Вероятно, оно состоялось?

– Значит, у вас нет его адреса?

- Боюсь, что так. Он отметился у нас, и все.
- Но у него, вероятно, был какой-то адрес, когда он снимал этот дом?
- Какой-то отель... По-моему, это был отель у вокзала Паддингтон, принадлежащий большой Западной железнодорожной компании.
- Может, его кто-то рекомендовал? – предположила Фрэнки.
- Он уплатил за дом за квартал вперед и внес задаток за свет и газ.
- О-о! – протянула Фрэнки, скрывая отчаяние. Она заметила, что молодой человек с любопытством разглядывает ее. Агенты по продаже недвижимости – мастера определять «класс» клиентов. Очевидно, ему показалось немного странным, что Фрэнки интересуется Кейменами.
- Он должен мне крупную сумму, – солгала девушка.

Молодой человек был явно шокирован. Преисполнившись сочувствия к расстроенной красавице, он принялся перерывать груды писем и сделал все, что мог, но не отыскал ни теперешнего, ни предыдущего места обитания мистера Кеймена. Фрэнки поблагодарила его и удалилась. До следующей конторы агентов по продаже недвижимости она добралась на такси. Фрэнки не стала тратить время на повторение пройденного. В первой конторе Кейменам сдали дом, в этой будут рады сдать его снова в интересах владельца. Фрэнки попросила разрешение на осмотр. Видя удивление на лице клерка, она объяснила, что ей нужен дешевый дом под общежитие для девушек. Выражение удивления исчезло, и Фрэнки покинула контору с ключом к дому № 17 в руках. Она уносила ключи еще от двух домов, осматривать которые не имела ни малейшего желания, и получила разрешение на осмотр еще и четвертого дома.

Слава богу, клерк не изъявил желания сопровождать ее, а впрочем, они могут делать это, только когда речь идет о сдаче меблированного дома.

Когда Фрэнки отворила парадную дверь, ей в нос ударил заплесневелый, затхлый дух запертого дома. Это было весьма неприглядное жилище с дешевой отделкой, облупившейся грязной краской. Фрэнки старательно обшарила его от подвала до чердака. Уезжая, жильцы не навели порядок: везде валялись обрывки шпагата и старых газет, гвозди, инструменты. Но никаких личных вещей, даже клочка изорванного письма, Фрэнки не нашла. Единственное, что могло, как ей показалось, иметь значение, был железнодорожный справочник, лежавший раскрытым на одном из диванов у окна. Названия на раскрытой странице могли и не иметь отношения к делу, но Фрэнки переписала их в небольшую записную книжку. Пустяк по сравнению с тем, что она надеялась найти, но все же утешение. Однако на след Кейменов Фрэнки не вышла.

Она успокаивала себя, говоря, что ничего другого не следовало и

ожидать. Если мистер и миссис Кеймен были связаны с преступным миром, уж они позаботятся о том, чтобы никто не смог выследить их. Во всяком случае, это было нечто вроде отрицательного результата в науке.

И все же Фрэнки была вконец разочарована, когда возвращала ключи агентам и давала ложное обещание связаться с ними не позднее чем через несколько дней.

Она уныло побрела к Гайд-парку, гадая, что же, черт побери, делать дальше. Ее бесплодные размышления прервал внезапно хлынувший ливень. Ни одного такси не было, и Фрэнки, спасая свою любимую шляпку, поспешно нырнула в ближайшую станцию метро. Она взяла билет до Пикадилли и купила в киоске пару газет.

Войдя в поезд, почти пустой в это время дня, она решительно прогнала прочь свои тревожные мысли и, развернув газету, попыталась углубиться в чтение. Читала она урывками: столько-то людей погибло в авариях; загадочно исчезла школьница; прием у леди Питерхэмптон в «Кларидже»; выздоровление сэра Милкингтона после крушения яхты «Астрадора», знаменитой яхты, которая принадлежала прежде покойному мистеру Джону Сэвиджу, миллионеру. Неужели это судно приносит несчастье? Человек, который спроектировал его, умер трагической смертью; мистер Сэвидж кончил жизнь самоубийством; сэр Джон Милкингтон чудом избежал гибели.

Фрэнки опустила газету, нахмурилась, пытаясь что-то вспомнить. Она уже дважды слышала имя мистера Джона Сэвиджа: один раз от Сильвии Бэссингтон-френч, когда та говорила об Алане Карстэрсе, и один раз от Бобби, когда он повторял разговор, состоявшийся у него с миссис Ривингтон. Алан Карстэрс был другом Джона Сэвиджа. Миссис Ривингтон туманно дала понять, что появление Карстэрса в Англии как-то связано со смертью Сэвиджа. Сэвидж... Что он такое сделал? Кончил жизнь самоубийством, так как считал, что у него рак.

А что, если Алан Карстэрс не был удовлетворен заключением о смерти друга? Предположим, он приехал сюда, чтобы разобраться во всем этом деле. А что, если первый акт той драмы, в которой теперь участвовали они с Бобби, начинается с обстоятельств смерти Сэвиджа?

Фрэнки задумалась о том, как подойти к делу теперь. Девушка не знала ни друзей, ни родных Джона Сэвиджа. И вдруг ее осенило: завещание! Если в обстоятельствах его смерти было что-то подозрительное, то завещание могло дать ключ. Фрэнки знала, что где-то в Лондоне было место, куда можно прийти и, заплатив шиллинг, читать завещания. Но она не могла вспомнить, где это.

Поезд остановился на какой-то станции, и Фрэнки увидела, что это Британский музей. Она проехала уже две остановки после Оксфордской площади, где ей надо было делать пересадку. Она вскочила и выбежала из вагона. На улице ей в голову пришла одна мысль, и через пять минут девушка оказалась в конторе господ Спрэгга, Спрэгга, Дженкинса и Спрэгга.

Фрэнки встретили с почтением и сразу же провели в святая святых – личную приемную мистера Спрэгга, старшего члена фирмы. Мистер Спрэгг был само радушие. Его густой голос, по мнению многочисленных клиентов, приходивших к нему с просьбой выручить их из передряг, звучал очень успокаивающе. Ходили слухи, что мистер Спрэгг знает столько скандальных тайн благородных семейств, сколько не знает ни один другой лондонец.

– Вот уж обрадовали, леди Фрэнсес, – сказал мистер Спрэгг. – Прошу вас, присядьте. Вы уверены, что на этом стуле вам будет достаточно удобно? Да-да, погода сейчас просто восхитительная, правда? Настоящая золотая осень. А как самочувствие лорда Марчингтона? Надеюсь, все в порядке?

Фрэнки дала подходящие ответы на все вопросы. Мистер Спрэгг снял пенсне и стал еще больше походить на юридического консультанта и советника.

– А теперь, леди Фрэнсес, – сказал он, – чем же я обязан удовольствию лицезреть вас сегодня в моем... э-э... скромном кабинете?

«Шантаж? – вопрошали его брови. – Нескромные письма? Связь с неподходящим молодым человеком? Судебный иск портнихи?»

Однако при этом брови не выходили за рамки приличий, как и пристало бровям адвоката с таким жизненным опытом и доходом, как у мистера Спрэгга.

– Я хочу взглянуть на одно завещание, – сказала Фрэнки, – но не знаю, куда надо идти и что делать. Есть какое-то место, где можно заплатить шиллинг, так ведь?

– «Сомерсет-хаус», – сказал мистер Спрэгг. – Но какое именно завещание? Я думаю, что смогу сообщить вам все, что вы желаете знать касательно завещаний, составленных... э-э... членами вашей семьи. С гордостью заявляю вам, что наша фирма имела честь составлять их в течение многих лет.

– Это не фамильное завещание, – сказала Фрэнки.

– Нет?! – воскликнул мистер Спрэгг. Его почти гипнотическая способность вытягивать у собеседников доверительные сведения была

настолько сильна, что Фрэнки, поддавшись его очарованию, невольно сказала:

– Я хотела посмотреть завещание мистера Сэвиджа. Джона Сэвиджа.

– Вот как? – В голосе мистера Спрэгга появилась нотка неподдельного удивления. Такого он не ожидал. – Нет, право, это весьма странно.

Он говорил с такой необычной интонацией, что Фрэнки удивленно взглянула на адвоката.

– Право, – повторил мистер Спрэгг, – право, уж и не знаю, как быть. Может, вы скажете, почему хотите посмотреть это завещание, леди Фрэнсес?

– Нет, – неторопливо ответила Фрэнки. – Боюсь, что не скажу.

Ее поразило, что мистер Спрэгг почему-то держится без присущей ему снисходительности всезнайки. Он казался по-настоящему встревоженным.

– По-моему, – сказал мистер Спрэгг, – я должен предостеречь вас.

– Предостеречь меня?

– Да. Явных признаков нет, но что-то определенно затевается. Я бы ни за что на свете не хотел, чтобы вы впутались в сомнительное дело.

Фрэнки не стала сообщать ему, что уже влезла в дело, которое он наверняка не одобрил бы. Она просто вопросительно уставилась на него.

– Очень уж много необычайных совпадений, – продолжал мистер Спрэгг. – Что-то определенно затевается, определенно... Но что именно, я сейчас не имею права говорить.

Фрэнки смотрела все так же вопрошающе.

– Мне только что сообщили некоторые сведения, – добавил Спрэгг. Грудь у него выпятилась от возмущения. – Кто-то выдавал себя за меня, леди Фрэнсес. Намеренно выдавал. Что вы на это скажете?

Но Фрэнки так перетрусила, что целую минуту вообще не могла ничего сказать.

Глава 25

МИСТЕР СПРЭГГ РАССКАЗЫВАЕТ

Наконец она, заикаясь, проговорила:

– Откуда вы узнали?

Она собиралась сказать вовсе не это. В следующее мгновение она уже готова была откусить свой глупый язык. Но слово – не воробей, а мистер Спрэгг не был бы адвокатом, если б не понял, что это, по сути дела, признание.

– Стало быть, леди Фрэнсес, вам кое-что об этом известно?

– Да, – сказала Фрэнки. Она помолчала, глубоко вздохнула и призналась: – Все это моих рук дело, мистер Спрэгг.

– Удивительно, – сказал мистер Спрэгг. В его голосе отражалась внутренняя борьба: негодующий адвокат воевал с семейным поверенным, испытывавшим отцовские чувства. – Как это получилось?

– Это была всего лишь шутка, – вяло сказала Фрэнки. – Нам хотелось... нам хотелось позабавиться...

– И кто же додумался подделаться под меня? – сердито спросил мистер Спрэгг.

Фрэнки посмотрела на него. Голова у нее снова заработала, и она тут же выдала ответ:

– Это был молодой герцог. Но... – Она осеклась. – Нет, нельзя называть фамилию. Это было бы нечестно.

Она поняла, что ее дела пошли на лад. Вряд ли мистер Спрэгг простил бы такую дерзость сыну обыкновенного викария, но слабость к благородным фамилиям заставляла его смотреть сквозь пальцы на наглые выходки герцога. К нему вернулась былая снисходительность.

– Эх вы, юные умники, юные умники, – пробормотал он, грозя ей пальцем. – Вечно вы попадаете в переделки. Вы бы удивились, леди Фрэнсес, узнав, какие юридические осложнения вызывает, казалось бы, безобидная шутка, сыграть которую неожиданно приходит кому-то в голову. Веселье весельем, но иногда дело очень трудно уладить, не доводя до суда.

– Какой вы чудесный, мистер Спрэгг, – серьезно сказала Фрэнки. – Нет, право, только один человек из тысячи отнесся бы к этому делу так, как отнеслись вы. Мне и впрямь очень стыдно.

– Ну что вы, леди Фрэнсес, – по-отечески сказал мистер Спрэгг.

– Честное слово, стыдно. Наверное, это Ривингтон? Что именно она вам сказала?

– По-моему, где-то тут у меня ее письмо. Я вскрыл его всего полчаса назад.

Фрэнки протянула руку, и мистер Спрэгг подал ей письмо с таким видом, будто говорил: «Вот сами посмотрите, куда завела вас ваша глупость».

«Дорогой мистер Спрэгг, – писала миссис Ривингтон, – это и впрямь очень глупо с моей стороны, но я только что вспомнила нечто такое, что, возможно, поможет Вам. Алан Карстэрс говорил, что собирается в какое-то местечко под названием Чиппинг Сомертон. Не знаю, имеет ли это для Вас ценность. Меня так заинтересовало то, что Вы рассказали о деле Матраверс. С дружеским приветом, искренне Ваша Эдит Ривингтон».

– Вы видите, что дело могло оказаться очень серьезным, – с доброжелательной строгостью сказал мистер Спрэгг. – Я понял, что затевается нечто весьма сомнительное. Не знаю, с чем это связано – с делом Матраверс или моим клиентом Аланом Карстэрсом...

– Алан Карстэрс был вашим клиентом? – возбужденно прервала его Фрэнки.

– Да. Он советовался со мной, когда был в Англии с месяц назад. Вы знаете мистера Карстэрса, леди Фрэнсес?

– Да, можно сказать, знаю, – отвечала Фрэнки.

– Весьма привлекательная личность, – сказал мистер Спрэгг. – Он принес в мой кабинет дыхание... э-э... вольных просторов.

– Он приходил к вам, чтобы поговорить о завещании мистера Сэвиджа, так ведь? – спросила Фрэнки.

– Ага! – вскричал Спрэгг. – Так это он посоветовал вам прийти ко мне? Жаль, что я почти ничем ему не помог.

– А что вы ему посоветовали? – поинтересовалась Фрэнки. – Или, рассказав мне, вы поступите непрофессионально?

– В данном случае нет, – с улыбкой ответил мистер Спрэгг. – Мое мнение сводилось к тому, что сделать ничего нельзя. То есть если родственники мистера Сэвиджа не готовы выложить уйму денег, чтобы опротестовать это дело. А они, похоже, не хотели этого, да и не могли себе этого позволить. Я никогда не рекомендую подавать в суд, если нет хоть малейшей надежды на успех. Закон, леди Фрэнсес, – лошадка норовистая. В нем столько крючкотворства, что несведущие люди просто поражаются. Улаживай все без суда – вот мой всегдашний девиз.

– Все это очень интересно, – задумчиво сказала Фрэнки. У нее было такое чувство, будто она ступает босыми ногами по полу, усыпанному канцелярскими кнопками. В любую минуту она может наступить на них – и все, конец игре.

– Подобные дела – не такая редкость, как кажется, – продолжал мистер Спрэгг.

– Дела о самоубийствах? – спросила Фрэнки.

– Нет-нет, я имел в виду дела о злоупотреблении влиянием. Мистер Сэвидж был прожженный делец, а в руках этой женщины вдруг становился мягким, как воск. Я нисколько не сомневаюсь, что свое дело она знала до тонкостей.

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне все по порядку, – смело сказала Фрэнки. – Мистер Карстэрс был так... разгорячен, что я толком ничего и не поняла.

– Дело было исключительно простое, – сказал мистер Спрэгг. – Я могу напомнить вам факты. Они общеизвестны, и ничто не мешает мне это делать.

– В таком случае расскажите мне все, – попросила девушка.

– В ноябре прошлого года мистер Сэвидж возвращался из США в Англию. Он был, как вам известно, исключительно богатым человеком и не имел близких родственников. Во время плавания он познакомился с одной дамой. Некой миссис Темплтон. О ней было известно лишь, что она очень хороша собой и замужем, но муж маячит где-то на заднем плане и не высовывается, что очень удобно.

«Кеймены», – подумала Фрэнки.

– Эти путешествия через океан чреваты опасностями, – продолжал Спрэгг, с улыбкой качая головой. – Мистер Сэвидж явно увлекся. Он принял приглашение дамы пожить в ее маленьком коттедже в местечке Чиппинг Сомертон. Сколько раз он туда ездил, с точностью установить не удалось, несомненно лишь, что он все больше и больше подпадал под влияние этой самой Темплтон. Затем произошла трагедия. Мистер Сэвидж какое-то время беспокоился за свое здоровье. Он боялся, что у него...

– Рак? – спросила Фрэнки.

– Вообще говоря, да. Рак стал его навязчивой идеей. Он тогда жил у Темплтонов, они убеждали его поехать в Лондон и показаться специалисту. Он так и сделал. Этот специалист – весьма выдающийся ученый, который много лет считается корифеем в своей профессии, присягнул на дознании, что мистер Сэвидж не был болен раком, о чем врач ему и сообщил. Но мистер Сэвидж так проникся верой в свой недуг, что оказался просто не в

состоянии понять истину. Я человек без предрассудков, леди Фрэнсес, и кое-что понимаю в медицине. Так что, если бы были какие-то тревожные симптомы, доктор наверняка завел бы речь о дорогих лекарствах и, пытаясь успокоить больного, мог ненароком вселить в него чувство обреченности, невольно намекнув, что у него серьезный недуг. А мистер Сэвидж, который знал, что доктора обычно скрывают от пациентов наличие этой болезни, истолковал все на свой лад: доктор говорит неправду, успокаивая меня, и я действительно болен тем, чем думаю.

Как бы там ни было, мистер Сэвидж вернулся в Чиппинг Сомертон в глубоком унынии. Он считал, что ему уготована смерть в долгих муках. Насколько я понимаю, кто-то в его роду умер от рака, и он не хотел сам пережить те страдания, которым был свидетелем. Он послал за поверенным, весьма почтенным партнером одной исключительно уважаемой фирмы, и последний прямо на месте составил завещание, которое мистер Сэвидж подписал и передал поверенному на хранение. В тот же вечер мистер Сэвидж принял большую дозу хлорала, оставив письмо, в котором он объяснял, что предпочел быструю и безболезненную смерть долгой и мучительной.

По завещанию мистер Сэвидж оставил 700 тысяч фунтов, освобожденных от налогов, миссис Темплтон, а остальное – некоторым благотворительным организациям. – Мистер Спрэгг откинулся в кресле. – Присяжные вынесли обычный вердикт: «Самоубийство в состоянии умственного расстройства», но вряд ли из этого можно сделать вывод, что он был не в своем уме, когда составлял завещание. Не думаю, что жюри поверило бы в это. Завещание было составлено в присутствии стряпчего, по мнению которого усопший, несомненно, был в здравом уме и твердой памяти. Не думаю, что злоупотребление влиянием в этом случае доказуемо. Мистер Сэвидж не лишил наследства никого из своих близких или родных. Единственными его родственниками были какие-то троюродные братья или сестры, которых он почти не видел. По-моему, они живут в Австралии. – Мистер Спрэгг помолчал. Теперь он явно получал удовольствие. – Мистер Карстэрс утверждал, что такое завещание совершенно не в духе Сэвиджа. Он не питал слабости к благотворительным организациям и был убежден, что деньги должны доставаться кровным родственникам. Но Карстэрс не имел никаких документальных подтверждений, а люди бывают непостоянны в своих взглядах. Опротестование этого завещания чревато столкновением с благотворительными организациями и миссис Темплтон. К тому же это завещание было утверждено в суде.

– И все затухло? – спросила Фрэнки.

– Как я сказал, родственники мистера Сэвиджа жили за границей и почти ничего не знали. Именно мистер Карстэрс поднял этот вопрос. Он вернулся из путешествия по Африке, мало-помалу узнал подробности этого дела и приехал в Англию, чтобы выяснить, нельзя ли что-то предпринять. Я был вынужден заявить ему, что сделать, с моей точки зрения, ничего нельзя. Более того, по-моему, миссис Темплтон уехала и поселилась где-то на юге Франции. Она отказалась от всякого обсуждения этого дела. Я предложил посоветоваться с адвокатом, но мистер Карстэрс решил, что это ни к чему, и согласился с моей точкой зрения. Либо ничего сделать нельзя, либо уже поздно что-либо предпринимать.

– Понятно, – сказала Фрэнки. – И никто ничего не знает об этой миссис Темплтон?

Мистер Спрэгг покачал головой и поджал губы.

– Такому опытному человеку, как мистер Сэвидж, не пристало быть столь наивным, но... – Мистер Спрэгг с грустью покачал головой, вспоминая бесчисленных клиентов, которые приходили к нему, чтобы уладить дело без суда, и которым следовало бы быть умнее.

Фрэнки встала.

– Мужчины – необыкновенные существа, – сказала она. – До свидания, мистер Спрэгг. Вы такой чудесный. Просто замечательный. Мне так стыдно.

– Вам, юным умникам, надо быть осмотрительнее, – сказал мистер Спрэгг, качая головой.

– Вы ангел, – проговорила Фрэнки. Она с жаром пожала ему руку и ушла.

Мистер Спрэгг снова уселся за стол и задумался.

– Молодой герцог...

Было только два герцога, к которым применимо это определение. Который же из них?

Он взял книгу пэров.

Глава 26

НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Необъяснимое исчезновение Мойры беспокоило Бобби сильнее, чем он согласился бы признать. Он не раз говорил себе, что нелепо делать скороспелые выводы, что думать, будто с Мойрой разделались в доме, – значит предаваться фантастическим домыслам, что, вероятно, ее отсутствие можно объяснить гораздо проще и что в самом худшем случае она лишь задержана в Грейндже. Бобби и мысли не допускал, что она по собственной воле уехала из Стейверли. Он был убежден, что она никогда не уехала бы, не написав ему ни слова, ничего не объяснив. Кроме того, она же недвусмысленно заявила, что ей некуда идти. Нет, за всем этим определенно стоит зловещий Николсон. Он каким-то образом прознал о том, что сделала Мойра, и это его ответный ход. Мойру держат в заточении где-то за мрачными стенами Грейнджа, и она не в состоянии связаться с внешним миром. Но пленницей она, вероятно, будет недолго. Бобби безоговорочно верил каждому слову Мойры. Ее страхи не были ни результатом расшатанных нервов, ни тем более плодом буйного воображения. Они вполне реальны.

Николсон намеревался избавиться от жены. Несколько раз его замыслы срывались. Теперь же, сообщив о своих страхах другим, она принудила его к действию. Доктор должен либо немедленно что-то сделать, либо вообще ничего не предпринимать. Хватит ли у него духу? Бобби полагал, что хватит. Он не может не знать, что, даже если посторонние люди прослышали о страхах его жены, доказательств у них все равно нет. К тому же он считает, что его противник – только Фрэнки. Возможно, он подозревал ее с самого начала. Об этом, похоже, свидетельствовали его дотошные расспросы об «аварии». А вот «шофера леди Фрэнсес» едва ли считают самозванцем.

Да, Николсон будет действовать. Тело Мойры, вероятно, найдут где-нибудь подальше от Стейверли. Может быть, его вынесет на берег моря. Или оно будет обнаружено у подножия утеса. Несчастный случай – так это будет выглядеть. В этом Бобби был почти уверен: Николсон специализировался на несчастных случаях.

Но Бобби рассудил, что на подготовку и устройство «несчастливого случая» потребуется какое-то время, пусть и короткое. Николсону придется

действовать в большой спешке, быстрее, чем он рассчитывал. Резонно было бы предположить, что он приступит к осуществлению своего плана через двадцать четыре часа. Бобби был твердо намерен отыскать Мойру до истечения этого срока.

Если она в Грейндже.

Оставив Фрэнки на Брук-стрит, он принялся за дело. По его мнению, лучше было не показываться в гараже: там могли ждать соглядатаи. Прежде Бобби считал, что в роли Хоскинса он вне подозрений. Теперь же и Хоскинсу пора было исчезнуть.

В тот вечер в людный городок Эмбледевер прибыл молодой усач в дешевом темно-синем костюме. Он остановился в привокзальной гостинице, назвавшись Джоном Паркером. Затащив в номер сумку, он принялся расспрашивать, нельзя ли взять напрокат мотоцикл. В десять часов вечера мотоциклист в кепке и очках проехал через деревню Стейверли и остановился на пустынном отрезке дороги неподалеку от Грейнджа.

Поспешно спрятав мотоцикл в ближайшие кусты, Бобби окинул взглядом дорогу, затем, будто гуляя, двинулся вдоль стены. Как и прежде, маленькая калитка была не заперта. Бросив еще один взгляд на дорогу, дабы удостовериться, что за ним не следят, Бобби тихонько проскользнул внутрь. Он сунул руку в карман пиджака, оттянутый армейским револьвером. Прикосновение к нему как-то успокаивало.

В Грейндже было тихо. Бобби ухмыльнулся, вспомнив страшные рассказы о злодеях, державших для расправы с незваными гостями гепардов и других хищников. Доктор Николсон, похоже, ограничился обыкновенными задвижками и замками, но даже и в этом он, видимо, не был последователен. Уж наверняка эту маленькую дверь в стене не следовало оставлять открытой. Похоже, доктор Николсон был до прискорбия бесшабашным злоумышленником. «Ни тебе ручных питонов, – подумал Бобби, – ни гепардов, ни проволоки под током. Этот человек досадно отстал от времени».

Эти размышления помогли ему взбодриться. Всякий раз, думая о Мойре, он чувствовал непонятную тяжесть в груди. Ее лицо возникало перед ним – дрожащие губы, широко раскрытые глаза, исполненные ужаса. Именно здесь он впервые увидел ее. Он с легким трепетом вспомнил, как обхватил ее рукой, чтобы она не упала... Где же она сейчас? Что сотворил с ней этот зловещий доктор? Только бы она была жива...

– Она должна быть жива, – мрачно процедил Бобби. – И думать не хочу, что это не так.

Он тщательно обследовал дом снаружи. В нескольких окнах наверху горел свет, на первом этаже тоже было одно освещенное окно. К нему-то и пополз Бобби. Занавески были задернуты, но между ними осталась узкая щелка. Бобби уперся коленом в подоконник и бесшумно подтянулся. Он заглянул в щелку. В комнате сидел человек. Он писал: Бобби видел его плечо и руку. Чуть погодя писавший шевельнулся, и молодому человеку открылся его профиль. Это был доктор Николсон.

Бобби вдруг подумал, что впервые видит этого человека по-настоящему. Резкий профиль, крупный породистый нос, выступающий подбородок, четко очерченная линия чисто выбритой скулы. Уши, отметил Бобби, были маленькие и так плотно прилегали к голове, что мочка прямо слипалась со щекой. Он вспомнил, что такие уши говорят о незаурядности характера.

Доктор продолжал писать, спокойно и неспешно. Время от времени он останавливался, будто подбирая нужное слово. Его перо аккуратно и ровно скользило по бумаге. Один раз он снял пенсне и, протерев стекла, снова надел.

В конце концов Бобби бесшумно соскользнул на землю. Судя по всему, Николсон будет писать еще долго. Значит, можно проникнуть в дом. Если влезть через окно верхнего этажа, то ночью можно будет не торопясь обыскать дом.

Он снова обошел вокруг здания и выбрал окно на втором этаже. Скользящая рама была поднята, но свет в комнате не горел. Значит, сейчас там, вероятно, никого. Да и растущее рядом дерево облегчало доступ в комнату. Через минуту Бобби уже лез вверх по стволу. Все шло хорошо, и он уже тянулся рукой к подоконнику, когда ветка, на которой он сидел, с треском обломилась. Она прогнулась насквозь. Бобби перевернулся в воздухе и рухнул в куст гортензий, который, к счастью, смягчил его падение.

Окно кабинета выходило на эту же сторону. Бобби услышал возглас доктора, рама его окна взлетела кверху. Оправившись от первого потрясения, Бобби вскочил, выпутался из кустов и помчался вдоль узкой полоски тени к дорожке, которая вела к калитке. Пробежав по ней несколько шагов, он забился в кустарник.

Бобби услышал голоса и увидел огни, мельтешащие возле раздавленных и поломанных гортензий. Бобби замер. Если они пойдут по дорожке и увидят, что калитка открыта, то подумают, что кто-то убежал через нее, и бросят поиски. Молодой человек затаил дыхание. Но никто не появлялся. Прошло несколько минут, и Бобби услышал голос Николсона, прозвучавший с вопросительной интонацией. Слов он не разобрал, зато

расслышал ответ, произнесенный грубым голосом мужлана:

– Все на месте, сэр, я проверил.

Голоса постепенно стихли, огни исчезли. Похоже, все вернулись в дом. Бобби очень осторожно выбрался из своего укрытия и, наострив уши, вышел на дорожку. Все было тихо. Он сделал несколько шагов к дому, и тут кто-то ударил его сзади по шее. Бобби упал ничком и потерял сознание.

Глава 27

«МОЕГО БРАТА УБИЛИ»

В пятницу утром зеленый «Бентли» остановился у привокзальной гостиницы в Эмбледевере.

Фрэнки послала Бобби телеграмму на имя Джона Паркера и сообщила, что должна давать показания на дознании по факту смерти Генри Бэссингтон-ффренча и заедет в Эмбледевер по пути из Лондона. Она ждала ответной депеши с указанием места встречи, но ничего не получила и приехала в гостиницу.

– Мистер Паркер, мисс? – переспросил коридорный. – По-моему, у нас нет джентльмена с такой фамилией, но я сейчас проверю.

Он вернулся несколько минут спустя.

– Приехал в среду вечером, мисс. Оставил свою сумку и сказал, что вернется поздно. Сумка все еще там. Но он не приходил за ней.

Фрэнки вдруг стало дурно. В поисках опоры она уцепилась за стол. Коридорный с сочувствием смотрел на нее.

– Вам плохо, мисс? – озабоченно спросил он.

Фрэнки покачала головой.

– Все в порядке, – выговорила она. – Он не просил ничего передать?

– Есть только телеграмма на его имя, больше ничего. – Коридорный с любопытством посмотрел на нее. – Могу я чем-нибудь помочь, мисс?

Фрэнки сейчас хотелось только одного: уйти отсюда, спокойно подумать и решить, что делать дальше.

– Ничего, ничего, – сказала она и, сев в свой «Бентли», укатила.

– Он ее бросил как пить дать, – сказал себе коридорный, глядя ей вслед и качая головой. – Удрал от нее. А какая симпатичная девушка. Интересно, что он собой представляет?

Он спросил об этом девушку за конторкой, но та не помнила.

– Парочка аристократов, – мудро изрек коридорный. – Хотели тайком пожениться, а он взял и удрал.

Тем временем Фрэнки ехала в Стейверли. В мыслях ее царило смятение. Почему Бобби не вернулся в гостиницу? Могло быть только две причины: либо он шел по следу и след этот увел его куда-то далеко, либо... что-то стряслось. «Бентли» опасно занесло, и Фрэнки едва успела выправить машину. Какая же она идиотка – воображает черт знает что!

Разумеется, с Бобби все в порядке. Он идет по следу, вот и все. «Идет по следу...» – шептал какой-то голос внутри.

Но почему же, спросил другой голос, он ни слова не написал ей, чтобы она не волновалась? Объяснить это было трудно, но можно. Обстоятельства, отсутствие времени или возможности. Бобби знает, что она не будет волноваться за него. Все в полном порядке, иначе и быть не может!

Дознание прошло как во сне. Присутствовали Роджер и Сильвия. Она была очень хороша в своем вдовьем трауре и производила трогательное впечатление. Фрэнки поймала себя на том, что заворожена ею, будто театральным спектаклем. Дознание велось деликатно. Бэссингтон-френчи пользовались уважением в округе, и было сделано все, чтобы пощадить чувства вдовы и брата покойного. Фрэнки и Роджер дали показания, доктор Николсон тоже: представили прощальное письмо покойного. Все закончилось очень быстро, был вынесен вердикт: «Самоубийство в состоянии помешательства».

Два самоубийства в состоянии умопомрачения. Нет ли... не может ли быть связи между ними? Фрэнки знала, что это действительно самоубийство, так как сама была на месте происшествия. Версию Бобби об убийстве пришлось отбросить как несостоятельную. Алиби у доктора Николсона было железное, и его подтвердила сама вдова.

После того как все ушли и судебный следователь со словами утешения пожал руку Сильвии, Фрэнки, Роджер и доктор Николсон проводили ее домой.

– Фрэнки, дорогая, по-моему, на ваше имя есть письма, – сказала Сильвия. – Вы не будете возражать, если я оставлю вас и прилягу? Все это так ужасно...

Она задрожала и вышла из комнаты. Николсон ушел с ней, бормоча что-то насчет успокоительного. Фрэнки повернулась к Роджеру:

– Роджер, Бобби исчез.

– Исчез?!

– Да!

– Где и как?

Фрэнки в двух словах рассказала ему все.

– И с тех пор его не видели? – спросил Роджер.

– Нет. Что вы об этом думаете?

– Мне это не нравится, – медленно сказал Роджер.

У Фрэнки упало сердце.

– Уж не думаете ли вы...

– О, может быть, все хорошо. Но тихо! Николсон идет!

Доктор неслышными шагами вошел в комнату. Он потирал руки и улыбался.

– Все прошло очень хорошо, – сказал он. – Право слово, очень хорошо. Доктор Дэвидсон был исключительно тактичен и внимателен. Можно считать, что нам повезло с судебным медиком.

– Вероятно, так, – механически согласилась Фрэнки.

– Это очень важно, леди Фрэнсес. Проведение дознания целиком зависит от судебного врача. У него большие полномочия. Он может либо усложнить, либо упростить дело. В данном случае все прошло очень хорошо.

– По сути, хорошее сценическое представление, – жестко сказала Фрэнки.

Николсон удивленно взглянул на нее.

– Я знаю, какие чувства испытывает леди Фрэнсес, – сказал Роджер. – Я чувствую то же самое. Моего брата убили, доктор.

Он стоял за спиной Николсона и не заметил испуга, промелькнувшего в его глазах. Но Фрэнки видела все.

– Я не шучу, – сказал Роджер, не дав Николсону ответить. – Возможно, с точки зрения закона это и не так, но его убили. Преступные подонки, сделавшие моего брата рабом наркотика, они попросту убили его! – Роджер сделал шаг в сторону и смотрел теперь прямо в глаза доктору. – Я намерен расквитаться с ними, – сказал он, и его слова прозвучали угрожающе.

Николсон не выдержал взгляда Роджера и отвел бледно-голубые глаза. Он удрученно покачал головой.

– Не стану утверждать, что не согласен с вами, – сказал он. – О пристрастии к наркотикам я знаю больше вас, мистер Бэссингтон-френч. Приучить к ним человека – действительно страшное преступление.

У Фрэнки в голове бушевал вихрь мыслей. «Не может быть, – сказала она себе. – Это было бы слишком чудовищно. И тем не менее его алиби подтверждено только ее словом. Но тогда...»

Она очнулась, потому что Николсон обращался к ней:

– Вы приехали на машине, леди Фрэнсес. На сей раз обошлось без аварий?

Фрэнки поймала себя на том, что улыбка доктора возбуждает в ней ненависть.

– Да, – сказала она. – По-моему, с авариями надо знать меру, а вы как думаете?

Интересно, почудилось ей или его веки и впрямь дрогнули?

– Вероятно, на этот раз вас вез шофер?
– Мой шофер исчез, – сказала Фрэнки, глядя ему в глаза.
– В самом деле?
– В последний раз его видели, когда он направлялся в Грейндж, – продолжала Фрэнки.

Николсон вздернул брови.

– Да что вы? Его прельстило что-нибудь с нашей кухни? – Доктор откровенно забавлялся. – Что-то не верится.

– Во всяком случае, именно там его видели в последний раз, – сказала Фрэнки.

– Вы драматизируете, – заявил Николсон. – Возможно, вы слишком серьезно относитесь к местным сплетням, но это весьма ненадежный источник сведений. Я такого тут наслушался. – Он помолчал и продолжал слегка изменившимся тоном: – До моих ушей даже дошла история о том, что вашего шофера якобы видели беседующим с моей женой на берегу реки. – Он снова помолчал. – Я полагаю, он весьма незаурядный молодой человек, леди Фрэнсес?

«Неужто так? – думала Фрэнки. – Неужто он собирался делать вид, будто его жена убежала с моим шофером? Неужели в этом и заключается его хитрость?»

Вслух же она сказала:

– Хоскинс – не просто шофер, он куда умнее.

– Похоже, так, – сказал доктор Николсон и повернулся к Роджеру: – Мне надо идти. Поверьте, я от всей души сочувствую вам и миссис Бэссингтон-френч.

Роджер проводил его до прихожей, Фрэнки вышла с ними. На столике лежала пара писем, адресованных ей. В одном был счет, в другом... У нее замерло сердце: адрес был написан рукой Бобби.

Николсон и Роджер вышли на крыльцо. Фрэнки вскрыла конверт.

«Дорогая Фрэнки, – писал Бобби, – я наконец-то попал на след. Догоняй меня как можно скорее в Чиппинг Сомертоне. Лучше, чтобы ты приехала поездом, а не на машине: «Бентли» слишком заметен. Поездом добираться не очень удобно, но ты доедешь. Ты должна прийти к дому под названием «Коттедж Тюдоров». Я объясню, как его найти. Дорогу ни у кого не спрашивай. (Далее следовали подробные указания.) Ты все поняла? Не говори никому. (Последнее слово было подчеркнуто жирной линией.) Ни одной живой душе. Всегда твой Бобби».

Фрэнки взволнованно скомкала письмо. Значит, все в порядке. С Бобби

ничего не случилось. Он идет по следу. И так уж совпало, по тому же следу, что и она. Она побывала в Сомерсет-хаусе и ознакомилась с завещанием Джона Сэвиджа. Роза Темплтон упоминается в нем как жена Эдгара Темплтона из «Коттеджа Тюдоров» в Чиппинг Сомертоне, а это название было на раскрытой странице железнодорожного справочника в доме на Сент-Леонардс-Гарденз. Кеймены уехали в Чиппинг Сомертон. Все становилось на свои места. Погоня близилась к концу.

Роджер Бэссингтон-френч вернулся и направился к ней.

– Что-нибудь любопытное? – небрежно спросил он.

Фрэнки на мгновение замаялась. Вряд ли Бобби имел в виду Роджера, призывая никому ничего не говорить. Но потом она вспомнила жирную линию, которой были подчеркнуты эти слова. И только что осенившую ее чудовищную идею. Если это правда, тогда Роджер может невольно выдать их обоих. Она не осмелилась намекнуть ему на свои подозрения и просто сказала:

– Нет, совершенно ничего любопытного.

Менее чем через двадцать четыре часа она уже горько сожалела о том, что промолчала. И о том, что, согласно указаниям Бобби, не взяла машину. По прямой до Чиппинг Сомертона было не так уж и далеко, но ехать пришлось с тремя пересадками, всякий раз томясь в ожидании поездов на сельских полустанках. Это было слишком тяжким испытанием для неугомонного темперамента девушки. И все же она не могла не согласиться с Бобби: «Бентли» действительно бросался бы в глаза.

Она не смогла на ходу придумать ничего толкового и объяснила свой отъезд из Мерроуэй-Корта весьма неубедительно.

Когда ее поезд притащился на маленькую станцию Чиппинг Сомертона, еще только смеркалось, но Фрэнки казалось, что время уже близится к полуночи – так долго полз ее паровоз. К тому же начинался дождь, отчего она чувствовала себя еще более усталой. Фрэнки застегнула пальто на все пуговицы, в последний раз пробежала при свете станционного фонаря письмо Бобби, запомнила хорошенько, в какую сторону идти, и пустилась в путь. Руководствоваться указаниями Бобби было легко. Фрэнки увидела впереди огни деревни и свернула влево, на проселок, круто уходящий вверх по склону холма. Потом она взяла вправо и вскоре увидела горстку домов. Деревушка лежала внизу, в долине, а перед ней виднелся ряд сосен. Наконец она подошла к опрятной деревянной калитке и, чиркнув спичкой, прочла на ней: «Коттедж Тюдоров».

Вокруг ни души. Фрэнки подняла щеколду и вошла во двор. За линией сосен проступали очертания дома. Фрэнки нашла местечко среди деревьев,

с которого хорошо был виден весь коттедж, после чего с бьющимся сердцем издала крик, похожий на уханье совы. Она старалась, как могла. Прошло несколько минут. Фрэнки повторила сигнал.

Дверь коттеджа открылась, и она увидела, как оттуда осторожно выглянул человек в шоферской ливрее. Бобби! Он поманил ее к себе и снова скрылся в доме, оставив дверь приоткрытой. Фрэнки вышла из-за деревьев и приблизилась. Ни в одном окне не было света. Полная темнота и тишина. Фрэнки осторожно переступила через порог и оказалась в темной прихожей. Она остановилась и стала озираться, напрягая глаза.

– Бобби? – прошептала она. И тут нос предупредил ее об опасности. Откуда ей знаком этот запах? Этот тяжелый сладкий дух? «Хлороформ», – мелькнуло в мозгу, но в этот миг чьи-то сильные руки схватили ее сзади. Фрэнки хотела закричать, но на ее раскрытый рот легла мягкая подушечка. Приторный аромат ударил в нос.

Она отчаянно боролась, вертелась и извивалась, брыкаясь ногами. Но тщетно. Она почувствовала, что слабеет, в ушах застучало, наступило удушье, и Фрэнки впала в забытие.

Глава 28

В ПОСЛЕДНЕЕ МГНОВЕНИЕ

Придя в себя, Фрэнки первым делом почувствовала страшное уныние. В действии хлороформа на организм нет ровным счетом ничего романтического. Она лежала на твердом дощатом полу, руки и ноги ее были связаны. Ей удалось перевернуться, и она ударилась головой об обшарпанный ящик для угля. Со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями.

Через несколько минут Фрэнки уже могла если не сесть, то хотя бы оглядеться по сторонам. Совсем близко раздался слабый стон. Фрэнки напрягла глаза. Насколько она могла разобрать, это был какой-то чердак. Единственным источником света служило слуховое окно в крыше, но света сейчас почти не было. Еще несколько минут, и совсем стемнеет. У стены валялось несколько изорванных картин, стояла покосившаяся железная кровать, два-три поломанных стула и уже упоминавшийся ящик для угля.

Стон, похоже, донесся из угла. Пути у Фрэнки были не очень тугие, и она, извиваясь, поползла по пыльному полу.

– Бобби! – воскликнула она.

Это действительно оказался Бобби, связанный по рукам и ногам. Кроме того, рот у него оказался замотан какой-то тряпкой.

Тряпку ему удалось каким-то образом ослабить. Фрэнки пришла ему на помощь. Хотя руки ее и были связаны, толк от них все же был, кроме того, она могла пустить в ход зубы. Она энергично дернула повязку, и та соскочила.

– Фрэнки! – сдавленно воскликнул Бобби.

– Я рада, что мы наконец вместе, – сказала девушка, – но, судя по всему, нас одурачили. Как они тебя сцапали? Это уже после того, как ты написал мне письмо?

– Какое письмо? Я не писал никакого письма.

Фрэнки вытаращила глаза.

– Ага, понятно. Какая же я была дура. И вся эта чушь о том, чтобы не говорить ни одной живой душе...

– Послушай, Фрэнки, я расскажу тебе, что случилось со мной, затем ты продолжишь это доброе начинание и расскажешь мне, что случилось с тобой.

Он описал свои приключения в Грейндже и их грозные последствия.

– Я пришел в себя в этой гнусной дыре, – сказал он. – На подносе стояла какая-то снесь и вода. Я был страшно голоден, поэтому пожевал чуток и попил. Вероятно, там было снотворное, потому что я чуть ли не сразу снова уснул. Какой сегодня день? Меня вырубили в среду вечером. Черт побери, большую часть времени я был без сознания. Теперь расскажи мне, что произошло с тобой?

Фрэнки поведала о своих похождениях, начав с истории, которую она слышала от мистера Спрэгга, и кончив тем, как увидела фигуру Бобби в дверном проеме.

– А потом меня угостили хлороформом, – закончила она. – Ах, Бобби, меня только что вырвало в ящик для угля.

– Как это ты исхитрилась? – одобрительно сказал Бобби. – При связанных руках и все такое. Вопрос вот в чем: как нам быть? Мы привыкли вести игру по своим правилам, но сейчас положение изменилось.

– Если б только я сообщила Роджеру о твоём письме, – посетовала Фрэнки. – Я даже порывалась это сделать, но не смогла решиться, а потом предпочла выполнить твои указания и вообще ничего не говорить.

– В результате никто не знает, где мы, – мрачно сказал Бобби. – Фрэнки, моя дорогая, боюсь, втянул я тебя в передрагу.

– Слишком уж мы стали самоуверенны, – серьезно сказала Фрэнки.

– Единственное, чего я не пойму, так это почему нас сразу не огрели по башке, – размышлял Бобби. – Я думаю, для Николсона это пара пустяков.

– У него какие-то замыслы на наш счет, – слегка задрожав, сказала Фрэнки.

– Ну, нам бы тоже не мешало кое-что замыслить. Надо отсюда выбраться, Фрэнки. Как это сделать?

– Может, покричать? – предложила Фрэнки.

– Да уж, – сказал Бобби. – А кто-нибудь пройдет мимо и услышит. Но, судя по тому, что Николсон не сунул тебе кляп в рот, на это рассчитывать почти не приходится. Твои руки стянуты гораздо слабее, чем мои. Давай-ка посмотрим, не сумею ли я развязать их зубами.

Следующие пять минут ушли на борьбу, навеки прославившую зубного врача Бобби.

– Удивительно, до чего же все легко в книжках, – отдуваясь, сказал Бобби. – По-моему, я так ничего и не добился.

– Добился. Веревка слабеет. Тс-с, кто-то идет!

Она откатилась подальше. Слышно было, как кто-то тяжелой

размеренной поступью поднимается по лестнице. Под дверью показалась полоска света, потом донесся щелчок ключа в замке, дверь медленно открылась.

– Ну-с, как тут мои пташки? – произнес голос Николсона. В руках доктор держал свечу, и, хотя он натянул шляпу на глаза и поднял воротник тяжелого пальто, голос выдавал его. Светлые глаза поблескивали за толстыми стеклами. Он игриво покачал головой. – Такое простодушие вам не к лицу, моя дорогая юная леди, – сказал он. – Так глупо попасться, ай-ай-ай!

Ни Бобби, ни Фрэнки не нашлись что сказать. Николсон был в настолько выигрышном положении, что они вконец растерялись. Доктор поставил свечу на какой-то стол.

– Во всяком случае, дайте-ка я посмотрю, удобно ли вам.

Он осмотрел веревки Бобби, одобрительно кивнул и перешел к Фрэнки. Тут он покачал головой.

– Как, бывало, справедливо говорили в моей юности, – заметил он, – пальцы были созданы еще до вилок, а зубы человек применил еще раньше, чем пальцы. Зубы вашего друга, как я вижу, поработали на славу.

В углу стоял тяжелый дубовый стул со сломанной спинкой. Николсон поднял Фрэнки, усадил на стул и крепко привязал.

– Не слишком неудобно, надеюсь? – сказал он. – Ничего, это ненадолго.

Фрэнки обрела дар речи.

– Что вы собираетесь с нами сделать? – спросила она.

Николсон пошел к двери, прихватив свечу.

– Вы поддразнивали меня моим пристрастием к несчастным случаям, леди Фрэнсес. Возможно, так оно и есть. Как бы там ни было, я собираюсь рискнуть и устроить еще один несчастный случай.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Бобби.

– Пожалуй, поделюсь с вами. Леди Фрэнсес Деруэнт, ведя машину вместо своего шофера, по ошибке сворачивает не в ту сторону и едет к старому заброшенному карьеру. Машина разбивается, сорвавшись сверху, леди Фрэнсес и ее шофер погибают.

После короткого молчания Бобби сказал:

– Но мы можем и не разбиться. Планы иногда срываются, как сорвался ваш замысел в Уэльсе.

– Ваша стойкость к морфию, вне всякого сомнения, удивительна и весьма огорчительна для меня, – сказал Николсон. – Однако на сей раз вы можете за меня не волноваться. Когда вас и леди Фрэнсес найдут, вы будете

хладными трупами.

Бобби невольно задрожал. В голосе Николсона звучала какая-то странная нотка – это был голос художника, лицезреющего свой шедевр.

«Он упивается этим, – подумал Бобби. – Буквально упивается». По мере возможности он собирался не давать Николсону лишних поводов для радости и поэтому небрежно бросил:

– Вы совершаете ошибку, особенно в отношении леди Фрэнсес.

– Да, – сказала Фрэнки. – В том письме, которое вы так хитро подделали, мне было велено ничего никому не рассказывать. А я сделала одно исключение. Я рассказала Роджеру Бэссингтон-френчу. Ему все про вас известно. Если с нами что-нибудь случится, он будет знать, кто в этом виноват. Так что лучше отпустите нас и убирайтесь из Англии поскорее.

– Неплохой блеф, но не более, – помолчав, сказал Николсон.

Он повернулся к двери.

– А что с твоей женой, ты, свинья? – крикнул Бобби. – Ты и ее тоже убил?

– Мойра еще жива, – ответил Николсон. – Право, не знаю, сколько ей еще осталось. Все зависит от обстоятельств. – Он отвесил им легкий насмешливый поклон. – Оревуар. Мне понадобится пара часов, чтобы закончить все приготовления. Можете пока развлекаться, обсуждая свои дела. Без нужды я не стану затыкать вам рты кляпами. Понятно? Начнете звать на помощь, я сразу вернусь и позабочусь об этом.

Он вышел и запер за собой дверь.

– Это неправда, – сказал Бобби. – Это не может быть правдой. Такого просто не бывает.

Но он не мог не понимать, что такое бывает и произойдет с ними.

– В книжках герои всегда спасаются в последнее мгновение, – сказала Фрэнки, стараясь обнадежить его. Но она и сама не питала особых надежд. По правде говоря, она совсем пала духом. – Эх, если б только я сказала Роджеру! – всхлипнула она.

– А может, Николсон все-таки поверит, что ты сказала? – предположил Бобби.

– Нет, – возразила Фрэнки. – Похоже, на него не подействовало. Этот человек слишком умен, черт бы его побрал.

– Нам с ним не справиться, – мрачно сказал Бобби. – Ты знаешь, что меня больше всего гложет?

– Нет. Что?

– Что даже сейчас, когда нас вот-вот отправят на тот свет, мы все еще не знаем, кто такой Эванс.

– Давай спросим у него, – предложила Фрэнки. – Что-то вроде последнего желания. Он не сможет отказать. Я, как и ты, просто не могу умереть, не удовлетворив свое любопытство.

Помолчав немного, Бобби сказал:

– Как ты думаешь, стоит ли нам вопить и звать на помощь? Больше нам ничего и не остается.

– Пока не будем, – сказала Фрэнки. – Я не думаю, что кто-нибудь нас услышит, иначе он ни за что не стал бы так рисковать. Вопли давай оставим напоследок. Меня так утешает, что я могу говорить с тобой. – На последних словах голос ее слегка дрогнул.

– Я втянул тебя в жуткую переделку, Фрэнки.

– А, ладно, я и сама бы влезла. Мне так хотелось. Бобби, как ты считаешь, он действительно сделает это? Убьет нас?

– Я очень боюсь, что да.

– Бобби, теперь-то ты веришь, что именно он убил Генри Бэссингтон-френча?

– Если бы это было возможно...

– Это возможно при одном условии, что Сильвия Бэссингтон-френч тоже замешана в деле.

– Фрэнки!

– Знаю. Я испугалась не меньше твоего, когда эта мысль пришла мне в голову. Почему Сильвия была так непонятлива во всем, что касалось морфия? Почему она так упорствовала, когда мы убеждали ее отправить мужа не в Грейндж, а еще куда-нибудь? И потом, она ведь была в доме, когда раздался выстрел.

– Она могла сделать это сама.

– О нет! Это уж точно.

– Могла. И отдать потом ключ от кабинета Николсону, чтобы тот сунул его в карман Генри.

– Это бред, – безнадежно сказала Фрэнки. – Как будто смотришь в кривое зеркало. Все люди, которые казались хорошими, на самом деле плохие. Такие вроде бы обыкновенные люди. Должен же быть какой-то способ выявления преступников – по бровям, ушам или что-нибудь в этом роде.

– Бог мой! – вскричал Бобби.

– Что такое?

– Фрэнки, сюда приходил не Николсон!

– Ты с ума сошел? Кто же тогда?

– Не знаю, но это был не Николсон, я все время чувствовал неладное,

но не мог понять, в чем дело, а когда ты сказала «по ушам», до меня дошло. Когда я наблюдал за Николсоном в тот вечер через окно, я особо отметил уши: мочки срastaются со щеками. А у этого типа уши совсем не такие.

– Но что это значит? – безнадежно спросила Фрэнки.

– Это очень искусный актер, выдающий себя за Николсона.

– Но зачем? И кто это может быть?

– Бэссингтон-ффренч! – выдохнул Бобби. – Роджер Бэссингтон-ффренч. Мы с самого начала вышли на него, а потом нас, как идиотов, увели на ложный след.

– Бэссингтон-ффренч, – прошептала Фрэнки. – Бобби, ты прав. Это, должно быть, он. Он один слышал, как я поддевала Николсона насчет несчастных случаев.

– Тогда нам и правда конец, – сказал Бобби. – Я еще надеялся, что Роджер чудом узнает, где мы, но теперь надеяться больше не на что. Мойра в плену, мы с тобой связаны по рукам и ногам. Больше никто не знает, где мы. Игра окончена, Фрэнки.

Когда он умолк, наверху вдруг послышалась какая-то возня. В следующий миг раздался страшный треск, и в мансарду через слуховое окно рухнуло что-то тяжелое.

Разглядеть что-либо впотьмах было невозможно.

– Что за черт... – начал было Бобби, и тут из кучи битого стекла раздалось:

– Б-б-б-бобби?

– Ну, черт меня дери! – вскричал Бобби. – Это же Бэджер!

Глава 29

РАССКАЗ БЭДЖЕРА

Нельзя было терять ни минуты. Этажом ниже уже раздался шум.

– Быстрее, Бэджер, дурень ты этакий! – торопил Бобби. – Стяни с меня один башмак! Не спорь и не задавай вопросов, стащи его как-нибудь! Брось его на осколки, а сам лезь под кровать. Быстрее, говорю тебе!

Шаги на лестнице приближались. В замке повернулся ключ. В дверях со свечой в руке стоял Николсон – лже-Николсон. Он увидел, что Бобби и Фрэнки на месте, а на полу – груда осколков и башмак. Николсон удивленно перевел взгляд с ботинка на Бобби. Левая нога молодого человека была босой.

– Очень ловко, мой юный друг, – сухо сказал он. – Прямо-таки акробатика. – Он подошел к Бобби, осмотрел веревки и затянул еще пару узлов, после чего с любопытством взглянул на парня. – Хотел бы я знать, как вы умудрились добросить башмак до слухового окна. Невероятное достижение. В вас есть что-то от Гудини, друг мой. – Он посмотрел на них, на слуховое окно, пожал плечами и вышел из мансарды.

– Скорее, Бэджер.

Бэджер выполз из-под кровати. У него был карманный нож, с помощью которого он быстро освободил Бобби и Фрэнки.

– Так-то оно лучше, – сказал Бобби, потягиваясь. – Уф! Все тело онемело. Ну, Фрэнки, так как насчет нашего приятеля Николсона?

– Ты прав, – сказала Фрэнки. – Это Роджер Бэссингтон-ффренч. Теперь, когда я это знаю, я это вижу. Но актерская работа прекрасная.

– И голос, и пенсне, – сказал Бобби.

– Я учился в Оксфорде с одним Бэссингтон-ффренчем, – сказал Бэджер. – З-замечательный актер, п-п-правда. Но темная личность. П-подделал п-подпись отца на одном чеке. Старик з-замаял это дело.

В головах у Бобби и Фрэнки пронеслась одна и та же мысль. Бэджер, довериться которому они считали неблагоприятным, уже давно мог дать им ценные сведения!

– Подлог, – задумчиво сказала Фрэнки. – То письмо за твоей подписью, Бобби, было прекрасно подделано. Интересно, откуда у него образец твоего почерка?

– Если он заодно с Кейменами, он, вероятно, видел мое письмо насчет

Эванса.

– Ч-ч-что мы будем делать дальше? – спросил Бэджер.

– Устроимся за этой дверью, – сказал Бобби, – а когда наш друг вернется, мы с тобой налетим на него сзади. Такого сюрприза ему еще сроду не преподносили! Ну так как, Бэджер? Ты не прочь?

– Что за вопрос?

– А ты, Фрэнки, когда услышишь его шаги, садись лучше обратно на свой стул. Он увидит тебя, как только откроет дверь, и спокойно войдет.

– Хорошо, – сказала Фрэнки. – А когда вы с Бэджером повалите его, я тоже присоединюсь к вам и покусая ему лодыжки или сделаю что-нибудь этакое!

– Вот это настоящая женщина, – одобчительно сказал Бобби. – Ну, давайте сядем и послушаем Бэджера. Я хочу знать, каким чудом он свалился нам на голову через это слуховое окно.

– Ну, п-п-понимаешь, – сказал Бэджер, – п-п-после твоего отъезда я вроде как попал в п-п-переделку.

Мало-помалу они вытянули из него все. Это было повествование о долгах, кредиторах и судебных исполнителях. Бэджер потерпел крах вполне в своем духе. Бобби уехал, не оставив адреса, лишь сказав, что он отправляется на «Бентли» в Стейверли. Вот Бэджер и приехал в Стейверли.

– Я д-д-думал, что ты сможешь дать мне пятерку, – объяснил он.

У Бобби заныло сердце. Он приехал в Лондон помочь Бэджеру в его предприятии, но тут же бросил работу и отправился вместе с Фрэнки выслеживать злодеев. И даже сейчас верный Бэджер не произнес ни слова упрека.

Бэджер вовсе не хотел помешать Бобби в его таинственных делах, но справедливо считал, что такую машину, как зеленый «Бентли», нетрудно будет отыскать в деревушке вроде Стейверли. На поверку он обнаружил машину еще раньше – та стояла, брошенная, у какого-то кабачка.

– П-п-поэтому я решил преподнести тебе маленький сюрприз, п-п-понимаешь? – продолжал Бэджер. – На заднем сиденье были какие-то коврики и другое б-б-барахло, а вокруг никого. Я влез на заднее сиденье и накрылся ими. То-то, думаю, удивлю тебя, как никто никогда не удивлял.

Но из кабачка вышел шофер в зеленой ливрее, и Бэджер чуть не окаменел, когда выглянул из своего укрытия и увидел, что это не Бобби. Лицо шофера показалось ему смутно знакомым, но он так и не смог припомнить, кто это. Тем временем неизвестный сел за руль и поехал. Бэджер растерялся, не зная, как быть. Извиняться и объяснять что-то было затруднительно. Во всяком случае, когда надо втолковать что-то человеку,

который ведет машину, мчащуюся со скоростью 60 миль в час. Поэтому Бэджер решил затаиться и тихонько вылезти из машины, когда та остановится.

Наконец «Бентли» доехал до места, «Коттеджа Тюдоров». Шофер загнал ее в гараж и оставил там, но, уходя, запер ворота. Бэджер оказался в заточении. В стене гаража было небольшое оконце, и примерно полчаса спустя Бэджер, выглянув в него, увидел, как Фрэнки подходит к дому и как ее впускают туда.

Все это страшно озадачило Бэджера. Он начал подозревать, что дело нечисто. Во всяком случае, он твердо решил лично оценить положение и разобраться, что к чему. Ему удалось сломать замок при помощи отыскавшихся в гараже инструментов, и он отправился на разведку. Все окна первого этажа были закрыты ставнями, но Бэджеру пришло в голову, что, взобравшись на крышу, он сможет заглянуть в некоторые окна верхнего этажа. Влезть туда оказалось не очень трудно, помогла труба на стене гаража. А перебраться на крышу коттеджа было вообще парой пустяков. Обследуя дом, Бэджер наткнулся на слуховое окно. Все остальное сделала сила тяжести.

Когда Бэджер кончил свой рассказ, Бобби глубоко вздохнул.

– И все равно твое появление здесь – чудо, – сказал он с благоговейным трепетом. – Просто волшебство. Кабы не ты, дружище Бэджер, мы с Фрэнки через какой-нибудь час превратились бы в покойников.

Он вкратце рассказал Бэджеру, чем занимались они с Фрэнки, потом вздрогнул и умолк.

– Кто-то идет. Садись на свое место, Фрэнки. Сейчас мы преподнесем нашему актеру такой сюрприз, какого у него сроду не было!

Фрэнки устроилась на поломанном стуле и приняла понурый вид. Бэджер и Бобби притаились за дверью. Шаги приближались, из-под двери пробивалась полоска света от свечи. Вот ключ вставили в замок, повернули, дверь распахнулась. Свет пламени упал на Фрэнки, поникшую на своем стуле. Их тюремщик вошел в мансарду.

В тот же миг Бобби и Бэджер смело бросились на него. Захваченного врасплох мужчину повалили на пол, свеча отлетела, и Фрэнки подобрала ее. Через несколько секунд трое приятелей уже злорадно разглядывали лежавшую у их ног фигуру, крепко связанную теми же веревками, которыми прежде были опутаны Бобби и Фрэнки.

– Добрый вечер, мистер Бэссингтон-фрэнч, – сказал Бобби, и, если в его голосе звучало неприкрытое торжество, вряд ли это можно было

вменить ему в вину. – Отличная ночка для похорон!

Глава 30

ПОБЕГ

Лежавший на полу человек, вытаращив глаза, смотрел на них снизу вверх. Пенсне слетело с его носа, шляпа упала с головы. Отныне в камуфляже не было смысла. На бровях видны следы грима, но узнать человека не составляло труда: это был миловидный и немного глуповатый Роджер Бэссингтон-ффренч.

Он заговорил своим естественным голосом, приятным тенором. Тон у него был такой, каким обычно разговаривают с самим собой:

– Да, любопытно... Я ведь прекрасно знал, что ни один человек, так стянутый веревками, не в состоянии запустить башмаком в слуховое окно. Но ваш ботинок лежал в куче битого стекла, и я, приняв причину за следствие, допустил, что вы все же сумели совершить невозможное. Любопытное наблюдение, свидетельствующее об ограниченности возможностей мозга.

Никто ничего не сказал, и он продолжал все тем же задумчивым тоном:

– Ну что ж, в конце концов ваша взяла. Весьма неожиданно и крайне прискорбно. А я-то думал, что всех вас околпачил.

– А вы и околпачили, – сказала Фрэнки. – Я полагаю, письмо от Бобби – ваша подделка?

– У меня к этому талант, – скромно сказал Роджер.

– А как сюда попал Бобби?

Лежа на спине и мило улыбаясь, Роджер, казалось, с большим удовольствием просвещает их:

– Я знал, что он пойдет в Грейндж. Мне только и надо было, что затаиться в кустах у дорожки. Я оказался у него за спиной, когда он ретировался после неловкого падения с дерева. Я подождал, пока шум утихнет, а потом аккуратно отключил его, стукнув по шее мешком с песком. Оставалось только дотащить его до машины, запихнуть на откидное сиденье и привезти сюда. К утру я снова был дома.

– А Мойра? – спросил Бобби. – Вы и ее тоже заманили в ловушку?

Роджер усмехнулся. Видимо, этот вопрос позабавил его.

– Искусство подлога весьма полезно, мой дорогой Джонс, – заявил он.

– Вы свинья, – сказал Бобби.

Тут вмешалась Фрэнки. Ее по-прежнему переполняло любопытство, а их пленник, похоже, пребывал в таком настроении, что готов был оказать любую услугу.

– Зачем вам понадобилось играть под доктора Николсона? – спросила она.

– Зачем? – Казалось, Роджер задает этот вопрос самому себе. – Частично, вероятно, смеха ради, чтобы посмотреть, получится ли у меня разыграть вас обоих. Вы ведь были так уверены, что бедняга Николсон по уши влез в это дело. – Он засмеялся, и Фрэнки покраснела. – А все из-за того, что он устроил вам подробный допрос, интересуясь аварией, да еще с присущей ему помпезностью. Есть у него этот досадный пунктик – пристрастие к точности в деталях.

– И он в самом деле был совершенно невиновен? – медленно спросила Фрэнки.

– Как дитя во чреве матери, – сказал Роджер. – Но мне он сыграл на руку. Он привлек мое внимание к этой вашей аварии. Это да еще один случай заставили меня понять, что вы, вероятно, вовсе не такая невинная юная крошка, какой кажетесь. А потом я однажды утром оказался рядом с вами, когда вы звонили по телефону, и услышал, как ваш шофер назвал вас «Фрэнки». У меня довольно острый слух. Я попросил вас подбросить меня до города, и вы согласились, но испытали громадное облегчение, когда я передумал. В конце концов... – Он умолк и, насколько это было возможно, передернул своими связанными плечами. – Было довольно забавно смотреть, как вы все сильнее заводитесь из-за Николсона. Он безвредный старый осел, но вид у него действительно как у высокоученого преступника из кинофильмов. И я подумал, что не мешало бы укрепить вас в вашем заблуждении. В конце концов, ничего нельзя знать наверное: порой срываются и планы, подготовленные самым тщательным образом, доказательством чему мое нынешнее затруднительное положение.

– Вы должны непременно сказать мне одну вещь, – заявила Фрэнки. – Я чуть с ума не сошла от любопытства. Кто такой Эванс?

– О-о! – протянул Бэссингтон-фрэнч. – Значит, вы этого не знаете? – Он усмехнулся, потом захохотал. – Это весьма забавное свидетельство того, насколько глуп может быть человек.

– Вы имеете в виду нас? – спросила Фрэнки.

– Нет, – сказал Роджер. – Сейчас я о себе. Вот что, раз уж вы не знаете, что это за Эванс, я вам, пожалуй, и не скажу. Пусть это останется при мне как маленькая тайна.

Создалось довольно любопытное положение. Они поменялись

местами с Бэссингтон-френчем, но тем не менее он как-то смог лишиться их триумфа. Хотя он лежал на полу, связанный и плененный, хозяином положения был именно он.

– Что же вы будете делать теперь, позвольте спросить? – поинтересовался он.

Об этом еще никто не думал. Бобби с сомнением пробормотал что-то насчет полиции.

– Наверняка это лучшее, что можно сделать, – весело сказал Роджер. – Позвоните им и сдайте меня. Я полагаю, мне предъявят обвинение в похищении женщины. Вряд ли я смогу это отрицать. – Он посмотрел на Фрэнки. – Я буду вынужден признать себя виновным в темной страсти.

Фрэнки зарделась.

– А как же насчет убийства? – спросила она.

– Моя дорогая, у вас нет никаких доказательств. Абсолютно никаких. Обдумайте все хорошенько, и вы увидите, что это так.

– Бэджер, – сказал Бобби, – ты оставайся здесь и присматривай за ним. Я спущусь и позвоню в полицию.

– Смотри поосторожнее, – сказала Фрэнки. – Мы же не знаем, сколько их может оказаться в доме.

– Никого нет, кроме меня, – сказал Роджер. – Я действовал в одиночку.

– Я не собираюсь верить вам на слово, – грубовато сказал Бобби. Он наклонился и проверил узлы. – Порядок, не вырвется. Пожалуй, спустимся все вместе, дверь можно запереть.

– Уж больно вы недоверчивы, мой дорогой друг, – сказал Роджер. – У меня в кармане пистолет, если хотите. Возможно, с ним вам будет спокойнее, а мне он уж вовсе ни к чему в моем теперешнем положении.

Не обращая внимания на насмешливый тон Роджера, Бобби наклонился и вытащил оружие.

– Очень любезно, что вы упомянули о нем, – сказал он. – Если хотите знать, с ним действительно веселее.

– Вот и хорошо, – сказал Роджер. – Он заряжен.

Бобби взял свечу, и они гуськом вышли с чердака, оставив Роджера лежать на полу. Бобби запер дверь и положил ключ в карман. Пистолет он держал в руке.

– Я пойду первым, – сказал он. – Сейчас надо действовать наверняка и не наломать дров.

– А он с-с-странный парень, правда? – проговорил Бэджер, кивнув на запертую мансарду.

– Он умеет проигрывать, – сказала Фрэнки. Даже сейчас она не совсем

освободилась от чар этого замечательного молодого человека.

Шаткая лестница вела в прихожую. Бобби перегнулся через перила и увидел телефон. Все было тихо.

– Сначала нам, пожалуй, лучше заглянуть в комнаты, – предложил он. – Не хватало еще, чтобы на нас напали с тыла.

Бэджер по очереди распахнул все двери. Из четырех спален три оказались пустыми. В четвертой на кровати лежала хрупкая фигурка.

– Это Мойра! – вскричала Фрэнки, входя.

Остальные последовали за ней. Мойра лежала как мертвая, лишь грудь ее едва заметно вздымалась.

– Она спит? – спросил Бобби.

– Я думаю, ее напичкали наркотиками, – сказала Фрэнки. Она осмотрелась. На столике у окна лежал шприц в эмалированном лотке, стояла маленькая спиртовка и валялось нечто вроде иглы для подкожного введения морфия. – По-моему, с ней ничего страшного. Но нужно найти врача.

– Идемте вниз и позвоним, – предложил Бобби.

Они пошли в прихожую. Фрэнки побаивалась, что телефонные провода окажутся перерезанными, но ее страхи были напрасны. Они довольно легко дозвонились до полиции, но растолковать что-либо оказалось очень трудно. Местная полиция отнеслась к вызову как к шутке, но в конце концов Бобби убедил их и, переведя дух, положил трубку на рычаг. Он затребовал врача, и констебль обещал привезти. Десять минут спустя подкатила машина с инспектором, констеблем и пожилым человеком, выглядевшим как истый эскулап. Бобби и Фрэнки встретили их, наспех объяснив, в чем дело, повели на чердак. Бобби распахнул дверь и стал как вкопанный. Посреди мансарды на полу валялся клубок порванных веревок. Под разбитым слуховым окном на пододвинутой туда кровати стоял стул. Роджера Бэссингтон-френча и след простыл. Бобби и Фрэнки лишились дара речи.

– Кстати, о Гудини, – сказал наконец Бобби. – Должно быть, этот парень перегудинил самого Гудини. Как же, черт побери, он разрезал эти веревки?

– У него, наверное, был нож в кармане, – сказала Фрэнки.

– Даже если и так, он не мог до него добраться. Руки у него были связаны за спиной.

Инспектор кашлянул. Прежние сомнения вновь одолели его. Теперь он был пуще прежнего уверен, что над ним подшутили. Бобби и Фрэнки принялись рассказывать долгую историю, которая с каждой минутой

звучала все более невероятно. Выручил их врач. Когда его повели в комнату, где лежала Мойра, он сразу же заявил, что ей ввели морфий или какой-то препарат, содержащий опиум. Он считал, что особой опасности нет и через четыре-пять часов она проснется. Доктор тут же предложил отвезти ее в хорошую местную лечебницу. Бобби и Фрэнки согласились, поскольку не знали, что еще придумать. Они сообщили инспектору свои имена и адреса, причем Фрэнки полицейский явно не поверил. Потом им разрешили покинуть «Коттедж Тюдоров», и инспектор помог молодым людям устроиться в деревенской гостинице под названием «Семь звезд».

Они с радостью разошлись по своим комнатам, поскольку чувствовали, что все смотрят на них как на преступников. Бобби и Бэджеру достался двухместный номер, а Фрэнки – крошечная комнатка с одной кроватью. Они едва успели разойтись, когда в дверь Бобби постучали. Пришла Фрэнки.

– Я кое-что вспомнила, – проговорила она. – Если этот дурак инспектор по-прежнему убежден, что мы фантазеры, я смогу доказать ему, что меня травил хлороформом.

– Правда? И как же?

– Ящик для угля, – твердо сказала Фрэнки.

Глава 31

ФРЭНКИ ЗАДАЕТ ВОПРОС

Фрэнки так устала от своих походов, что заспалась допоздна и спустилась в маленькую кофейню только в половине одиннадцатого. Бобби уже ждал ее там.

– Привет, Фрэнки, ну наконец-то!

– Не будь таким противно бодреньким, мой дорогой. – Фрэнки опустила на стул.

– Что ты будешь есть? У них есть треска с яичницей, ветчина и буженина.

– Я съем тост со слабым чаем, – сказала Фрэнки. – Что это с тобой?

– Должно быть, последствия удара мешком с песком, – ответил Бобби. – Возможно, лопнули какие-то связки в мозгу. Я чувствую себя так, будто полон энергии и умных мыслей, и мне не терпится удрать отсюда, чтобы заняться делом.

– Ну, так почему же ты не удираешь? – вяло спросила Фрэнки.

– Я уже отлучался. Последние полчаса я провел с инспектором Хэммондом. Придется нам, Фрэнки, пока признать, что это была всего лишь шутка.

– Ах, но, Бобби...

– Я сказал «пока». Нам надо докопаться до сути этого дела. Роджер Бэссингтон-френч нужен нам как убийца, а не как похититель невест.

– И мы его найдем, – сказала Фрэнки, воспрянув духом.

– Вот это уже дело, – одобрительно сказал Бобби. – Выпей еще чаю.

– Как Мойра?

– Неважно. Она пришла в себя в ужасном состоянии. Нервы. Очевидно, страшно напугана. Она уехала в Лондон, в лечебницу на Квинз-Гейт. Говорит, что там она будет в большей безопасности. Тут ей было слишком страшно.

– Смелостью она никогда не отличалась, – сказала Фрэнки.

– Ну, когда по округе рыщет маньяк-убийца вроде Роджера Бэссингтон-френча, любой струхнет.

– Он же не ее хочет убить. Ему нужны мы.

– Вероятно, сейчас он слишком озабочен собственной судьбой, чтобы думать еще и о нас, – сказал Бобби. – Итак, Фрэнки, надо докопаться до

сути. Все это дело наверняка началось со смерти и завещания Джона Сэвиджа. Там что-то нечисто. Либо завещание было поддельное, либо Сэвиджа убили, или что-то в этом роде.

– Весьма вероятно, что завещание было подделано, раз там замешан Бэссингтон-френч, – задумчиво сказала Фрэнки. – Он, похоже, специалист по подлогам.

– Возможно, тут и подлог, и убийство. Это надо выяснить.

Фрэнки кивнула.

– У меня остались заметки, которые я сделала, ознакомившись с завещанием. Засвидетельствовали его Роз Чадли, кухарка, и Альберт Миэр, садовник. Их, вероятно, легко найти. Есть еще и стряпчие, которые его составляли, Элфорд и Ли, весьма уважаемая фирма, по словам мистера Спрэгга.

– Правильно, отсюда мы и начнем. Пожалуй, тебе лучше заняться стряпчими. Ты сможешь вытянуть из них больше, чем я. А я поищу Роз Чадли и Альберта Миэра.

– Да, а Бэджер?

– Бэджер никогда не встает раньше ленча, за него не волнуйся.

– Надо как-то поправить его дела, – сказала Фрэнки. – В конце концов, он спас мне жизнь.

– Очень скоро они опять запутаются, – отвечал Бобби. – Да, кстати, что ты об этом думаешь? – Он протянул ей кусочек грязного картона. Эта была фотография.

– Мистер Кеймен, – сразу же сказала Фрэнки. – Где взял?

– Завалилась за телефон.

– Ну, тогда, по-моему, ясно, кто такие Темплтоны. Подожди минутку.

К ним как раз подошла официантка с тостами. Фрэнки показала ей фотографию.

– Вы не знаете, кто это? – спросила она. Официантка, склонив голову набок, посмотрела на снимок.

– Я видела этого господина, но что-то не могу вспомнить... Ах да, он жил в «Коттедже Тюдоров», мистер Темплтон. Они куда-то уехали, по-моему, за границу.

– Что он был за человек? – спросила Фрэнки.

– Право, даже и не скажу. Не так уж часто они сюда наезжали, лишь иногда по выходным, и почти не попадались на глаза. Миссис Темплтон была довольно обаятельная дама. Но они жили в «Коттедже Тюдоров» недолго, всего с полгода, а потом какой-то богатый джентльмен умер и оставил миссис Темплтон все свои деньги, и они уехали жить за границу.

Правда, «Коттедж Тюдоров» они так и не продали. По-моему, они иногда сдают его на выходные. Но я не думаю, что с такими деньгами они когда-нибудь вернутся и станут жить в нем сами.

– У них ведь была кухарка по имени Роз Чадли, правда?

Но кухарки девушку, похоже, не интересовали. Вот когда богатей оставляет тебе состояние – это действительно возбуждает воображение. На вопрос Фрэнки она ответила: «Откуда же мне знать» – и ушла.

– Дело ясное, – сказала Фрэнки. – Кеймены перестали приезжать сюда, но сохранили за собой дом для удобства своей шайки.

После того как обязанности были поделены в соответствии с предложением Бобби, Фрэнки принарядилась, купив кое-что в местной лавке, и укатила на «Бентли», а Бобби отправился искать Альберта Миэра, садовника.

Молодые люди встретились вновь за ленчем.

– Ну? – спросил Бобби.

Фрэнки покачала головой.

– О подлоге не может быть и речи, – уныло сказала она. – Я долго пробыла у мистера Элфорда, славного старикана. Он прослышал о наших ночных приключениях и насел на меня, требуя подробностей. Думаю, тут у них не так уж много развлечений. Во всяком случае, я его быстро приручила, а потом перевела разговор на Сэвиджа. Я сделала вид, что познакомилась с родственниками покойного и они намекнули на возможность подлога. Тут мой старый дорогуша ошетинился. Это, мол, совершенно исключено! Никакой переписки не велось, он сам был у мистера Сэвиджа, и тот настоял, чтобы завещание составили прямо при нем. Мистер Элфорд хотел уехать и сделать все как следует – ну, ты знаешь, как это у них водится: исписывают кучу страниц, разглагольствуя ни о чем.

– Не знаю, – сказал Бобби. – Никогда не составлял завещаний.

– А я составляла... два. Второе – сегодня утром. Мне пришлось сочинить предлог для встречи со стряпчим.

– И кому же ты оставила все свои деньги?

– Тебе.

– Это немного опрометчиво, ты не находишь? Если бы Роджеру Бэссингтон-френчу удалось тебя укокошить, меня, вероятно, вздернули бы за это.

– А мне и невдомек, – сказала Фрэнки. – Ну ладно. Так вот, мистер Сэвидж до того нервничал и был в таком взвинченном состоянии, что мистер Элфорд прямо там же на месте составил завещание. Пришли

служанка и садовник и засвидетельствовали его, и мистер Элфорд забрал его с собой на хранение.

– Это действительно исключало подлог, – согласился Бобби.

– Знаю. Какой уж тут подлог, когда человек ставит подпись у тебя на глазах. А что касается убийства, то об этом сейчас трудно что-либо узнать. Врач, которого тогда вызвали, уже умер. Вчера мы видели нового, он тут всего месяца два.

– Что-то у нас удручающе много покойников, – сказал Бобби.

– Боже, а кто еще умер?

– Альберт Миэр.

– Ты думаешь, их всех убрали?

– Да очень уж смахивает на мор. Впрочем, с Альбертом Миэром все вроде нормально: несчастному старичку было семьдесят два.

– Ну что ж, тут можно, пожалуй, вести речь о естественной смерти. А с Роз Чадли повезло?

– Да. Оставив службу у Темплтонов, она уехала в городок на севере Англии, но вернулась сюда и вышла замуж за мужчину из местных, с которым она, похоже, дружила последние семнадцать лет. К сожалению, она немного с приветом. Кажется, ничего не помнит. Возможно, ты сумеешь чего-нибудь от нее добиться.

– Попробую, – сказала Фрэнки. – Я умею разговаривать с чокнутыми. А где Бэджер, кстати?

– Милостивый боже, я совсем забыл о нем. – Бобби встал, вышел из комнаты и через несколько минут вернулся.

– Он еще спал, – объяснил Бобби. – Сейчас встанет. Горничная вроде бы четыре раза стучала в дверь, но без всякого толку.

– Пожалуй, лучше нам сходить к этой полоумной, – сказала Фрэнки, вставая. – А потом мне обязательно надо купить зубную щетку, халат и другие предметы первой необходимости, чтобы жить по-человечески. Прошлой ночью я так приблизилась к природе, что совершенно о них забыла, и завалилась спать, едва стянув верхнюю одежду.

– Да, – сказал Бобби. – Я тоже.

– Идем потолкуем с Роз Чадли.

Роз Чадли, ныне миссис Прэтт, жила в небольшом коттедже, переполненном мебелью и фарфоровыми собачонками. Сама миссис Прэтт была дородной неповоротливой женщиной с рыбьими глазами и, судя по некоторым признакам, с полипами в носу.

– Вот видите, я вернулся, – бодро сказал ей Бобби.

Миссис Прэтт, отдуваясь и кряхтя, оглядела их без всякого

любопытства.

– Нас заинтересовало, что вы жили у миссис Темплтон, – объяснила Фрэнки.

– Да, мэм, – сказала миссис Прэтт.

– Сейчас она, кажется, живет за границей, – продолжала Фрэнки с видом близкого друга семьи, о которой идет речь.

– Говорят, да, – согласилась миссис Прэтт.

– Вы ведь некоторое время работали у нее, правда?

– Что, мэм?

– Вы какое-то время работали у миссис Темплтон, – медленно и с расстановкой повторила Фрэнки.

– Я бы этого не сказала, мэм. Всего два месяца.

– О-о! А я-то думала, вы служили у нее гораздо дольше.

– То была Глэдис, мэм. Горничная. Она работала там полгода.

– Вас было двое?

– Совершенно верно. Она была горничной, а я кухаркой.

– Вы ведь были там, когда умер мистер Сэвидж, правда?

– Простите, мэм?

– Вы были там, когда умер мистер Сэвидж?

– Мистер Темплтон не умер. По крайней мере, я не слыхала. Он уехал за границу.

– Не мистер Темплтон, мистер Сэвидж, – сказал Бобби.

Миссис Прэтт посмотрела на него пустым взглядом.

– Тот джентльмен, который оставил ей все деньги, – сказала Фрэнки.

Лицо миссис Прэтт озарилось чем-то похожим на свет разума.

– Ах да, мэм, джентльмен. Было еще дознание.

– Правильно, – сказала Фрэнки, радуясь своему успеху. – Он довольно часто наезжал сюда, правда?

– Насчет этого не скажу, мэм. Я только пришла тогда. Глэдис должна знать.

– Но вам пришлось засвидетельствовать завещание, не так ли?

Миссис Прэтт тупо посмотрела на нее.

– Вы видели, как он подписал бумагу? Вы сами подписывали ее?

И снова проблеск понимания.

– Да, мэм. Я и Альберт. Прежде я никогда такого не делала, и мне это не понравилось. Я сказала Глэдис, что мне не нравится подписывать всякие бумаги, и это так, но Глэдис заявила, что все, должно быть, в порядке, раз там был мистер Элфорд, а он очень приятный джентльмен, да еще стряпчий.

- Что именно там произошло? – спросил Бобби.
- Простите, сэр?
- Кто позвал вас подписаться? – спросила Фрэнки.

– Хозяйка, сэр. Она зашла на кухню и спросила, не схожу ли я в сад за Альбертом и не придем ли мы потом в лучшую спальню. Она только накануне освободила ее для этого господина. Он сидел там на постели. Вернулся из Лондона и тут же слег, и вид у него был совсем больной. Раньше-то я его не встречала. Но выглядел он как привидение, и мистер Элфорд тоже там был, он говорил очень вежливо и сказал, чтобы я не боялась и поставила свою подпись там, где господин этот расписался. Так я и сделала: написала фамилию свою и адрес, а потом еще добавила: «Кухарка». И Альберт сделал то же самое, а потом я пошла, вся дрожа, к Глэдис и сказала, что никогда не видела джентльмена, который бы выглядел как смерть, а Глэдис сказала, что накануне вечером он выглядел нормально и что, наверное, в Лондоне его расстройство постигло какое-то. Он уехал в Лондон очень рано, когда все еще спали. А потом я сказала, что мне не нравится бумаги подписывать, а Глэдис и говорит: мол, ничего страшного, ведь там был мистер Элфорд.

- А мистер Сэвидж, этот джентльмен, когда он умер?

– Наутро, мэм, это точно. Он закрылся в тот вечер в комнате и близко к себе никого не подпускал, а когда Глэдис утром заглянула к нему, он был мертвый и окоченевший, а рядом с кроватью лежало письмо, и на конверте надпись: «Судебному медику». Ой, тут уж Глэдис и впрямь струхнула. А потом было дознание и прочее. Месяца два спустя миссис Темплтон сказала мне, что она уезжает жить за границу. Но она подыскала мне очень хорошее место на севере, с приличным жалованьем, и сделала мне ценный подарок, и все такое. Очень милая леди, миссис Темплтон.

Миссис Прэтт уже разговорилась и получала удовольствие от собственного красноречия. Фрэнки встала.

– Ну что ж, – сказала она, – было очень приятно вас послушать. – Она вытащила банкноту. – Позвольте мне... э-э... оставить вам маленький подарок. Я отняла у вас столько времени...

– Вот уж спасибо так спасибо, мадам. Доброго дня вам и вашему молодцу.

Фрэнки покраснела и быстро удалилась восвояси. Через пару минут вышел и Бобби. Вид у него был весьма озадаченный.

- Похоже, мы вытянули из нее все, что она знает.

– Да, – согласилась Фрэнки. – И все сходится. Видать, Сэвидж и правда составил это завещание и, наверное, всерьез опасался, что у него

рак. Вряд ли они могли подкупить доктора с Харли-стрит. Наверное, они просто воспользовались тем, что он составил завещание, и побыстрее разделались с ним, пока он не передумал. Но я не вижу способа доказать, что они убили его.

– Да. Можно подозревать, что миссис Темплтон дала ему какое-то «снотворное», но доказать это мы не сумеем, равно как и то, что Роджер, вероятно, подделал письмо к судебному медику. Я полагаю, записку уничтожили, как только она сыграла свою роль на дознании.

– Стало быть, мы возвращаемся к исходному вопросу: чего так боятся Бэссингтон-ффренч и компания? Что такого мы можем обнаружить?

– А тебе ничто не кажется странным?

– Да нет, пожалуй. Разве что одна вещь. Почему миссис Темплтон послала за садовником, чтобы засвидетельствовать завещание, когда в доме была горничная? Почему они не попросили горничную?

– Странно, что ты об этом упомянула, – сказал Бобби. Голос его до того изменился, что Фрэнки удивленно посмотрела на приятеля.

– Почему?

– Потому что я задержался, чтобы спросить у миссис Прэтт фамилию и адрес Глэдис.

– Ну и?

– Фамилия горничной была Эванс!

Глава 32

ЭВАНС

Фрэнки ахнула. А голос Бобби стал тонким от возбуждения.

– Понимаешь, ты задала тот же самый вопрос, что и Алан Карстэрс: почему не горничная? Почему не Эванс?

– Ой, Бобби, наконец-то мы добираемся до сути! То же самое, должно быть, удивило и Карстэрса. Он, как и мы, повсюду совал свой нос, выискивая что-нибудь подозрительное, и это обстоятельство удивило его точно так же, как и нас. Более того, я полагаю, что он и в Уэльс-то приехал по той же причине. Глэдис Эванс – валлийское имя. Эванс, вероятно, была девушка из Уэльса. Он шел по ее следу до Марчболта. А кто-то шел следом за ним. В итоге Карстэрс так до девушки и не добрался.

– Почему не Эванс? – повторила Фрэнки. – Должна же быть какая-то причина. Вроде глупость, а важно. Зачем посылать за садовником, когда в доме две прислуги?

– Может, дело в том, что и Чадли, и Альберт Миэр были немного свихнутые, а Эванс – девушка в здравом уме?

– Вряд ли только поэтому. Там же был мистер Элфорд, а он весьма проникателен. Эх, Бобби, именно тут собака зарыта, я это знаю. Нам бы только докопаться... Эванс. Почему Чадли и Миэр, а не Эванс? – Вдруг она осеклась и прижала ладони к глазам. – Сейчас, сейчас... Что-то вроде вспышки. Через минуту я все пойму... – Она застыла, потом отняла руки от лица и посмотрела на своего приятеля. В глазах ее горел странный огонек. – Бобби, – сказала она, – если человек живет в доме, где две прислуги, которой из них он дает на чай?

– Горничной, естественно, – удивленно ответил Бобби. – Кухарке на чай никогда не дают. Во-первых, гость ее никогда не видит.

– Да, и она никогда не видит тебя. Разве что мельком, если ты долго гостишь в доме. Горничная же обслуживает тебя за обедом, будит, подает тебе кофе...

– На что ты намекаешь, Фрэнки?

– Они не могли пригласить Эванс засвидетельствовать завещание, потому что Эванс увидела бы, что его составлял не мистер Сэвидж.

– Боже милосердный, Фрэнки, о чем ты? Кто же тогда?

– Бэссингтон-френч, разумеется! Неужели ты не понимаешь, что он

выдал себя за Сэвиджа? Готова спорить, что именно Бэссингтон-ффренч ездил к доктору и поднял всю эту шумиху насчет рака. Затем послали за стряпчим – незнакомцем, который не знает мистера Сэвиджа и который будет готов присягнуть, что видел, как мистер Сэвидж подписывал завещание. И оно засвидетельствовано двумя людьми, один из которых никогда не видел Сэвиджа, а другой – старик. Он мог быть подслеповат. Мог тоже прежде не встречаться с Сэвиджем. Ну, что ты об этом думаешь?

– Но где же все это время был настоящий мистер Сэвидж?

– О, приехать-то он приехал, но потом они, наверное, накачали его наркотиками, бросили на чердак и продержали там двенадцать часов, пока Бэссингтон-ффренч лицедействовал. Затем его уложили обратно в постель и дали хлорал, а наутро Эванс нашла его мертвым.

– Бог мой, наверное, ты попала в точку. Но можем ли мы все это доказать?

– Да... Нет... Не знаю. А что, если показать Роз Чадли, я имею в виду Прэтт, фотографию настоящего Сэвиджа? Сможет она сказать: «Это не тот человек, который подписывал завещание»?

– Сомневаюсь, – сказал Бобби. – Она такая простофиля.

– Я полагаю, именно поэтому ее и выбрали. Но есть еще одна возможность. Эксперт мог бы определить подделку.

– Но никто еще этого не сделал.

– Потому что вопрос не всплывал. Ведь, по идее, на подделку завещания нужно время. Но теперь все меняется.

– Мы должны сделать только одно, – сказал Бобби. – Найти Эванс. Она может много нам рассказать. Не забывай, что она полгода жила у Темплтонов.

– Это же адский труд! – простонала Фрэнки.

– А что, если попытаться счастья на почте? – предложил Бобби.

Они как раз проходили мимо почтового отделения, которое было больше похоже на универмаг. Фрэнки вошла. В здании была только начальница почты – моложавая дамочка, явно любившая во все совать нос. Фрэнки купила двухшиллинговый альбом для марок, обронила что-то насчет погоды и сказала:

– Полагаю, тут у вас всегда более ясно, чем в тех местах, где живу я. Это в Уэльсе, в Марчболте. Вы и не поверите, как у нас льет.

На это ей ответили, что и здесь бывают жуткие ливни, а в прошлый выходной и вовсе хлестало как из ведра. Фрэнки сказала:

– В Марчболте живет одна уроженка ваших мест. Интересно, знакомы ли вы с ней? Ее зовут Эванс, Глэдис Эванс.

– Разумеется! – простодушно воскликнула моложавая дама. – Она служила тут, в «Коттедже Тюдоров». Но она не местная. Она приехала из Уэльса, потом вернулась туда и вышла замуж. Сейчас ее фамилия Робертс.

– Совершенно верно, – сказала Фрэнки. – Вы, часом, не знаете ее адреса? Я как-то позаимствовала у нее плащ, а вернуть забыла. Будь у меня ее адрес, я бы отправила плащ по почте.

– Знаю, – ответила начальница. – Время от времени я получаю от нее открытки. Они с мужем снова пошли в услужение. Погодите-ка минуточку. – Она отошла в угол, порылась там и вернулась с клочком бумаги в руке. – Пожалуйста, – сказала она, толкнув листок через стойку. Бобби и Фрэнки прочли адрес. Чего-чего, но такого они не ожидали: *«Миссис Робертс. Дом викария, Марчболт, Уэльс»*.

Глава 33

ПЕРЕПОЛОХ В «ВОСТОЧНОМ КАФЕ»

Они не помнили, как выбрались из здания почты. Оказавшись на улице, они переглянулись и одновременно затряслись от смеха.

– В доме викария! Все это время! – выдохнул Бобби.

– А я проштудировала список из четырехсот восьмидесяти Эвансов, – плаксиво сказала Фрэнки.

– Вот теперь я понимаю, почему Бэссингтон-ффренчу было так весело, когда до него дошло, что мы понятия не имеем, кто такой Эванс!

– А между тем ты и Эванс жили под одной крышей!

– Что ж, вперед, – сказал Бобби. – Следующая остановка – Марчболт.

– Мы снова возвращаемся в милый старый дом после долгих странствий.

– Пошло оно все к чертям! – разозлился Бобби. – Надо же что-то сделать для Бэджера. У тебя есть какие-нибудь деньги, Фрэнки?

Фрэнки открыла кошелек и вытащила пригоршню банкнот.

– Отдай ему и скажи, пусть пока умилюстит своих кредиторов, а потом отец купит его гараж и сделает Бэджера управляющим.

– Хорошо, – сказал Бобби. – Самое главное – поскорее отсюда умотать.

– К чему такая спешка?

– Не знаю. У меня предчувствие.

– Какой ужас! Тогда поехали скорее.

– Я пойду к Бэджеру, а ты заводи машину.

– Так я и не куплю зубную щетку, – сказала Фрэнки.

Пять минут спустя они катили прочь от Чиппинг Сомертона. Бобби не мог пожаловаться на маленькую скорость, но Фрэнки вдруг сказала:

– Слушай, Бобби, по-моему, мы едем недостаточно быстро.

Бобби бросил взгляд на стрелку спидометра, которая в этот миг показывала восемьдесят миль в час, и сухо заметил:

– Уж и не знаю, как еще наддать ходу.

– Мы можем взять воздушное такси, – сказала Фрэнки. – Мы всего в семи милях от аэродрома Мидшот.

– Девочка моя дорогая! – воскликнул Бобби.

– Сделав это, мы через пару часов окажемся дома.

– Ну что ж, – сказал Бобби, – давай возьмем воздушное такси.

Все это начинало походить на сказочный сон. Бобби не знал, к чему такая дикая спешка, и подозревал, что Фрэнки тоже не знает. Просто у них возникло какое-то предчувствие.

В Мидшоте Фрэнки спросила мистера Дональда Кинга. К ним вышел неопрятный молодой человек, который, похоже, слегка удивился, увидев девушку.

– Привет, Фрэнки, – бросил он. – Сто лет тебя не видел. Чем могу помочь?

– Мне нужно воздушное такси, – сказала Фрэнки. – Ты ведь именно этим занимаешься, да?

– О да! Куда ты хочешь лететь?

– Я хочу побыстрее вернуться домой, – сказала Фрэнки.

Мистер Дональд Кинг вздернул брови.

– И только-то?

– Не совсем, – сказала Фрэнки, – но это главное.

– Ну что ж, мы тебя вмиг доставим.

– Я выпишу тебе чек, – сказала Фрэнки.

Пять минут спустя они взлетели.

– Фрэнки, – спросил Бобби, – зачем мы это делаем?

– Не имею ни малейшего понятия, – сказала Фрэнки. – Но у меня чувство, что так надо. А у тебя?

– Как ни странно, у меня тоже. Но я не знаю почему. Не улетит же, в конце концов, наша миссис Робертс на помеле.

– А может, улетит. Не забывай, мы не знаем, что задумал Бэссингтон-френч.

– Что верно, то верно, – задумчиво сказал Бобби.

День клонился к вечеру, когда Фрэнки и Бобби высадились из самолета и, пересев в «Крайслер» лорда Марчингтона, въехали в Марчболт. Они остановились у ворот дома викария и побежали по подъездной аллее.

«Скоро я проснусь, – подумал Бобби. – Что мы делаем? Зачем? Почему?»

На пороге дома стояла хрупкая фигурка. Фрэнки и Бобби сразу же узнали ее.

– Мойра! – крикнула Фрэнки.

Мойра обернулась. Она слегка покачивалась.

– Ой, как хорошо, что вы здесь! Я не знаю, что мне делать.

– Но почему вы тут оказались?

– Наверное, потому же, почему и вы.

– Вы узнали, кто Эванс? – спросил Бобби.

Мойра кивнула.

– Да, это долгая история...

– Зайдем в дом, – сказал Бобби.

Но Мойра отпрянула.

– Нет-нет, – поспешно сказала она. – Давайте пойдем куда-нибудь и поговорим. Я вам должна что-то сказать, прежде чем мы войдем в дом. Нет ли тут какого-нибудь кафе или чего-нибудь в этом роде?

– Хорошо, – сказал Бобби, неохотно отходя от двери. – Но почему...

Мойра топнула ногой.

– Вы все поймете, когда я вам расскажу. Идемте же, прошу вас. Нельзя терять ни минуты.

Они уступили. На главной улице стояло «Восточное кафе», помпезное название которого никак не вязалось с внутренним убранством. Они вошли. В кафе в это время было затишье. Половина седьмого. Они сели за небольшой столик в углу, и Бобби заказал три чашки кофе.

– Ну? – спросил он.

– Погодите, пусть она принесет кофе, – сказала Мойра.

Официантка вернулась и со скупающим видом поставила перед ними три чашки тепловатого кофе.

– Ну же, – торопил Бобби.

– Не знаю даже, с чего начать, – заговорила Мойра. – Это произошло в лондонском поезде. Право, удивительнейшее совпадение. Я шла по коридору, и... – Мойра осеклась. Она сидела лицом к двери и вдруг подалась вперед, вытаращив глаза. – Должно быть, он следил за мной, – сказала она.

– Кто? – в один голос вскричали Фрэнки и Бобби.

– Бэссингтон-ффренч, – прошептала Мойра.

– Вы его видели?

– Он на улице. Я видела его с рыжеволосой женщиной.

– Миссис Кеймен! – воскликнула Фрэнки.

Они с Бобби вскочили и побежали к двери. Мойра хотела их остановить, но они не обратили на нее внимания. Оглядев улицу, они не увидели никакого Бэссингтон-ффренча. Мойра присоединилась к ним.

– Он ушел? – спросила она дрожащим голосом. – Будьте осторожны, он очень опасен.

– Он бессилен, пока мы все вместе, – сказал Бобби.

– Возьмите себя в руки, – сказала Фрэнки. – Не будьте такой трусихой.

– Ладно, делать нечего, – проговорил Бобби, возвращаясь за столик. – Продолжайте, Мойра, что вы хотели нам рассказать?

Он взял свою чашку, но тут Фрэнки, поскользнувшись, упала на него, и кофе пролился на пол.

– Прошу прощения, – сказала она и потянулась к соседнему столику, накрытому в ожидании возможных посетителей к обеду. На нем стояли две закрытые пробками склянки – одна с маслом, вторая с уксусом. Бобби следил за странными манипуляциями девушки. Та вылила уксус в сосуд для омовения рук и принялась лить туда же кофе из своей чашки.

– Ты с ума сошла, Фрэнки, – сказал Бобби. – Что ты делаешь?

– Беру образец кофе, чтобы отдать Джорджу Арбатноту на анализ, – отвечала Фрэнки, поворачиваясь к Мойре. – Игра окончена, Мойра. Только что все встало на свои места. Когда я толкнула Бобби под локоть и он разлил кофе, я увидела ваше лицо. Заставив нас броситься к двери в поисках Бэссингтон-ффренча, вы подсыпали что-то в наши чашки. Вы проиграли, миссис Николсон, или Темплтон, или как вас там!

– Темплтон?! – вскричал Бобби.

– Ты посмотри на ее физиономию! – гаркнула Фрэнки. – А если она станет отрицать это, отведи ее в дом отца и посмотри, не опознает ли ее миссис Робертс.

Бобби посмотрел на Мойру и увидел, как ее лицо, ее незабываемый одухотворенный лик искажается гримасой дьявольской злобы.

Прекрасные уста раскрылись, и из них вдруг хлынул поток грязных ругательств.

Мойра рылась у себя в сумочке. Бобби, все еще ошеломленный, тем не менее среагировал мгновенно. Его рука рванулась вперед и снизу вверх ударила по пистолету. Пуля пролетела над головой Фрэнки и врезалась в стену «Восточного кафе». Впервые за всю историю заведения официантке пришлось проявить проворство. Она стрелой вылетела на улицу с диким криком:

– Помогите, убивают! Полиция!

Глава 34

ПИСЬМО ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Прошло несколько недель. Фрэнки только что получила письмо, на котором стояла марка одной не очень известной южноамериканской республики. Прочитав письмо, она передала его Бобби. Послание гласило:

«Дорогая Фрэнки, право, я вас поздравляю! Вы и ваш молодой друг-моряк сорвали все мои жизненные планы. А я так здорово все устроил! Вы действительно хотели бы узнать всю правду? Моя подружка настолько полно рассказала обо мне (это по злобе, ибо, боюсь, все без исключения женщины – крайне злобные существа), что мои откровения уже не причинят мне более вреда. К тому же я начинаю новую жизнь. Роджер Бэссингтон-френч умер!

Я полагаю, что всегда был так называемым никудышником. Даже в Оксфорде у меня случился небольшой прокол. Глупо, потому что его непременно должны были обнаружить. Папочка не стал выдавать меня, но отправил в колонии, где я довольно скоро подружился с Мойрой и ее приятелями. Она была просто очаровашка. К пятнадцати годам – уже закоренелая преступница. Когда я с ней повстречался, она была в бегах, спасалась от американской полиции. Мы понравились друг другу и решили соединить наши судьбы, но сперва надо было осуществить несколько замыслов.

Первым делом она вышла за Николсона. Сделав это, она очутилась в совершенно других кругах, и полиция потеряла ее из виду. Николсон как раз собирался в Англию, чтобы основать лечебницу для нервнобольных. Он подыскивал подходящий дом, который можно было бы купить подешевле. Мойра навела его на Грейндж. Она по-прежнему была в шайке контрабандных торговцев наркотиками. Поскольку Николсон этого не знал, он оказался ей очень полезен.

У меня всегда было два честолюбивых устремления: я хотел владеть Мерроуэй-Кортом и ворочать громадными деньгами. Один из Бэссингтон-френчей был очень влиятелен в царствование Карла Второго. С тех пор род пришел в упадок. Я чувствовал, что могу восстановить его влияние, но мне нужны были деньги.

Мойра несколько раз смоталась в Канаду «повидать своих». Николсон обожал ее и верил каждому ее слову, как это водится у большинства

мужчин. Из-за сложностей, связанных с наркобизнесом, она путешествовала под разными фамилиями. С Сэвиджем она встретилась, будучи «миссис Темплтон». Она слыхала о Сэвидже, о его несметных богатствах и решила заарканить его. Он увлекся ею, но не настолько, чтобы потерять голову.

Тем не менее мы составили план, историю которого вы хорошо знаете. Человек, известный вам как Кеймен, играл роль равнодушного супруга. Сэвиджа несколько раз удавалось залучить в «Коттедж Тюдоров». Когда он приехал в третий раз, наш план был уже отлажен. Мне нет нужды подробно вдаваться в него, он вам известен. Все прошло просто блестяще. Мойра загребла денежки и уехала якобы за границу, но на самом деле она вернулась в Грейндж.

Тем временем я осуществлял свои планы. Надо было убрать с дороги Генри и юного Томми. С Томми мне не повезло: сорвалась парочка «несчастливых случаев». С Генри я не собирался заниматься этими глупостями. После несчастного случая на охоте у него начались сильные ревматические боли. Я пристрастил его к морфию. Этот простак принимал его без всякой задней мысли и вскоре стал наркоманом. Наш план заключался в том, чтобы он лег в Грейндж на излечение, а там либо кончил жизнь самоубийством, либо принял чрезмерную дозу морфия. Этим должна была заняться Мойра, я к этому делу не должен был иметь никакого отношения. Но тут этот дурак Карстэрс развил бурную деятельность. Похоже, Сэвидж черкнул ему пару строк с корабля, упомянув о миссис Темплтон и даже вложив в конверт ее снимок. Вскоре после этого Карстэрс отправился на охоту. Когда он вернулся из джунглей и услышал о смерти Сэвиджа и его завещании, он отнесся к этой истории недоверчиво. Он был убежден, что Сэвидж совершенно не боится смерти, и не поверил, что тот всерьез опасался рака. К тому же сам стиль завещания показался ему в высшей степени несвойственным покойному. Сэвидж был трезвым дельцом, и Карстэрс, зная, что он вполне способен завести роман с миловидной женщиной, совершенно не верил в то, что его друг мог оставить ей такую сумму, отписав мелочь благотворительным организациям. Благотворительность – моя идея. Это придало бы завещанию респектабельность, да и вообще благотворительность – верное дело.

Карстэрс приехал сюда, намереваясь докопаться до истины, и начал совать нос куда не надо. Ему повезло с самого начала. Какие-то друзья привели его на ленч, и он увидел фотографию Мойры на рояле и признал в ней женщину, снимок которой ему прислал Сэвидж. Он поехал в Чиппинг

Сомертон и стал разнюхивать, что к чему. Мы с Мойрой струхнули. Порой мне кажется, что зря. Но Карстэрс был ушлый парень. Я поехал в Чиппинг Сомертон вслед за ним. Ему не удалось напасть на след кухарки, Роз Чадли. Она уже уехала на север, но он разыскал след Эванс, узнал ее нынешнюю фамилию и отправился в Марчболт.

Дело принимало серьезный оборот. Если бы Эванс опознала миссис Темплтон и миссис Николсон как одно и то же лицо, все могло очень осложниться. К тому же она какое-то время прожила в доме, и мы точно не знали, много ли ей известно. Я решил, что Карстэрса пора убирать. Слишком уж много хлопот он доставлял. Мне помог случай. Я оказался у него за спиной, когда сгустился туман. Я подкрался вплотную и неожиданным толчком довершил дело.

Но трудностей у меня не убавилось. Ведь я не знал, какие улики могли оказаться при нем. Однако ваш молодой дружок-моряк весьма кстати сыграл мне на руку. Меня на какое-то время оставили одного с телом, а большего мне и не надо было. У него оказалась фотография Мойры. Он получил ее у фотографов, очевидно для опознания. Я забрал ее, а также все остальное, что могло помочь опознанию. Затем я подложил фотографию одного из членов шайки.

Все шло хорошо. Псевдосестра и шурин приехали и опознали его. Казалось, все благополучно завершилось, но тут ваш дружок Бобби испортил обедню. Оказалось, что Карстэрс перед смертью пришел в себя и кое-что сболтнул. Он упомянул Эванс, а ведь Эванс была в услужении в доме викария.

Признаюсь, к тому времени мы уже не на шутку переполошились и немного растерялись. Мойра твердила, что Бобби надо убрать. Мы попробовали осуществить один план, но он провалился. Тогда Мойра заявила, что она сама этим займется. Она отправилась в Марчболт на машине и успешно воспользовалась предоставившейся возможностью, насыпав морфия в бутылку с пивом, пока Бобби спал. Но этому юному чертенку все нипочем! Это уже было чистое невезение.

Как я уже говорил, допрос, учиненный Николсоном, заставил меня усомниться, что вы – та, за кого себя выдаете. Представьте себе, как была потрясена Мойра, когда вышла однажды из дома, чтобы встретиться со мной, а наткнулась на Бобби! Она сразу же узнала его. Неудивительно, что она перепугалась чуть ли не до потери сознания. Затем она поняла, что он подозревает вовсе не ее, и, взяв себя в руки, снова стала играть свою роль. Она пришла в гостиницу и наплела кучу небылиц. Он проглотил их, как ягненок. Мойра притворилась, что Алан Карстэрс был ее возлюбленным, и

постаралась на славу, расписывая свои страхи перед Николсоном. Кроме того, она по мере возможности развеяла подозрения на мой счет. Я делал то же самое и выставял ее слабым беспомощным созданием. Это Мойру-то, которая не моргнув глазом могла убрать сколько угодно людей.

Положение было серьезное. Мы получили деньги, осуществление планов, связанных с Генри, протекало удачно. С Томми я не торопился, тут я мог позволить себе немного подождать. Со временем я бы без труда избавился и от Николсона. Но нам угрожала опасность с вашей стороны. Грейндж попал в фокус ваших подозрений.

Возможно, вам будет интересно узнать, что Генри не покончил с собой. Я убил его! Когда я беседовал с вами в саду, я понял, что нельзя терять времени. Я сразу же вошел в дом и обо всем позаботился. Эту возможность мне дал аэроплан, который появился над головой. Я вошел в кабинет, сел рядом с Генри, который писал, сказал: «Послушай, старина...» – и застрелил его! Шум самолета заглушил этот звук. Затем я написал прекрасное трогательное письмо, стер с револьвера свои отпечатки пальцев, вложил его в руку Генри, а потом сделал так, что револьвер упал на пол. Я положил ключ от кабинета в карман Генри и вышел, заперев дверь снаружи ключом от столовой, который подходит к замку. Не стану подробно описывать, как я добился шумового эффекта четыре минуты спустя. Дымоход, шутиха – и все дела. В общем, все сошло прекрасно. Вы и я были вместе в саду и слышали выстрел. Чистейшее самоубийство! Единственный человек, который попал под подозрение, – бедный старина Николсон. Этот осел вернулся за тростью или чем-то еще.

Разумеется, Мойре докучали похождения странствующего рыцаря Бобби. Поэтому она просто отправилась в «Коттедж». Мы рассчитывали, что Николсон возбудит ваши подозрения, объясняя причины отсутствия жены. В коттедже Мойра в полной мере проявила свой характер. Услышав шум наверху, она поняла, что меня вывели из строя, и тотчас же легла на кровать, введя себе большую дозу морфия. Когда все вы спустились вниз к телефону, она проскользнула в мансарду и перерезала мои веревки. Затем морфий взял свое, и, когда прибыл доктор, она действительно была в глубоком сне.

Но Мойра теряла присутствие духа. Она боялась, что вы доберетесь до Эванс и узнаете, как были сработаны завещание и самоубийство Сэвиджа. К тому же она опасалась, что Карстэрс мог написать Эванс до приезда в Марчболт. Мойра сделала вид, что едет в лечебницу в Лондон, а вместо этого поспешила в Марчболт и повстречала вас на пороге дома! Тут уж ей захотелось только одного – убрать вас обоих. Действовала она в высшей

степени грубо, но я думаю, что это сошло бы ей с рук: вряд ли официантка смогла бы запомнить, как выглядела женщина, зашедшая в кафе вместе с вами. Мойра вернулась бы обратно в Лондон, затаилась в лечебнице, и шум бы утих, не будь вас с Бобби.

Но вы встретили ее, и она потеряла голову. А потом, на суде, и меня втянула в это дело! Возможно, она действительно слегка опостылела мне, но я не думаю, что она это знает. Видите ли, деньги были у нее. Мои деньги. Но если б я на ней женился, она могла мне надоест. Я приверженец разнообразия.

Ну вот, теперь я здесь и начинаю жизнь сызнова. А все из-за вас и этого исключительно неприятного юноши Бобби Джонса...

Но я не сомневаюсь, что все у меня будет хорошо! Или, может быть, наоборот, плохо? Я еще не свыкся с происшедшим. Но если первая попытка неудачна, попробуйте снова и снова!

До свидания, моя дорогая, а может быть, прощайте. Как знать, правда? Преданный вам враг, дерзкий злодей, Роджер Бэссингтон-френч».

Глава 35

ВЕСТИ ИЗ ДОМА ВИКАРИЯ

Бобби вернул письмо, и Фрэнки со вздохом взяла его.

– Он и впрямь удивительная личность, – сказала она.

– Он тебе всегда нравился, – холодно ответил Бобби.

– Обаяние, – сказала Фрэнки. – У Мойры тоже, – добавила она.

Бобби покраснел.

– Самое смешное в том, что ключ к разгадке здесь, в доме отца, – сказал он. – Ты знаешь, Фрэнки, Карстэрс действительно написал Эванс. То есть миссис Робертс.

Фрэнки кивнула.

– Он сообщал, что приедет повидать ее и что хочет разузнать о миссис Темплтон, которая, как он полагал, была опасной международной авантюристкой, разыскиваемой полицией.

– А потом, когда его столкнули с утеса, она оказалась не в состоянии сложить два и два, – с горечью сказал Бобби.

– Это потому, что мужчина, который упал с утеса, был назван Причардом, – объяснила Фрэнки. – Оpozнание – тонкий ход. Если человека по имени Причард сталкивают с утеса, стало быть, это никакой не Карстэрс. Именно такой вывод сделал бы заурядный ум.

– Самое смешное в том, что она узнала Кеймена, – продолжал Бобби. – По крайней мере, она мельком видела его, когда Робертс впускал того в дом, и спросила, кто это. А он ответил, что это некий мистер Кеймен. И она сказала: «Странно, он как две капли воды похож на господина, у которого я когда-то была в услужении».

– Уму непостижимо, да? – сказала Фрэнки. – Даже Бэссингтон-френч выдал себя раз или два, а я, как идиотка, ничего не заметила.

– Выдал?

– Да, когда Сильвия сказала, что фотография в газетах очень похожа на Карстэрса, он заявил, что особого сходства не было, показав тем самым, что видел лицо покойного.

– А как же, черт побери, ты раскусила Мойру, Фрэнки?

– Наверное, по описанию миссис Темплтон, – мечтательно сказала Фрэнки. – Все говорили, что она «такая милая леди». Ну а это, видимо, никак не вязалось с миссис Кеймен. Ни один из слуг не назвал бы ее

«милой леди». А потом мы добрались до дома викария, и там стояла Мойра. И мне вдруг пришло в голову: а что, если она и есть миссис Темплтон?

– Какая ты догадливая.

– Мне очень жаль Сильвию, – сказала Фрэнки. – Представляешь, какой скандал ей пришлось пережить из-за того, что Мойра втянула в это дело Роджера? Но доктор Николсон не отмежеввался от нее, и я ничуть не удивлюсь, если они в конце концов поженятся.

– Похоже, все закончилось весьма удачно, – сказал Бобби. – У Бэджера в гараже дела идут неплохо благодаря твоему отцу, а я с его помощью получил эту замечательную работу...

– Ты называешь это замечательной работой?

– Управляющий такой огромной кофейной плантацией в Кении! Разве не замечательно? Я об этом и не мечтал! – Он помолчал, потом многозначительно добавил: – Сейчас в Кении большой приток туристов.

– Там и постоянно живет немало народу, – тихо ответила Фрэнки.

– А ты бы хотела, Фрэнки? – Он залился краской и начал заикаться, но взял себя в руки. – Ты бы хотела?

– Хотела бы, – сказала Фрэнки. – То есть хочу.

– Я всегда был без ума от тебя, – сдавленным голосом произнес Бобби. – Я так огорчился, зная, что из этого ничего не выйдет...

– Я полагаю, именно поэтому ты и был так груб со мной в тот день на поле для гольфа?

– Да, я чувствовал себя довольно скверно.

– Хм. А как же Мойра?

Бобби смутился.

– Ее лицо вроде как преследовало меня, – признался он.

– Да уж, физиономия у нее посмазливее моей, – расщедрилась Фрэнки.

– Да нет, лицо просто как бы преследовало меня. А потом, когда мы очутились в мансарде, ты проявила такую отвагу, что... ну, Мойра вроде как поблекла для меня и осталась только ты. Ты просто замечательная. Такая удивительно смелая.

– Вообще-то особой отваги не было, – сказала Фрэнки. – Я вся тряслась. Но мне хотелось, чтобы ты восхитился мною.

– А я и восхитился, дорогая. И восхищаюсь. И всегда восхищался. И всегда буду восхищаться. А ты уверена, что тебе не будет противно жить в Кении?

– Я буду блаженствовать. Англия мне до чертиков надоела.

– Фрэнки!

– Бобби!

– Прошу вас, – сказал викарий, открывая дверь и ведя за собой членов благотворительного общества по снабжению одеждой неимущих.

Он резко захлопнул дверь и рассыпался в извинениях:

– Мой... э-э... мой сын, он... э-э... обручен...

Один из членов общества насмешливо заметил, что это очень похоже на правду.

– Хороший мальчик, – сказал викарий. – Раньше-то он прожигал жизнь, но в последнее время исправился. Он уезжает в Кению работать управляющим кофейной плантацией.

Одна дамочка шепнула другой:

– Вы видели, кого он целовал? Это была леди Фрэнсес Деруэнт?

Через какой-нибудь час эта новость облетела весь Марчболт.

notes

Примечания

1

Деревянная клюшка для гольфа.

Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.